

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ЭПОХА АНТИЧНОСТИ

Хрестоматия

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ЭПОХА АНТИЧНОСТИ

Хрестоматия

Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария

Рекомендовано методическим советом УрФУ
для студентов всех форм обучения технических специальностей

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК [001+62]“652”(076.6)

ББК 72.3я7—3+30я7-3

И90

Составители :

А. В. Бармин, В. В. Запарий, В. Д. Камынин, М. Г. Кириллова,
Е. В. Лазарева, Е. С. Лахтионова, М. Р. Москаленко, Б. И. Фарманов

Рецензенты :

сектор политической и социокультурной истории Института истории
и археологии УрО РАН (зав. сектором д-р ист. наук, проф. *А. В. Сперанский*);
д-р ист. наук, проф. кафедры истории государства и права Ураль-
ского государственного юридического университета *В. П. Мотревич*

История науки и техники. Эпоха Античности : хрестоматия/сост. А. В. Бармин, В. В. Запарий, В. Д. Камынин [и др.] ; под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 176 с.
ISBN 978-5-7996-1711-0

Хрестоматия создана для преподавания и изучения истории науки и техники на всех курсах и всех формах обучения университета. В пособии содержатся материалы по учебной дисциплине в форме биографических данных ученых и фрагментов их научных трудов. Данное учебное пособие посвящено научной деятельности ученых античной эпохи. Материал изложен в хронологическом порядке с акцентированием наиболее важных этапов развития античной науки.

Составители настоящего пособия считали своей основной задачей представить эффективный историко-научный познавательный инструментарий, который поможет студентам освоить учебную дисциплину.

Учебное пособие соответствует требованиям государственного образовательного стандарта и предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов технических вузов и средних специальных учебных заведений, а также для специалистов по истории науки и техники и широкого круга читателей, интересующихся данной областью науки.

УДК [001+62]“652”(076.6)

ББК 72.3я7—3+30я7-3

ISBN 978-5-7996-1711-0

© Уральский федеральный
университет, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Античная эпоха датируется IX в. до н. э. — V в. н. э. Географическими пределами эпохи были территории древнегреческого (IX—I вв. до н. э.) и древнеримского государств (VIII в. до н. э. — середина V в. н. э.), а также стран и народов, находившихся под их влиянием. Понятие «античность» происходит от латинского слова *antiquus*, что означает «древний». Оно было предложено в эпоху Возрождения.

В эпоху Античности процесс получения новых знаний постепенно стал самостоятельной деятельностью определенной категории людей. Это была еще синкретичная наука, которая характеризовалась глубокой теоретичностью, самоценностью, стремлением к знанию ради знания и одновременно обладала системностью, рациональностью и практичностью. Отличительные черты античной науки от предшествующего периода: наука понималась как род деятельности по получению новых знаний, для чего была необходима специальная категория людей (ученых), людьми того времени понималась самоценность науки, ее теоретичность, стремление к знанию ради самого знания; был характерен рациональный характер науки, реализовалась систематичность научных знаний как по предметному полю, так и по фазам: от гипотезы до обоснования теории.

До VII в. до н. э. Греция была периферией ближневосточной цивилизации. Греки учились у Востока: они позаимствовали у финикийцев алфавит и конструкцию кораблей, у египтян — искусство скульптуры и начала математических знаний. Знаменитый древнегреческий философ, математик, религиоз-

ный и политический деятель Пифагор Самосский долго жил в Египте, пытаясь познакомиться с жрецами и проникнуть в их тайны. Он привез из Египта теорему, которая известна как теорема Пифагора. Подражая жрецам, он основал тайное общество философов. Его последователи верили в переселение душ и утверждали, что Земля — это шар. Отмечая влияние древнеегипетской и шумеро-вавилонской цивилизаций на античную культуру, следует подчеркнуть, что это не было слепым копированием. Античность создала новую, научную культуру. Она ввела в практику новый тип мышления — научный. Реализовала новый принцип трансляции знаний, создала светскую школу. Первой научной школой была школа Пифагора.

Для античности математика (в переводе с греческого — «познающий, восприимчивый») трактовалась не как наука, а как язык науки, как одна из форм ее метода. В этом контексте понятна сакральность числа. Платон говорил: «Все есть число». Греки начали разработку чисто аналитических методов решения математических задач, а также изобрели свой метод — геометризацию математики. Возникла геометрическая алгебра, позволявшая решить алгебраические задачи. Известны были планиметрия и стереометрия.

Важной областью античной науки была астрономия, где присутствуют небо и звезды как высшая ценность. Космос древнегреческого философа Платона — это созданный по определенному проекту механизм, в котором число сфер соответствует числу планет, а Земля является центром мира. По-другому решал проблему Аристотель, разделяя движения планет на круговые и прямолинейные, что приводит к существованию двух миров — надлунного и подлунного. Первый мир — вечного кругового движения небесных тел, состоящих из эфира, второй — изменчивый мир четырех элементов, в центре которого находится неподвижная Земля. Наряду с геоцентрической, существовала и геокинематическая картина

мира древнегреческого астронома и математика Аристарха Самосского. Согласно ей Земля не только вращалась вокруг своей оси, но и вокруг неподвижного Солнца, которое находится в центре сферы неподвижных звезд. Но эта теория не получила своего признания. Особое значение имела система Птолемея. Использование системы эпициклов и эксцентров и доведение ее до совершенства позволили разрешить все трудности теоретической астрономии той эпохи, объяснив и описав наблюдаемые неправильности движения планет через комбинацию равномерных круговых движений. В то же время отсутствие эксперимента в античности объясняется негативным отношением к труду.

Основной чертой греческого общества являлось столкновение частных интересов, которое приводило к бесконечным судебным процессам. На этих процессах истцы и ответчики изощрялись в ораторском искусстве. Признанным главой мудрецов-софистов был древнегреческий философ Протагор. Он был выдающимся учителем риторики. В какой-то мере от софистов и Протагора пошла вся греческая философия. В значительной степени она сводилась к умозрительным рассуждениям, которые сегодня назвали бы ненаучными. Тем не менее в рассуждениях философов встречались и рациональные мысли.

Древнегреческий философ Сократ первым поставил вопрос об объективности знания, заложил основы диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов. Древнегреческий философ Анаксагор пошел еще дальше — он отрицал существование богов и пытался создать свою картину мира. Он утверждал, что тела состоят из мельчайших частичек. Последователь Анаксагора Демокрит назвал эти частички атомами (вечные и неделимые материальные элементы разной формы) и попробовал применить бесконечно малые величины в математических вычислениях.

Учеником Сократа был знаменитый философ Платон. Платон верил в существование души и в переселение душ после смерти. Для истории науки важно то, что Платон заложил основы учения о государстве, теории идей, этики и гносеологии. Он предложил проект идеального государства, которым управляет каста философов наподобие египетских жрецов.

«Социологические» исследования Платона продолжил Аристотель. Он написал знаменитый трактат «Политика», который содержал сравнительный анализ общественного строя большинства известных тогда государств. Он выдвинул ряд положений, принятых современной социологией, и утверждал, что ведущим фактором общественного развития является рост населения; что перенаселение порождает голод, восстания, гражданские войны и установление «тирании». Аристотель был учителем Александра Македонского, знаменитого завоевателя полумира. Александр проявлял интерес к наукам и помог Аристотелю создать первое высшее учебное заведение — Ликей. После смерти Александра роль покровителя наук взял на себя его друг и полководец Птолемей. При разделе империи Александра ему достался Египет, и он основал в Александрии по образцу Ликейя новый научный центр — Мусейон. Здания Мусейона располагались среди парка. Там были аудитории для студентов, дома преподавателей, обсерватория, ботанический сад и библиотека, в которой насчитывалось 700 тыс. рукописей. Преподаватели Мусейона получали царское жалование. Среди них были не только философы и механики, но и поэты, и восточные мудрецы, переводившие на греческий язык египетские и вавилонские трактаты. Мусейон был первым научным центром, щедро финансируемым государством. По существу, день рождения Мусейона и стал днем рождения античной науки. Главой Мусейона, «библиотекарем», был древнегреческий ученый Эратосфен Киренский, основавший математическую географию. Он занимался измерением земного шара,

определил длину его окружности и теоретически обосновал возможность кругосветных путешествий. Таким образом, было доказано, что Земля — это шар. Древнегреческий математик Евклид создал теорию чисел, метод определения площадей и объемов, геометрию, которую сейчас изучают в школах. Он положил в основу науки строгие доказательства.

Александрийский Мусейон функционировал до конца IV в. В это время в Мусейоне работали такие знаменитые ученые, как древнегреческие математики Папп и Диофант. В 391 г. Мусейон был разрушен во время языческого погрома — христиане обвиняли ученых в поклонении языческим богам.

Новые археологические данные и научные реконструкции свидетельствуют, что оценка античной техники и технологии как предтечи современной техники должна быть изменена. Такие сооружения, как Колосс Родосский, Александрийский маяк, водовод на острове Самос и др., не могут быть результатом метода проб и ошибок. Это результат глубоких знаний, которые до нас не дошли. Высочайшим достижением строительного искусства является храм Геры на острове Самос, воздвигнутый в период правления тирана Поликрата (VI в. до н. э.). Он был построен с учетом строгих математических пропорций.

Создание Мусейона совпало по времени с новым переворотом в военном деле, изобретением военных машин — баллисты и катапульты. Появление баллисты изменило тактику морских сражений. Если раньше главным оружием триеры был таран, то теперь стали строить огромные корабли с башнями, на которые устанавливали баллисты. Эти корабли назывались пентерами, за каждым веслом на них сидело по пять и более гребцов, а общее число гребцов достигало тысячи человек. Именно баллиста позволила царю Птолемею завоевать господство на морях. Создание баллисты знаменовало рождение инженерной науки — механики. Первым великим механиком был знаменитый строитель военных машин Архимед, проживший часть

жизни в Александрии. Архимед на языке математики описал использование клина, блока, лебедки, винта и рычага. Вместе с корабельным мастером Архием Архимед построил для сиракузского царя Гиерона «Сиракузянку» — огромный корабль-дворец с великолепными залами и бассейнами. Корабль приводили в движение две тысячи гребцов, а на башнях стояли баллисты, бросавшие в противника трехпудовые камни. Тысячи рабочих впряглись в канаты, чтобы спустить корабль на воду, но не смогли сдвинуть его с места. Тогда Архимед сделал лебедку, с помощью которой царь сдвинул корабль в одиночку. Архимеду приписывается открытие законов гидростатики и изобретение «архимедова винта» — водоподъемного устройства, которое использовалось для орошения полей. Из других александрийских инженеров получили известность Ктесибий, изобретатель водяных часов и пожарного насоса, и Герон, создавший прообраз паровой турбины. В Александрии был изобретен перегонный куб, который позже стали использовать для получения спирта.

В III в. до н. э. начинается эпоха римских завоеваний. Возвышение Рима было связано с новым военным изобретением — легионом. Это породило новую волну завоеваний и появление нового культурного круга, который историки называют *Roma*, «Римский мир». Завоевав Грецию и Египет, римляне переняли как греческую культуру, так и научные достижения Мусейона.

Главным достижением римлян было создание цемента и бетона. Римляне научились использовать опалубку и строить бетонные сооружения. В качестве наполнителя использовали щебень. Во II в. н. э. в Риме был построен Пантеон, «Храм всех богов», с литым бетонным куполом диаметром 43 метра — это сооружение стало образцом для архитекторов Нового времени. Римляне использовали цемент и бетон при строительстве дорог и мостов. Римские дороги вызывали восхищение у истори-

ков последующих эпох. Мост через Дунай, построенный древнеримским архитектором Аполлодором, был одним из чудес того времени — он имел в длину более километра. Вершиной римского строительного искусства стал храм Святой Софии в Константинополе, построенный в VI в. архитекторами Амфимием из Трал и Исидором из Мелета. Этот храм имел купол диаметром 32 метра, установленный на пилонах 23-метровой высоты.

Самым знаменитым архитектором и инженером римского времени был Марк Витрувий, живший в I в. до н. э. По просьбе императора Августа Витрувий написал «Десять книг об архитектуре» — обширный труд, рассказывавший о строительном ремесле и различных машинах. В этом труде содержится первое описание водяной мельницы. В XV в. труд Витрувия, переведенный на латинский язык, стал пособием для архитекторов Нового времени. Витрувий в своей работе использовал труды ученых из Александрийского Мусейона.

Роль христианства в развитии науки можно понять, только разобравшись в существе этой идеологии. Христианство было социалистической идеологией. Благодаря этому оно стало религией народа и одержало победу. Однако христианство претендовало на роль монополярной идеологии. Оно боролось с другими религиями и другими богами, преследуя всякое инакомыслие. Никто не имел права усомниться в том, что написано в Библии, а в ней было написано, что Земля лежит посреди Океана и накрыта, как шатром, семью куполами неба, что в центре мира находится Иерусалим, а на Востоке, за Индией, расположен рай, и там берут начало четыре священные реки: Тигр, Евфрат, Инд и Ганг. Это была древняя картина мира, позаимствованная когда-то из Вавилона, и она никак не совмещалась с античной наукой. В конце концов, отцы церкви согласились принять систему Клавдия Птолемея, признали, что наша планета — шар, и перенесли рай за седьмую птоле-

меевскую сферу, в «жилище блаженных». Церковь подавляла свободомыслие ученых, но причиной гибели античной науки было не всевластие церкви. На протяжении нескольких веков, последовавших за крушением греко-римской цивилизации, центр научной жизни переместился на восток от Евфрата. В период V — VII вв. наблюдался значительный культурный прогресс не только в Персии и Сирии, но и в Индии (особенно в математике и астрономии).

В. В. Запарий, А. В. Бармин

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ (IX–VI ВВ. ДО Н.Э.)

Преднаучная традиция. Зарождаются и формируются основы научного (философского) познания. Древние авторы создавали «науку о природе» (натурфилософию). Это была синкретичная дисциплина, основной проблемой которой являлась проблема происхождения и устройства мира. Она была неотделима от философии. Первые греческие натурфилософы уделяли внимание в первую очередь космогонии и космологии и заложили основу для последующего развития точных наук. Исторически началом античной науки является деятельность так называемых «семи мудрецов». Один из них, Фалес Милетский, считается первым философом Греции. Он является представителем милетской школы, к которой также принадлежали Анаксимандр, Анаксимен, Ферекид Сиросский, Диоген Аполлонийский и др. Основные научно-философские школы периода: ионийская, пифагорейская, элейская, плюралисты и физики-эклектики.

АКУСИЛАЙ ИЗ АРГОСА (*Akusilaos*, VI в. до н.э.)

Древнегреческий мудрец и историк. Написал книгу «Генеalogии» — первое прозаическое историческое сочинение. Это произведение было прозаической обработкой мифов и генеalogий Гесиода. Акусилаи использовал архаическую хронологию, типичную для ионийских логографов. От «Теогонии»

Акусилая сохранилось всего пять свидетельств и три фрагмента, которые к тому же содержат противоречия. Таким образом, об учении мудреца известно очень мало. Первоначально Акусилая полагал непознаваемый Хаос, из которого вышли Эреб (мужское начало) и Ночь (женское начало). От совокупления Эреба и Ночи родились Эфир, Эрос и Метис, а от них — множество других богов. Согласно Платону, Акусилая следовал за Гесиодом в том, что Гея и Эрос рождались после Хаоса. Еще один источник утверждает, что Акусилая называл Эрота сыном Ночи и Эфира.

История древнегреческой литературы : в 3-х т. Т. 2. М., 1955.

Торшилов Д. О. Античная мифография. СПб., 1999.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев. М. : Наука, 1989.

АЛКМЕОН КРОТОНСКИЙ (Alkmaion, VI–V вв. до н. э.)

Древнегреческий врач и натурфилософ, представитель кротонской медицинской школы. Вероятно, он был учеником Пифагора.

В сочинении «О природе» впервые дал натурфилософскую концепцию человеческого тела как микрокосмоса и сбалансированной системы противоположностей. Проводил анатомо-физиологические исследования, занимался эмбриологией. Практика сечения трупов в научных целях позволила Алкмеону дать первое систематическое описание общего строения тела и предполагаемых функций организма. При изучении отдельных систем организма, в том числе мозга и нервной системы, Алкмеон обнаружил наличие проводников, идущих от мозга к органам чувств. Им было установлено, что мозг, органы чувств и открытые им проводники имеются как у человека,

так и у животных, а стало быть, и тем, и другим должны быть свойственны переживания, ощущения и восприятия. Наделяя животных душой, Алкмеон не был склонен к отождествлению психики животных и человека.

Рассматривая ощущения в качестве исходной формы познавательной деятельности, Алкмеон впервые пытается описать условия возникновения ощущений и формулирует в этой связи правило подобия в качестве объяснительного принципа чувствительности. Уровни жизнедеятельности связывались Алкмеоном с особенностями динамики и перемещений крови в теле. Прилив крови в жилы вызывает пробуждение, отлив крови от жил ведет ко сну, а полный отток крови приводит к смерти организма. Общее же состояние организма определяется соотношением четырех стихий — воды, земли, воздуха и огня, являющихся строительным материалом тела. Правильная координация, равновесие, гармония этих четырех элементов обеспечивают физическое здоровье тела и бодрость духа человека. Нарушение равновесия ведет к различным болезням и в самом худшем случае — к гибели. Равновесие и гармония стихий в теле и здоровье человека зависят от пищи, которую он употребляет, от климатических и географических условий, в которых человек живет, наконец, от особенностей самого организма.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

АНАКСАГОР ИЗ КЛАЗОМЕН (Ἀναξαγόρας, ок. 500–428 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, математик и астроном, основоположник афинской философской школы. Сохранились только фрагменты его главного философского труда «О природе»,

где выдвигается учение о неразрушимых элементах, бесконечно делимых по своей природе, что предвосхитило современную теорию о бесконечных множествах. Первоначалами Анаксагор считал неразрушимые «семена», которые образуют формы при соединении по принципу подобия качеств. Первоначальное движение задавал Нус (Ум), представляющий из себя некую тонкую и легкую материю; дальнейшее развитие Анаксагор признавал как чисто механическое, поэтому в его системе не оставалось места богам и сверхъестественным силам. Солнце, луна, звезды объявлялись раскаленными каменными массами.

В своих трудах утверждал, опираясь на Эмпедокла, что материя вечна и ничто не возникает из ничего и не может превратиться в ничто. Анаксагор ввел в математику понятие «бесконечно большого» и «бесконечно малого»; занимался астрономией, выясняя причины затмения Луны. Ему также приписывают трактат о сценических декорациях.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

АНАКСИМАНДР (Anaximandros, ок. 610–546 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ из Милета, представитель ионийской философской школы, друг и ученик Фалеса. Традиция называет его также географом и геометром. Рассматривая мир в его целостности и единстве, Анаксимандр брал за основу и начало всего существующего в природе не воду, не воздух и не землю, а то, что он сам назвал термином «апейрон» — материально-вещественное начало.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

АНАКСИМЕН (*Anaximenes*, ок. 585–525 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ из Милета, представитель ионийской философской школы, ученик и друг Анаксимандра, исправил ошибку своего учителя, поместив звезды за солнцем и Луной, однако Землю считал гористой плоскостью.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ (*Hekataĩos Milesios*, ок. 546–480 гг. до н.э.)

Древнегреческий историк, географ, один из древнейших греческих прозаиков. Автор одной из первых географических работ страноведческого характера «Землеописания» из двух частей: «Европа», включая Северную Азию, и «Азия», включая Египет и Ливию. Это сочинение, видимо, сопровождалось картой с изображением ойкумены (населенной части суши). Карта Гекатея Милетского не обнаружена, однако даже частичное воспроизведение ее по описанию Геродота и других авторов «Землеописания» позволяет наглядно судить о географических представлениях древних греков.

Другое сочинение Гекатея Милетского — «Генеалогия» (сохранились фрагменты) — содержало древнегреческие мифы и предания, систематизированные в качестве исторического описания.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Томсон Дж. История древней географии/пер. с англ. М., 1953.

ГЕРАКЛИТ ИЗ ЭФЕСА (*Hera'kleĩtos Ephesios*, ок. 540–480 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ. Автор философского сочинения, сохранившегося лишь во фрагментах (более 100). Герак-

лит излагал свои мысли афористически, в загадках и образах, и за трудность интерпретации своего метафорического языка был назван Темным, а также Плачущим — из-за того, что не раз выражал в своих текстах жалость к людям, бессмысленно проводящим свою жизнь. Гераклит выступал как против мифопоэтической традиции (Гомер и Гесиод), так и против научного рационализма ионийской натурфилософии (Ксенофан и Гекатей).

По учению Гераклита, божественное единство (разум, Зевс, Логос, космос) превышает текучего изменчивого мира множества. Космос вечно существует в размеренных циклах, космос есть «вечно живой огонь», и эта физическая сторона его существа позволяет ему каждый раз совершать нисхождение от чистого состояния (мировой пожар) к состоянию связанности с другими элементами (природная чувственная жизнь). Чувственный мир подобен текущей реке, воды которой каждый раз в своем движении обновляются («в одну реку нельзя войти дважды»). Все находится в состоянии постоянного изменения и борьбы (войны), одно возникает за счет уничтожения другого и существует как напряженная гармоническая взаимосвязь различных противоположностей. Мир вечен, существует циклически, а основу его составляет огонь, остывание которого порождает другие «элементы» и многообразие вещей. После этого периода «нужды» наступает период «избытка» огня, сжигающего весь мир и творящего над ним суд.

Человек, по Гераклиту, состоит из огненного начала, души и тела. «Наилучшей и мудрейшей» душа становится когда она «суха, светобразна», не отягощена пресыщением и опьянением, делающими душу «влажной», слабой. Мудрость, по Гераклиту, в том, чтобы узреть за многообразием единое начало, «знать все как одно», жить здоровым рассудком, общим для всех. Изречения Гераклита впоследствии у многих вызывали интерес и часто цитировались.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

Фрагменты из произведения Гераклита Эфесского «О природе»

Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разъясняя по существу. От остальных же людей скрыто то, что они делают бодрствуя, точно так же, как они свои сны забывают.

Поэтому необходимо следовать всеобщему. Но, хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание.

Солнце — не только новое каждый день, но вечно и непрерывно новое.

Враждующее соединяется, из расходящихся — прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу.

Связи: целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, согласное и разногласное, и из всего — одно, и из одного — все.

Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим.

Превращения огня: сначала — море, море же наполовину земля и наполовину престер. Это значит, что огонь посредством всеуправляющего логоса и бога через воздух превращается в воду как бы семя мирообразования, которую он называет морем; из воды же происходит земля и небо и все между ними находящееся. Каким же образом он в обратном направлении восстанавливается и возжигается, он разъясняет так: море мерами

разлагается по тому же логосу, какой и прежде был до возникновения земли.

Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего.

Все едино: делимое — неделимое, рожденное — нерожденное, смертное — бессмертное, логос — вечность; отец — сын, бог — справедливость; не мне, но логосу внимая, мудро признать, что все — едино.

Так жизненное тепло, исходящее от солнца, обеспечивает жизнь всему, что живет.

Если бы солнце не существовало, несмотря на остальные светила, была бы ночь.

Периоды. Солнце, их управитель и наблюдатель, устанавливает, руководит, назначает и обнаруживает переходы и времена года, которые все приносят.

Общие начало и конец у периферии круга.

В одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1981.

Гераклит Эфесский// Кабинетъ: материалы по истории астрономии. Режим доступа: <http://astro-cabinet.ru/index/Geraklit-1.htm>.

КСЕНОФАН КЛОСФОНСКИЙ (*Xenophanes*, 580/577–490/485 гг. до н.э.)

Древнегреческий поэт и философ, основатель элейской школы, автор элегий. Антропоморфным богам греческой народной религии Ксенофан противопоставлял некоего единого бога, ни по облику, ни по мыслям не сходного с человеком. Ксенофану принадлежит целая космогония, типичная для досократовской философии: «... из земли все (возникло) и в землю все обратится в конце концов» и т. п. Среди многочислен-

ных мотивов натурфилософского, критико-мифологического и поэтического содержания в дошедших до нас фрагментах убежденно проводится мысль о непрерывности, единстве, вечности, неразрушимости и неизменяемости сущего, что, несомненно, оказало решающее влияние на всю элейскую школу.

Лебедев А. В. Фалес и Ксенофан (Древнейшая фиксация космологии Фалеса) // Античная философия в интерпретации буржуазных философов. М., 1981.

Фрагменты из поэмы Ксенофана «О природе»

16 (23) Все из земли возникает, и все обращается в землю.

17 (24) Море — источник воды, а также и ветра источник,

Ибо возникнуть внутри облаков, наполненных влагой,

Также ветрам не дано без участия бескрайнего моря,

Как не бывать без него ни дождям из эфира, ни рекам —

Только море творит облака и потоки реки, и ветры.

18 (26) Бог же един между смертных и между богов величайший,

Смертному он не подобен ни видом своим, ни душою.

19 (27) Всем своим естеством он и видит, и слышит, и мыслит.

20 (28) Мощью рассудка он все без труда повергает в смятение.

21 (29) Вечно на месте одном без движения он пребывает,

Не подобает ему то сюда, то туда обращаться.

22 (30) Верхний предел земли мы воочью у ног своих видим,

С воздухом он сопряжен, а нижний уходит в бездонность.

23 (31) Почва и влага суть то, что родится и произрастает.

24 (32) Солнце, что над землей обращаясь, ее согревает.

25 (33) То, что Иридой зовут, происходит из облака тоже,

Нам она видится алой, пурпурной и светло-зеленой.

26 (34) Ибо все как один из воды и земли мы родились.

27 (35) Правды не знает никто, и никто никогда не узнает
Ни о богах, ни о том, что предметом бесед моих служит.
Если ж нам кто-то подчас безошибочно правду предскажет,
Сам он не знает о ней, — все будет простою догадкой.

28 (36) Будем за правду считать мы то, что с правдою
схоже.

Ксенофан. О природе // Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э. М.: Ладомир, 1999. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/ksenophanes/Kcen.htm>.

ПАРМЕНИД (*Parmenides*, ок. 540–470 гг. до н. э.)

Древнегреческий философ. В своей философской поэме «О природе» поставил проблемы бытия и небытия; сформулировал идею тождества бытия и мышления. Небытия нет, ибо оно немыслимо и несказанно, бытийно лишь мыслимое (мысль о предмете и предмет мысли — одно и то же). Не будучи разделенным небытием, бытие едино. Так как изменение и перемещение предполагает небытие (движущееся не находится там, где оно только что было, и его нет там, где оно сейчас будет), то бытие неизменно и неподвижно, вечно, вне времени, «все в настоящем». Эта истинная картина мира («путь истины») — плод разума. Чувственная же, пространственно-временная физическая картина мира с подвижностью, изменчивостью, множественностью — «путь мнения». Это мир борьбы активного (огненного) и пассивного (темного) начал, он управляем космической Афродитой и Эротом. Следовать истине может лишь тот, у кого бестрепетное сердце. В учении о неподвижности подлинного бытия Парменид противостоял Гераклиту с его «все течет». Последующие философы синтезировали обе картины мира в учениях о неизменности элементов и изменчивости и текучести их комбинаций.

Ахутин А. В. *Античные начала философии*. СПб. : Наука, 2007.

Философия: энциклопедический словарь/под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.

Фрагмент из произведения Парменида «О природе»

IV. 3. Есть бытие, а небытия вовсе нету; здесь достоверности путь, и к истине он приближает.

V. 1. Одно и то же есть мысль и бытие.

VI. 1. Слово и мысль бытием должны быть.

VIII. 34. Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль. Ибо без бытия, в котором существует ее выражение, мысли тебе не найти.

VIII. Не возникает оно бытие, и не подчиняется смерти.

Цельное все без конца, не движется и однородно.

Не было в прошлом оно, не будет, но все — в настоящем.

Без перерыва одно. Ему ли разыщешь начало?

Как и откуда расти?

VIII. 21. Гаснет рождение, так и смерть пропадет без вести,

И неделимо оно, ведь все оно сплошь однородно.

VIII. 26. Так неподвижно лежит в пределах оков величайших

И без начала, конца, затем, что рождение и гибель

Истинны тем далеко отброшенным вдаль убеждениям.

VIII. 30. Могучая необходимость

Держит в оковах его, пределом вокруг ограничив.

Так бытие должно быть необходимо конечным :

Нет ему нужды ни в чем, иначе во всем бы передалось.

VIII. 42. Есть же последний предел, и все бытие отовсюду замкнуто, массе равно вполне совершенного шара

С правильным центром внутри.

Хрестоматия по философии : учеб. пособие /отв. ред. и сост. А. А. Радугин. М. : Центр, 2001. Режим доступа : <http://www.gumfak.ru>.

ПИФАГОР САМОССКИЙ (*Pythagoras*, ок. 570–497 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, ученый, педагог, политический деятель. В г. Кротон основал свою философско-религиозную школу. Согласно Пифагору, предпосылкой познания мира является чистота души и тела, понимаемые им как отказ от излишеств, соблюдение определенной диеты и этических правил. Пифагор говорил о бессмертии души, о ее воплощении после смерти и последующего возрождения на земле в животном, соответствующем характеру и поведению человека. С этим представлением связано учение Пифагора о теле как темнице души.

Цель научных исследований, по Пифагору, — познание небесной гармонии, законы которой могут быть выявлены при изучении чисел и геометрии. Отсюда обожествление Пифагором чисел. Совершенной фигурой Пифагор считал шар и поэтому впервые высказал теоретическое предположение о шарообразной форме Земли. Пифагору приписывают формулировку ряда геометрических теорем. Свое учение Пифагор считал доступным немногим избранным и рассматривал своих учеников как товарищество воинствующих борцов со злом, воплощенным в невежестве. Не отвергая греческих богов, Пифагор считал опасным знакомство с греческими мифами в раннем возрасте, требовал очищения их от нелепых фантазий, грубости и безнравственности.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

*Фрагмент из произведения Пифагора «Священное слово»
(«Золотые стихи»)*

Ты же будь твердым: божественный род присутствует
в смертных,

Им, возвещая, священная все открывает природа.

Если не чуждо это тебе, ты наказы исполнишь,

Душу свою исцелишь и от множества бедствий избавишь.

Яства, сказал я, оставь те, что я указал в очищениях,

И руководствуйся подлинным знанием — лучшим возниким.

Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесешься,

Станешь нетленным и вечным и смерти не знающим богом.

Пифагор//Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пифагор>.

Упоминания учения Пифагора у философов древности

Диоген Лаэртий. Гермипп

Гермипп рассказывает про Пифагора еще одну историю. Приехав в Италию, он соорудил себе комнатку под землей и наказал матери записывать на дощечке все происходящее, отмечая при этом время событий, а затем спускать ему эти заметки, доколе он не вернется на землю. Мать сделала, как он сказал. А Пифагор некоторое время спустя вернулся наверх тощий как скелет, пришел в народное собрание и объявил, что прибыл из Аида, причем зачитал им все, что произошло за время его отсутствия. Те были так взволнованы сказанным, что заплакали, зарыдали и уверовали, что Пифагор прямо-таки божественное существо. Дело кончилось тем, что они доверили ему своих жен, чтобы те научились кое-чему из его учений, и их прозвали пифагоричками. Вот что говорит Гермипп.

Евдем. История геометрии

Следующим после него [Фалеса], кто предался занятиям геометрией, предание называет Мамерка, брата поэта Стеси-

хора... После них Пифагор преобразовал занятия геометрией в свободную дисциплину, изучая ее высшие основания и рассматривая теоремы *in abstracto* [«в отвлечении от материи»] и ноэтически. Он же открыл теорию иррациональных и конструкцию космических фигур правильных многогранников.

Аристотель. О пифагорейцах

В книге «О пифагорейской философии» Аристотель сообщает, что пифагорейцы хранили в строжайшей тайне следующее разделение: разумные живые существа подразделяются на три вида: бог, человек и существо, подобное Пифагору.

Ипполит. Опровержение всех ересей

Диодор из Эретрии и Аристоксен-музыковед говорят, что Пифагор посетил Халдея Зарату [Зороастра], а тот изложил ему учение, согласно которому есть две изначальные причины вещей: отец и мать, отец — свет, мать — тьма, части света — горячее, сухое, легкое, быстрое; части тьмы — холодное, влажное, тяжелое, медленное; из них, из женского и мужского начала, состоит весь космос.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики/подгот. А. В. Лебедев. М., 1989.

ФАЛЕС (Thales, 640/624–548/545 гг. до н. э.)

Древнегреческий философ и математик из Милета. Представитель ионической натурфилософии и основатель милетской (ионийской) школы, с которой начинается история европейской науки. Имя Фалеса уже в V веке до н. э. стало нарицательным для мудреца. «Отцом философии» Фалеса называли уже в его время. Некоторое время он жил в Египте, в Фивах и Мемфисе, где учился у жрецов, изучал причины наводнений, продемонстрировал способ измерения высоты пирамид (дождавшись момента, когда длина тени палки становится равной ее

высоте, и тогда измерил длину тени пирамиды). Считается, что именно он «привез» геометрию из Египта и познакомил с ней греков. Будучи военным инженером на службе у царя Лидии Креза, Фалес, чтобы облегчить переправу войска, пустил реку Галис по новому руслу, спроектировав плотину и водоотводный канал.

Сочинения Фалеса не сохранились. Ему приписываются два сочинения: «О солнцеворотах» и «О равноденствиях» (их содержание известно в передаче более поздних авторов). Считается, что Фалес первым открыл наклон эклиптики к экватору и провел на небесной сфере пять кругов: арктический круг, летний тропик, небесный экватор, зимний тропик, антарктический круг. Он научился вычислять время солнцестояний и равноденствий, установил неравность промежутков между ними. Фалес первым указал, что Луна светит отраженным светом; что затмения Солнца происходят тогда, когда его закрывает Луна. Фалес первым определил угловой размер Луны и Солнца; он нашел, что размер Солнца составляет $1/720$ часть от его кругового пути, а размер Луны — такую же часть от лунного пути. Можно утверждать, что Фалес создал «математический метод» в изучении движения небесных тел. Фалес ввел календарь по египетскому образцу (в котором год состоял из 365 дней, делился на 12 месяцев по 30 дней, и 5 дней оставались выпадающими).

Фалес научился определять расстояние от берега до корабля, для чего использовал подобие треугольников. В основе этого способа лежит теорема, названная впоследствии теоремой Фалеса: если параллельные прямые, пересекающие стороны угла, отсекают равные отрезки на одной его стороне, то они отсекают равные отрезки и на другой его стороне. Фалес считал, что все рождается из воды; все возникает из воды и в нее превращается. Начало элементов, сущих вещей — вода; начало и конец Вселенной — вода. Все образуется из воды путем ее затверде-

вания / замерзания, а также испарения; при сгущении вода становится землей, при испарении становится воздухом. Причина образования / движения — дух, «гнездящийся» в воде. Фалес полагал, что Космос — един. Вода и все, что из нее произошло, не являются мертвыми, но одушевлены; Космос одушевлен и полон божественных сил. Душа как активная сила и носитель разумности причастна божественному строю вещей. Природа как живая, так и неживая, обладает движущим началом (душой). Фалес представляет душу в виде тонкого эфирного вещества. Фалесу приписываются следующие положения.

1. Земля плавает в воде (как кусок дерева, корабль или какое-нибудь другое тело, которому по природе свойственно держаться на плаву в воде); землетрясения, вихри и движения звезд происходят оттого, что все качается на волнах по причине подвижности воды.
2. Земля плавает в воде, а Солнце и другие небесные тела питаются испарениями этой воды.
3. Звезды состоят из земли, но при этом раскалены; Солнце — землистого состава, т. е. состоит из земли; Луна — землистого состава, т. е. состоит из земли.
4. Земля находится в центре Вселенной; при уничтожении Земли рухнет весь мир.
5. Жизнь предполагает питание и дыхание, в каких функциях выступают вода и «божественное начало», душа.

Знания Фалеса по космогонии, космологии, теологии и физике восходят к мифологии и традиции. Но Фалес перевел это знание в «плоскость научного интереса», то есть из комплекса свойств, распространенных по мифам и подобным источникам, вывел группу научных для своего времени образов.

Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1998.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспаров; ред. А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986.

Лебедев А. В. Фалес и Ксенофан (Древнейшая фиксация космологии Фалеса) // *Античная философия в интерпретации буржуазных философов*. М., 1981.

Панченко Д. В. Фалес: рождение философии и науки // *Некоторые проблемы истории античной науки*. Л., 1989.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

ФЕРЕКИД СИРОССКИЙ (*Pherecydēs*; 584/583–499/498 гг. до н.э.)

Древнегреческий космолог, учитель Пифагора. Ферекид не получал наставлений в философии ни от какого учителя, но приобрел свое знание из тайных книг финикийцев. Ферекид считается первым греческим прозаиком. Написал «Теогонию» и «Космогонию». В отличие от «Теогонии» Гесиода, где все боги «рождаются», Ферекид признает вечность начальной троицы богов. Выдвигал учение о превращениях душ, где различал три элемента: огонь, воздух, воду. Признавал вечность начальной троицы богов: Заса (Зевса, то есть эфир), Хтонию (хаос, подземные глубины) и Хроноса (время). Возможно, главная заслуга Ферекида в том, что он первым стал толковать мифологию аллегорически.

Философский энциклопедический словарь. Советская энциклопедия, 1983.

Философская Энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.

ВТОРОЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ (V–I вв. до н.э.)

Классическая греческая наука традиционно начинается с имени Сократа, который первым обратился от натурфилософских вопросов к проблемам добра и зла, этики поведения человека. Платон создает философию как законченную мировоззренчески-политическую и логико-этическую систему, а Аристотель — науку как исследовательски-теоретическое изучение реального мира. В трудах Аристотеля и его учеников появились основы логики, зоологии, эмбриологии, психологии, ботаники, минералогии, географии, музыкальной акустики, гуманитарные дисциплины, такие как этика, поэтика. В V в. до н.э. начался процесс дифференциации наук, когда произошло обособление математики. В работах древнегреческого математика и астронома Евдокса Книдского было положено начало научной астрономии. Несколько позже выделились новые дисциплины: геометрическая оптика, механика и гидростатика. В III–II вв. до н.э. античная наука по своему духу ближе всего подошла к науке Нового времени. Основные научно-философские школы периода: Сократ, софисты, академия Платона, лицей Аристотеля, киники, эпикурейцы, стоики, скептики, эклектики.

АНТИСФЕН ИЗ АФИН (*Antisthēs*, ок. 435–370 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, основатель школы киников. Высший критерий истинности видел в добродетели, а целью

познания и философии считал совпадение этического и природного в «автаркии» (независимости) от социальных влияний и человеческих установлений. С этическим сенсуализмом Антисфена связан и его взгляд на общие понятия как фиксированные в слове отвлечения от единичных вещей. Антисфен выступал против традиционного со времен элейской школы разделения мира на умопостигаемое («по истине») и чувственное («по мнению») бытие, чем предвосхитил аристотелевскую критику идей Платона.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.

Кисиль В. Я., Рибери В. В. Галерея античных философов: в 2 т. М., 2002.

АРИСТАРХ САМОССКИЙ (*Aristarchus Samius*, 310–230 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, математик и астроном Александрийской школы. Аристарх первым выдвинул гипотезу о том, что Земля движется вокруг Солнца, и это навлекло на него обвинение в неблагодетели со стороны поэта и философа Клеанфа. Единственное дошедшее до нас сочинение Аристарха — трактат «О размерах Солнца и Луны и расстояниях до них», с комментарием Паппа Александрийского. Здесь предложен геометрический метод оценки относительных расстояний до Солнца и Луны. Однако из-за примитивности инструментов, которыми пользовался Аристарх, полученные им результаты далеки от фактических. В этом трактате Аристарх исходит из традиционного геоцентрического устройства мира, однако упоминания о его гелиоцентрической гипотезе имеются у Архимеда в трактате «Об исчислении песчинок» и у Плутарха в трактате «О лице на диске Луны».

Еремеева А. И., Цицин Ф. А. История астрономии. М.: МГУ, 1989.

Житомирский С. В. Античная астрономия и орфизм. М.: Янус-К, 2001.

АРИСТИПП (*Aristippus*, ок. 435–355 гг. до н. э.)

Древнегреческий философ из Кирены в Северной Африке, ученик и друг Сократа, основатель киренской, или гедонической, школы с софистическим уклоном. Самое важное, по Аристиппу, — знание о полезном и вредном для человека. В этой связи он полагал ненужным исследование природы и занятия математикой, т. к. вопрос о хорошем и плохом ими не затрагивается. Вслед за Протагором Аристипп считал, что мы можем знать только собственные ощущения, а то, что их производит, познать невозможно. Поэтому благо и смысл человеческой жизни Аристипп предлагал искать в сфере ощущений. По Аристиппу, хорошо то, что приносит чувство удовольствия, когда ощущения протекают плавно и мягко. Явился одним из основателей гедонистической этики. Хотя этика Аристиппа гедонистична, стремление к удовольствию, согласно его учению, не должно порабощать; знание в этом меры и есть искомая добродетель. Достигается она не воздержанием от удовольствий, а использованием их: по сравнению Аристиппа, кораблем владеет не тот, кто на нем не плавает, а тот, кто умеет вести его в нужную сторону, — так же нужно относиться и к удовольствиям.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1994.

АРИСТОТЕЛЬ СТАГИРИТ (*Aristotle*, 384–322 гг. до н. э.)

Древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, основатель Перипатетической школы. Самым значительным

эпизодом его жизни стала педагогическая работа с наследником македонского престола Александром, сыном Филиппа Македонского (с 343/342 по 340/39). В 334 г. Аристотель возвращается в Афины и основывает собственную философскую школу — Ликей.

Наследие Аристотеля составляли два вида сочинений:

1) подготовленные им к публикации и предназначенные для широкой публики, так называемые «экзотерические»;

2) так называемые «эзотерические» — лекционный материал, предназначенный для слушателей, не один год проводивших в школе.

От первой группы сочинений — диалогов — сохранились незначительные фрагменты, вторая группа сочинений — научные трактаты — составляет современный корпус аристотелевских сочинений. Эзотерические тексты впервые издал в середине I в. до н.э. александрийский ученый-перипатетик Андроник Родосский. В аристотелевский корпус входят сочинения по логике — «Категории», «Герменевтика», «Аналитики», «Топика» (все вместе называемые «Органон»); физике — «Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологика»; цикл трактатов по зоологии — «История животных», «О возникновении животных», «О частях животных» и др.; психологии — «О душе», «О чувственном восприятии», «О памяти» и др.; первой философии — «Метафизика»; этике и политике — «Никомахова этика», «Евдемова этика», «Политика», «Афинская полития»; риторике и поэтике. В современном корпусе в качестве аристотелевских присутствует ряд псевдоаристотелевских трактатов — «О мире», «О цветах», «О неделимых линиях», «О добродетели» и др.

Аристотель разделял философию на три части — теоретическую, практическую и творческую, а инструментом, с помощью которого ведется исследование, является логика (греч. «органон» — орудие, инструмент). Теоретическая философия

имеет дело с истиной, и целью ее является знание ради самого познания, потому она свободна и «бескорыстна», в отличие от практической философии, нацеленной на совершение добродетельных поступков и оперирующей не с понятиями «истина — ложь», а с понятиями «добро — зло». Целью творческой философии является творчество, т.е. искусство словесное — риторика и поэтика. Теоретическую философию составляют три дисциплины: физика, математика и первая философия (или теология). Теоретическую философию интересуют сущности природные, самоцельные и самоценные. Аристотель определяет десять основных категорий (предикатов), с помощью которых происходит описание и выяснение смысла предмета: сущность, количество, качество, место, время, отношение, состояние, обладание, действие, страдание. Аристотель вошел в историю как создатель научной силлогистической логики.

К физической проблематике у Аристотеля относятся все естественнонаучные вопросы — от теории элементов и движения, структуры космоса, превращении элементов до биологии, зоологии и психологии (учение о душе, ее частях и функциях). Аристотель исходит из первичности качественных характеристик по отношению к количественным описаниям. Согласно его теории в основе природных закономерностей лежит фундаментальное взаимодействие двух пар противоположных качеств: горячего — холодного и сухого — влажного, которые образуют так называемые элементы: огонь, воздух, воду и землю, которые могут преобразовываться друг в друга благодаря силам взаимодействия. Четыре элемента образуют весь чувственный космос (подлунный мир). В космических сферах, которые находятся выше Луны (надлунный мир), материя иная, она образована пятым элементом — эфиром (лат. «квинтэссенция»), вечным и совершающим круговые движения телом. Бесконечной величины не может существовать, потому космос

конечен и вечен, его движение концептуально инициировано божественным перводвигателем, который движет все в мире нетелесным образом, но как благо и предмет любви, к которому устремлено все сознательно и бессознательно.

В своих физических трактатах предлагает универсальную схему четырех причин, которая играет важную роль как в физике, так и в метафизике: формальная причина (что это?), материальная причина (из чего состоит?), движущая причина (откуда произошло?), целевая причина (ради чего существует?). Природа есть причина всего существующего по природе, искусство — причина всех рукотворных вещей; основное отличие сущего по природе в том, что оно существует «для себя», а цель сущего согласно искусству всегда установлена его создателем и, таким образом, является внешним по отношению к его сущности.

Этическое учение изложено в трех текстах — «Никомаховой этике», «Евдемовой этике» и «Большой этике», из которых традиционно бóльшим авторитетом пользуется первая. Высшее человеческое благо определяется как счастье, однако сам Аристотель указывает, что разные люди по-разному его понимают: то ли счастье заключено в материальных благах, то ли в уважении и почете, то ли в добродетельной жизни.

В «Политике» излагает теорию государства, исходя из понимания человека как «по природе существа политического», т.е. склонного к общению на разных уровнях (от языкового и семейного до высшей формы общения — государственной), определяющей особенностью которого является подчиненность нормам закона. Аристотель спорит с платоновской идеей упразднения семьи как части упразднения традиционного государства, настаивая на необходимости следовать природе, традиции и мнению большинства в том, что касается общественных институтов. Связь этики и политики подчеркивается в идее о том, что основной задачей государства является вос-

питание добродетельного человека и гражданина. Аристотель представляет свое учение об оптимальном государственном строе, которое он связывает с правлением лучших и особенностью которого являются различные обязанности граждан в разное время жизни: в молодости — военная служба; в зрелом возрасте — дела государственного управления; земледелие, ремесла и вообще всякий физический труд остается уделом рабов, этнических варваров, не-греков. Рабство существует «от природы» и в смысле рождения, и в смысле особого устройства души, неразвитой умственно и неготовой руководствоваться в своей жизни разумом.

Зубов В. П. Аристотель. М., 1963.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.

Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.

Чанышев А. Н. Аристотель. М., 1987.

Фрагменты из произведения Аристотеля «Метафизика»

Следует рассмотреть те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь восприятие чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, в-четвертых, что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради из-

влекемой из нее пользы, а в-пятых, та, которая главенствует в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр.

Вот каковы мнения и вот сколько мы их имеем о мудрости и мудрых. Из указанного здесь знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее. Но, пожалуй, труднее всего для человека познать именно это, наиболее общее, ибо оно дальше всего от чувственных восприятий. А наиболее строги те науки, которые больше всего занимаются первыми началами: ведь те, которые исходят из меньшего числа предпосылок, более строги, нежели те, которые приобретаются на основе прибавления (например, арифметика более строга, чем геометрия). Но и научить более способна та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указывает причины для каждой вещи. А знание и понимание ради самого знания и понимания более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познании. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главное вспомогательной, — та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще — наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя мудрости необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» есть один из видов причин. А что это не искусство творения, объяснили уже первые философы. Ибо и теперь

и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это, а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя.

Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 67–69. Режим доступа: <http://www.gumfak.ru>.

АРХИМЕД (Archimedes, ок. 287–212 гг. до н.э.)

Древнегреческий ученый, математик и механик. Основоположник гидростатики. В сочинении «О плавающих телах» вывел знаменитый закон: тело, погруженное в жидкость, теряет вес, равный весу вытесненной им жидкости. Архимеду принадлежат замечательные исследования по геометрии, арифметике, алгебре. Он нашел все полуправильные многогранники, которые теперь носят его имя, значительно развил учение о конических сечениях, дал геометрический способ решения куби-

ческих уравнений вида $x^2 (a \pm x) = b$, корни которых он находил с помощью пересечения параболы и гиперболы. Архимед нашел метод вычисления площадей или объемов. Для этого он усовершенствовал и виртуозно применял метод исчерпывания Евдокса Книдского. Идеи Архимеда легли впоследствии в основу интегрального исчисления. Архимед сумел установить, что сфера и конусы с общей вершиной, вписанные в цилиндр, соотносятся следующим образом: *два конуса: сфера: цилиндр* как 1: 2: 3. Лучшим своим достижением он считал определение поверхности и объема шара. В сочинении «Квадратура параболы» Архимед доказал, что площадь сегмента параболы, отсекаемого от нее прямой, составляет $\frac{4}{3}$ от площади вписанного в этот сегмент треугольника. Он изобрел способ определения площади и длины круга. В работе «Об измерении круга» Архимед дал свое знаменитое приближение для числа π :

архимедово число $3\frac{1}{7}$. Более того, он сумел оценить точность этого приближения: $3\frac{10}{71} < \pi < 3\frac{1}{7}$. Для доказательства он по-

строил для круга вписанный и описанный 96-угольники и вычислил длины их сторон.

Благодаря труду «Элементы механики» Архимед считается творцом теоретической механики. Архимед прославился многими механическими конструкциями. Изобрел водяной винт, создал ряд военных машин (катапульту и abordажный крюк и др.), которые использовались во время обороны Сиракуз от римлян в 212 г. до н.э. Рычаг был известен и до Архимеда, но лишь Архимед изложил его полную теорию и успешно ее применял на практике. Архимед начинает свою книгу «О равновесии плоских фигур» с доказательства закона рычага. В основе этого доказательства лежит аксиома о том, что равные тела на равных плечах по необходимости должны уравновеси-

ваться. Плутарх сообщает, что Архимед построил в порту Сиракуз немало блочно-рычажных механизмов для облегчения подъема и транспортировки тяжелых грузов. Изобретенный им архимедов винт (шнек) для вычерпывания воды до сих пор применяется в Египте.

Архимед построил планетарий или «небесную сферу», при движении которой можно было наблюдать движение пяти планет, восход Солнца и Луны, фазы и затмения Луны, исчезновение обоих тел за линией горизонта. Занимался проблемой определения расстояний до планет; предположительно в основе его вычислений лежала система мира с центром в Земле, но планетами Меркурием, Венерой и Марсом, обращающимися вокруг Солнца и вместе ним — вокруг Земли. В своем сочинении «*Псаммит*» донес информацию о гелиоцентрической системе мира Аристарха Самосского. Архимед сам себе сконструировал надгробие в виде сферы, размещенной внутри цилиндра, чтобы увековечить математическое открытие — предмет его особой гордости, состоящее в том, что сфера занимает $\frac{2}{3}$ объема цилиндра.

Житомирский С. Ученый из Сиракуз (Архимед). М., 1982.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Лурье С. Я. Архимед. М., 1945.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

АРХИТ ТАРЕНТСКИЙ (*Archytas*, ок. 428–365 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, математик, теоретик музыки, государственный деятель, один из виднейших представителей древнего пифагореизма. Отрывки из его трудов «О математи-

ческих науках» и «Беседы» цитируются в сочинениях других античных авторов. Архит занимался всеми математическими науками — арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией. Ему принадлежит знаменитое высказывание об этих четырех дисциплинах (названных Боэцием позже квадривием).

Из математических работ Архита сохранился отрывок в комментарии Евтокия ко 2-й книге трактата Архимеда «О шаре и цилиндре». Со ссылкой на «Историю геометрии» Евдокса Книдского Евтокий приводит найденное Архитом решение задачи об удвоении куба. Это решение, самое первое в истории математики, основано на отыскании точки пересечения трех поверхностей — конуса, цилиндра и тора. Архит первым описал три разновидности пропорций: арифметическую, геометрическую и гармоническую. Он обосновал тезис о неделимости эпиморного отношения чисел на два равных рациональных отношения. Впервые описал большую терцию как интервал в отношении 5:4, который, согласно его теории, входит в состав энгармонического тетрахорда.

Кольман Э. История математики в древности. М., 1961.

ВАРРОН МАРК ТЕРЕНЦИЙ (*Marcus Terentius Varro*, 116–27 гг. до н.э.)

Древнеримский писатель и ученый. Широта интересов Варрона: поэзия, история литературы, риторика, лингвистика, философия, история, география, математика, юриспруденция, сельское хозяйство.

Главные сочинения: «Старина в людском быту и в обрядах богослужебных»; «Латинский язык»; «Изображения» (или «Седьмицы») — собрание биографий 700 знаменитых римлян и греков с их портретами, считающееся первым в латинской литературе иллюстрированным трудом; «Энциклопедия» — изложение разных отраслей знания; «Сельское хозяйство» — руко-

водство по полевому хозяйству, скотоводству и приусадебному хозяйству (разведение домашней птицы, пчел, рыбы) — интересно обилием бытовых подробностей и сведений о жизни италийской деревни; «Менипповы сатиры» — подражание сатирическим диалогам. Нападает на пороки современников, восхваляет старинные нравы и простую жизнь древних римлян.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ΓΕΡΟΔΟΤ (Herodotos, ок. 484–425 гг. до н.э.)

Древнегреческий историк. Значительную часть жизни он провел в путешествиях, посетив Вавилон, Египет, Скифию, Колхиду, Фракию, Кирену, материковую и островную Элладу, Малую Азию и Южную Италию. Главный и единственный сохранившийся труд Геродота — «История», посвященная событиям Греко-персидских войн. «История» разделена на девять книг, каждая из которых названа именем одной из 9 муз. Однако авторское деление неизвестно. Труд состоит из двух частей: описание событий, предшествовавших Греко-персидским войнам (I–V книги), и изложение истории Греко-персидских войн (V–IX книги). Первая часть, кроме предисловия, включает историю Лидии, Мидии и Персии (в царствование Кира и Камбиза) со вставками о Египте, самосском тиране Поликрате, Дарии и его походе в Скифию. Во второй части рассказывается об ионийском восстании 500–494 гг. до н.э., походах в Элладу Мардония в 492 г. до н.э., Датиса и Артаферна в 490 г. до н.э., описываются битвы при Марафоне, Фермопилах, Саламине и Платеях.

Главными источниками Геродота были его личные наблюдения во время путешествий, устные сообщения собеседников и письменные памятники (литературные произведения, изречения оракулов, официальные документы, надписи). Вся «История» Геродота проникнута убеждением, что история — результат миропорядка, установленного управляющим судьбой божеством. Геродот верил в постоянное вмешательство божества в человеческие дела, верил в сны, оракулы, знамения и чудеса. Божество, по Геродоту, карает дурных людей и награждает хороших. Как противник тирании Геродот был сторонником рабовладельческой демократии. В исторической науке утвердился взгляд на Геродота как на правдивого историка, что противоречит господствовавшему в древности мнению. Например, современник Ксенофонта Ктесий стремился в своей «Истории Персии» уличить Геродота в лживости; Аристотель относил его к числу авторов сказок; мало верили в сведения Геродота Феопомп, Цицерон, Авл Геллий, Страбон и Лукиан. Историк Плутарх написал специальный трактат «О злокозненности Геродота», в котором старался доказать, что Геродот сознательно искажал истину. В то же время римский оратор Цицерон обращал внимание на универсализм Геродота (благодаря которому в поле зрения историка оказываются не только греки и персы, но и другие народы и племена), его мастерство новеллиста и называл Геродота «отцом истории».

Геродот. История в девяти книгах/пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.

Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ГЕРОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (*Heronus Alexandrinus*, между 200 до н. э. и 300 гг. н. э.)

Древнегреческий ученый, работавший в Александрии. Автор работ, в которых систематически изложены основные достижения античного мира в области прикладной механики. В «Пневматике» Герон описал различные механизмы, приводимые в движение нагретым или сжатым воздухом или паром: так называемый эолипил, т. е. шар, вращающийся под действием пара, автомат для открывания дверей, пожарный насос, различные сифоны, водяной орган, механический театр марионеток и т. д. В «Механике» Герон описал пять простейших машин: рычаг, ворот, клин, винт и блок. Герону был известен и параллелограмм сил. Используя зубчатую передачу, он построил прибор для измерения протяженности дорог, основанный на том же принципе, что и современные таксометры. Автомат Герона для продажи «священной» воды явился прообразом наших автоматов для отпуска жидкостей. Механизмы и автоматы Герона не нашли сколько-нибудь широкого практического применения. Они употреблялись в основном в конструкциях механических игрушек, исключение составляют только гидравлические машины, при помощи которых были усовершенствованы античные водочерпалки.

В сочинении «О диоптре» изложены правила земельной съемки, фактически основанные на использовании прямоугольных координат. Здесь же дается описание диоптра — прибора для измерения углов — прототипа современного теодолита. Изложение основ античной артиллерии Герон дал в трактате «Об изготовлении метательных машин». Математические работы Герона являются энциклопедией античной прикладной математики. В «Метрике» даны правила и формулы для точного и приближенного расчета различных геоме-

трических фигур, например формула Герона для определения площади треугольника по трем сторонам, правила численного решения квадратных уравнений и приближенного извлечения квадратных и кубических корней. В основном изложение в математических трудах Герона догматично — правила часто не выводятся, а только выясняются на примерах.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ГЕРОФИЛ ИЗ ХАЛКИДОНА (*Herophilos*, 1-я пол. III в. до н.э.)

Древнегреческий врач. Впервые в античности проводил исследования на трупах людей. Изучал мозг, нервную систему, сосуды, внутренние органы и глаза, основал учение о пульсе. Герофил оставил много трудов по всем разделам медицины, включая анатомию, хирургию, офтальмологию, кардиологию и акушерство. В комментариях к сочинениям Гиппократом описаны оболочки глаза, строение желудочно-кишечного тракта, кровоснабжение и морфология оболочек головного мозга, основные черты строения различных частей сердечно-сосудистой системы. Он описал и оставил самые точные для своего времени описания мужских и женских половых органов. Наиболее известны работы Герофила по исследованию пульса. Он первым определил его частоту, указал на диагностическое значение этого параметра. Наблюдая за пульсом во время систолы и диастолы (сокращения и расслабления сердца), отмечая его частоту, наполнение, ритмичность и стабильность, он делал медицинские заключения. Определял ритм пульсации крови в артериях, сравнивал разные виды пульса с музыкаль-

ными ритмами, присвоил каждому типу пульса специальное название.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ГИППАРХ ИЗ НИКЕИ (*Hipparchos*, 190–125 гг. до н. э.)

Древнегреческий географ, математик, один из основоположников астрономии. Вел первые систематические наблюдения и исследования неба. Разработал теорию и составил таблицы движения Солнца и Луны, а также солнечных затмений. Придерживался геоцентрической системы, идею гелиоцентризма отвергал как недостаточно обоснованную гипотезу. Описал движение Луны вблизи полнолуния и новолуния; довольно точно оценил расстояние от Земли до Луны. Составил (около 129–127 до н. э.) огромный каталог положений 850 звезд, где ввел их разделение по блеску на 6 степеней (величин). Сравнивая свои положения звезд с более ранними (III в. до н. э.), открыл явление прецессии и довольно точно оценил ее величину. В связи с этим определил продолжительность тропического года (ошибка не более 6') и различие его с сидерическим годом (15 мин, современное — 20 мин), определил наклон экватора к эклиптике (с ошибкой 5'). Гиппарх ввел географические координаты — широту и долготу.

Из собственных сочинений Гиппарха до нас дошло только одно — «Комментарий к феноменам Евдокса и Арата» в трех книгах. В трактате содержится критический комментарий к описаниям положений звезд и созвездий на небе в популярной астрономической поэме Арата, основанной на наблюде-

ниях Евдокса. В сочинении приводится множество численных данных о восходах и заходах многих звезд и отдельные их координаты. Гиппарх написал книгу «О телах, движущихся вниз под действием их тяжести», с основными идеями которой мы знакомы в пересказе Симпликия. Гиппарх не разделял концепцию естественных и насильственных движений Аристотеля, согласно которой «тяжелым» земным телам свойственно движение вниз, к центру мира, а «легким» (например, огню) — вверх, от центра.

Еремеева А. И. Выдающиеся астрономы мира. М., 1966.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ГИППОКРАТ (Hippokrates, ок. 460–377 гг. до н.э.)

Древнегреческий врач, педагог, реформатор греческой медицины. Много путешествовал по Элладе, Малой Азии, Египту, Ливии и Северному Причерноморью, побывал у скифов. Сохранилось несколько сочинений Гиппократов, объединенных вместе с трудами других греческих врачей в «Сборник Гиппократов» («Кодекс Гиппократов»). Заслугой Гиппократов как практика было освобождение медицины от влияния храмов и жрецов и определение путей ее самостоятельного развития. Общеизвестен афоризм Гиппократов: «Жизнь коротка, путь к науке долог, случай мимолетен, опыт обманчив, суждение затруднительно».

«Сборник Гиппократов» содержит около 70 отдельных сочинений, хотя ясно, что некоторые из них — части некогда единых трудов. Собрание содержит как собственные сочинения Гиппократов, так и творения других авторов, написанные в разное время. Вероятно, к V в. до н. э. относится трактат «О древ-

ней медицине», где обсуждается проблема обучения искусству врачевания. Автор отвергает объяснение заболевания взаимодействием натурфилософских «основных качеств» (теплое, холодное, влажное, сухое), указывает на значение диеты и роль определенных «соков» организма. Он подчеркивает, что медицина имеет дело скорее с относительными, чем с абсолютными факторами: что полезно для одного, может оказаться вредным для другого, или то, что полезно в одно время, может быть вредным в другое.

Трактат «О воздухах, водах и местностях» также относится к V в. до н. э., это поистине «золотая книга», занявшая прочное место в истории науки. Автор рассматривает влияние на общее состояние здоровья трех факторов окружающей среды. Болезни или предрасположенность к болезням могут быть вызваны погодными условиями, например очень жарким летом или дождливой зимой. Во-вторых, в качестве факторов, влияющих на здоровье, рассматриваются местные климатические условия — преобладающее направление ветров, ориентация города относительно сторон света. В-третьих, на качество воды здесь указывается как на одну из непосредственных причин ряда заболеваний; даются советы, каким источникам отдавать предпочтение. Вторая часть сочинения посвящена разнообразному влиянию климатических условий на формирование национальных типов. В сочинении, известном под названием «Эпидемии», дано описание течения болезней. В «Эпидемиях» не только беспристрастно описаны отдельные случаи, но и дается общая статистика заболеваний и попытка соотнести ее с климатическими условиями.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Цитаты из произведений Гиппократ

Исцеление — это дело времени, но иногда это также дело возможности.

Старики болеют меньше, чем молодые, но их болезни кончаются лишь вместе с жизнью.

Первая заповедь врача: не навреди.

Некоторые больные, несмотря на сознание обреченности, выздоравливают только потому, что уверены в мастерстве врача.

Врач — философ; ведь нет большой разницы между мудростью и медициной.

Во всякой болезни не терять присутствия духа и сохранять вкус к еде — хороший признак; противоположное — дурной.

Что не исцеляет лекарство, то исцеляет железо, что не может исцелить железо, то исцеляется огнем.

Ars longa, vita brevis — Искусство долговечно, а жизнь коротка.

Клятва Гиппократ

«Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панахеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения

всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивно-го pessaria. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева. М.: Сварог, 1994.

Гиппократ // Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гиппократ>.

Гиппократ // Peoples.ru: сайт. Режим доступа: <http://www.peoples.ru/medicine/founders/hippocrates>.

ГОРГИЙ ЛЕОНТИЙСКИЙ (*Γοργίας*, 483–380 гг. до н.э.)

Древнегреческий софист, крупнейший теоретик и учитель красноречия. Горгий был одним из первых ораторов нового типа — не только практиком, но и теоретиком красноречия, за плату обучавшим юношей из богатых семей говорить и логически мыслить. Такие учителя назывались софистами, «специалистами по мудрости». Горгий разработал и применял особые

риторические приемы, прозванные горгианскими фигурами: аналогичные по форме и соответствующие по объему фразы, использование параллельных членов предложения и членов предложения, находящиеся в антитезе. Для сочинений Горгия характерно ритмическое оформление и подобное звучание завершений. Согласно Горгию, истинного знания не существует, ведь даже то, что мы лично пережили, мы припоминаем и познаем с трудом; нам следует довольствоваться правдоподобным мнением. Горгию принадлежит трактат «О природе», или «О несуществующем», считающийся одним из наиболее ярких манифестов агностицизма. Основная мысль трактата — «Ничего не существует; но даже если нечто существует, то оно непознаваемо; но даже если и познаваемо — то необъяснимо для другого». Эти три положения Горгий обосновывает следующими аргументами:

1. Если сущее вечно, то оно беспредельно, а если беспредельно, то оно нигде, а если нигде, то его нет. Если сущее не вечно, то оно произошло или из сущего, что невозможно, так как тогда бы сущее было прежде себя самого, либо из несущего, что также невозможно, поскольку из несущего не ничего не происходит. Следовательно, сущее не вечно и не невечно. Следовательно, его вообще нет.

2. Если даже сущее существует, то оно не мыслится, поскольку мыслимое не тождественно сущему, иначе существовали бы в реальности Сцилла и Химера.

3. Если сущее и мыслится, то оно неизъяснимо другому, поскольку изъясняем мы посредством слов, а слово не тождественно обозначаемому им предмету и не может его объяснить, поскольку напротив, слово мы объясняем, указывая на предмет.

Морозкина З. Н. Софист Горгий и его учение о бытии // Античность и современность. М., 1982.

ДЕМОКРИТ АБДЕРСКИЙ (*Demokritos*, ок. 470/460–370/360 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, ученик Левкиппа, основоположник атомистического учения. Атомизм Демокрита стал суммирующим учением досократовской философии, в котором нашли свое отражение проблемы, поставленные в ионийской натурфилософии, элейской онтологии и пифагорейской числовой метафизике.

В основе философии Демокрита лежит учение об атомах и пустоте как двух принципах, порождающих многообразие космоса. Атом есть мельчайшее «неделимое» тело, не подверженное никаким изменениям. Неделимость атома аналогична неделимости «бытия» Парменида: деление предполагает наличие пустоты, но внутри атома по определению пустоты нет. Пустота в системе Демокрита выступает как принцип дискретности, множества и движения атомов, а также как их бесконечное «вместилище». Называя пустоту «не-бытием», Демокрит явно отказался от элейского постулата о несуществовании не-бытия, однако понятия бытия и не-бытия включены у него в более общее понятие «то, что на самом деле», благодаря которому реальность признавалась и за пустотой (равной не-бытию). Всем атомам присуще свойство непрерывного движения, и даже внутри макротел, которые образованы благодаря сцеплению атомов между собой, они совершают колебательные движения. Первопричиной этого движения являются соударения атомов, начавшиеся во время спонтанного «Вихря», благодаря которому возник наш космос. В космогоническом Вихре произошла первичная сортировка атомов (подобное к подобному), более крупные атомы оказались в центре, и из них произошла Земля. Вокруг нее первоначально вращалась «влажная и грязеобразная» оболочка, которая постепенно высыхала и влажная ма-

терия уходила вниз, а сухая от трения воспламенялась и из нее формировались звезды. Друг от друга атомы, число которых бесконечно, отличаются тремя свойствами: «фигурой», «размером» и «поворотом» (положением в пространстве).

Демокрит одним из первых указал на зависимость качеств вещей от способа их познания. Все качества сводимы к формально-количественным различиям атомов: тело, состоящее из «круглых и умеренно больших» атомов, кажется сладким, а из «округленных, гладких, косых и малых по величине» — горьким, и т.д. Качества образуются в ходе акта восприятия, причина их возникновения — взаимодействие атомов души и так или иначе развернувшихся атомов предмета.

Этика Демокрита является своеобразным продолжением его атомистической физики. Для выражения своего понимания счастья Демокрит придумал несколько терминов: «благодушие», «благосостояние», «бесстрашие», «атараксия» (невозмутимость). Центральное понятие его этики — благодушие (эвтюмия), которое «возникает благодаря умеренности в удовольствиях и размеренной жизни». Традиционно считается, что Демокрит был учителем Протагора и соответственно повлиял на формирование релятивистских учений софистов. Также он считается одним из источников формирования скептической традиции. Но более всего значимо сопоставление атомизма Демокрита с учением Эпикура. Наиболее значимой работой Демокрита считается «Великий мирострой», космологическая работа, охватывавшая практически все доступные в то время области знания.

Кроме того, на основе списков Диогена Лаэртца Демокри-ту приписывают авторство таких работ, как «О душевном расположении мудреца», «О добродетели», «О планетах», «О чувствах», «О разнице форм», «О вкусах», «О цветах», «Об уме», «О логике», «Причины небесных явлений», «Причины воздушных явлений», «Причины наземных явлений», «Причины огня

и огненных явлений», «Причины звуков», «Причины семян, растений и плодов», «Причины живых существ», «О соприкосновении круга и шара», «О геометрии», «Об иррациональных линиях и телах», «Числа», «Проекция», «Большой год», «Описание неба», «Описание земли», «Описание полюсов», «Описание лучей», «О ритмах и гармонии», «О поэзии», «О красоте стихов», «О пении», «Врачебная наука», «О диете», «О живописи», «Земледелие», «О военном строе» и др.

Асмус В. Ф. Демокрит. М., 1960.

Лурье С. Я. Демокрит : тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970.

Горан В. П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984.

ДИОГЕН АПОЛЛОНИЙСКИЙ (*Diogene's*, 499/498–428/427 гг. до н.э.)

Древнегреческий естествоиспытатель и натурфилософ. Диогену принадлежат трактат «О природе», сочинения «Против софистов», «Метеорология» и физиологоанатомический трактат «О природе человека». Диоген возродил тезис Анаксимена о воздухе-праматери, синтезировав его с учением Анаксагора о космическом «разуме», который он рассматривал не как особую субстанцию, а как имманентное свойство «воздуха», и с концепцией пустого пространства у Левкиппа. Доказывая, что четыре элемента Эмпедокла должны быть «тождественны по своей природе», т. к. иначе они не могли бы переходить друг в друга и взаимодействовать, Диоген фактически формулирует платоновско-аристотелевское понятие бескачественной материи. Диоген предвосхитил теорию субстрата противоположностей Аристотеля. Отождествляя эту вечно тождественную в своих «инаковениях» (ключевой термин у Диогена) субстан-

цию с воздухом, который сам по себе лишен качеств, Диоген впервые применяет телеологическую аргументацию, ближе чем кто-либо из досократиков подходя в этом к натурфилософии Платона и Аристотеля. Регулярность космических циклов и «наилучшее из всех возможных устройство» мира можно объяснить только разумностью и целесообразной активностью порождающего его начала; между тем из биологии и физиологии известно, что животворящая и мыслительная субстанция — это душа-дыхание-воздух. Воздух — не только генетический, но и управляющий принцип мира: как таковой — он «бог», который «правит». В целом философия природы Диогена ближе всего к традиции Гераклита и стоиков.

Античная философия: энциклопедический словарь. М., 2008.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ (*Dioge'nes Sinope'us*, ок. 404–323 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, ученик основателя школы киников Антисфена, развивший его учение в направлении наивного материализма. Диоген Синопский отвергал цивилизацию, в частности государство, объявлял культуру насилием над человеческим существом и требовал, чтобы человек вернулся в первобытное состояние. Себя он объявлял гражданином мира, проповедовал общность жен и детей. Свое безразличие к морали и общественности Диоген Синопский доводил до полного равнодушия к любым неудобствам жизни. Согласно историческому анекдоту, Диоген Синопский жил в бочке. На вопрос Александра Македонского, чего бы хотел Диоген Синопский от него, ответил: «Отойди, не загораживай мне солнца». Отвергал многобожие и религиозные культы как про-

извольные человеческие установления и признавал только основанную на подражании природе аскетическую добродетель, находя в ней единственную цель человека.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.

Кисиль В. Я., Рибери В. В. Галерея античных философов: в 2 т. М., 2002.

ΕΒΔΟΣΚΣ ΚΝΙΔΣΚΙΉ (Ε' υδοσχος Knidios, ок. 408 — ок. 355 гг. до н. э.)

Древнегреческий математик, астроном и географ. В г. Кизик на Мраморном море основал собственную математико-астрономическую школу, читал лекции по философии, астрономии и метеорологии. Евдокс Книдский первый дал общую теорию пропорций, которая изложена в пятой книге «Начал» Евклида. По свидетельству Архимеда, Евдоксу Книдскому принадлежит прием доказательства методом исчерпывания. Ему приписывают теорему об объеме пирамиды конуса и изобретение горизонтальных солнечных часов. Евдокс первым математически доказал шарообразность земли и разделил ее на поясы. Он выстроил обсерватории, где делал наблюдения и исправил введенную Клеостратом в 540 г. октаетериду (восьмилетний цикл) для согласования солнечного и лунного года. Первым сделал попытку создать теорию движения планет. Составил древнейшую карту звездного неба, на которой созвездия были представлены фигурами различных животных и героев древнегреческих мифов, одним из первых привел на ней названия зодиакальных созвездий и созвездий, расположенных вне пояса зодиака. Ему приписывается введение в Греции календаря, содержащего в году $365 \frac{1}{4}$ суток.

Кольман Э. История математики в древности. М., 1961.

ЕВКЛИД ИЗ МЕГАРЫ (*Eukle'ides*, ок. 365–300 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, последователь Сократа, основатель Мегарской школы. Взгляды Евклида, по мнению античных доксографов, сформировались под влиянием не только Сократа, но и Парменида: «существует только одно благо, лишь называемое разными именами: иногда мудростью, иногда богом, а иногда умом и прочими наименованиями, а противоположное благу он отрицал, заявляя, что его не существует». Монизм Евклида выражался в признании им одного бытия, одной добродетели. Евклид не допускал умозаключений по аналогии. Евклид писал сократические диалоги: «Ламприй», «Эсхин», «Феникс», «Критон», «Алкивиад» и «О любви».

Из сочинений Евклида до нас дошли только следующие: «Элементы геометрии», книга под заглавием «Данные», трактат по геометрической оптике и катоптрике и часть сочинения о делении площадей многоугольников. Его главная работа «Начала» (в латинизированной форме — «Элементы») содержит изложение планиметрии, стереометрии и ряда вопросов теории чисел; в ней он подвел итог предшествующему развитию греческой математики и создал фундамент дальнейшего ее развития.

Из других сочинений по математике надо отметить «О делении фигур», сохранившееся в арабском переводе, четыре книги «Конические сечения», материал которых вошел в произведение того же названия Аполлония Пергского, а также «Поризмы», представление о которых можно получить из «Математического собрания» Паппа Александрийского.

Глебкин В. В. Наука в контексте культуры. М., 1994.

Осипенко И. Н. «Начала» Евклида. М., 1994.

Родин А. В. Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003.

ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ (*Zenon Elea'tes*, ок. 490–430 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, ученик Парменида. Развивал учение Парменида о едином, отрицая познаваемость чувственного бытия, множественность вещей и их движения и доказывая немыслимость чувственного бытия вообще. Аристотель считал Зенона Элейского основателем диалектики, так как он одновременно много занимался установлением противоречий и, по-видимому, полагал, что истина выявляется посредством спора или истолкования противоположных мнений. Известен знаменитыми парадоксами (апориями). Факт противоречия между данными опыта, с одной стороны, и их мыслительным анализом, с другой, был выражен Зеноном в форме апорий («затруднение, недоумение»).

Все апории Зенона сводятся к доказательству того, что логически невозможно мыслить множественность вещей и допущение движения ведет к противоречиям. Наиболее известны его апории, направленные против возможности движения: «Дихотомия», «Ахиллес», «Стрела», «Стадий». Так, апория «Ахиллес» фиксирует, что в противоречии с чувственным опытом быстроногий Ахиллес не может догнать черепаху, т. к. пока он пробежит разделяющее их расстояние, она все же успеет проползти некоторый отрезок, когда же он будет пробегать этот отрезок, она еще немного отползет, и т. д.

Согласно Зенону, при попытке помыслить движение мы неизбежно наталкиваемся на противоречия, из этого следует вывод о немыслимости, а тем самым и о невозможности движения вообще. Аргументы Зенона привели к кризису древнегреческой математики, преодоление которого было достигнуто только атомистической теорией Демокрита. Основная мысль апорий Зенона (как и Парменида) состоит в том, что прерывность, множественность, движение характеризуют картину

мира как она воспринимается чувствами. Истинная картина мира постигается мышлением. Попытка мыслить множество приводит математику к противоречию. Следовательно, множественность немыслима. То же с мыслимостью движения.

Диалектика Зенона основывалась на постулате недопустимости противоречий в достоверном мышлении: появление противоречий, возникающих при предпосылке мыслимости множественности, прерывности и движения, рассматривается как свидетельство ложности самой предпосылки и в то же время свидетельствует об истинности противоречащих ей положений о единстве, непрерывности и неподвижности мыслимого (а не чувственно воспринимаемого) бытия. Работы Зенона дошли до нас в изложении Аристотеля и его комментаторов: Симпликия и Филопона.

Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского. Попытка реконструкции системы аргументов. Л., 1988.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики/подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

Фрагмент из произведений античных авторов о Зеноне
Симплиций. Phys. 139, 9

В своем сочинении он доказывает, что тому, кто утверждает множественность сущего, приходится впадать в противоречие. В частности, он доказывает, что если сущее тождественно, то оно и велико, и мало: столь велико, что бесконечно по величине, и столь мало, что вовсе не имеет ни величины. Вот в этом доказательстве он старается доказать, что то, что не имеет ни величины, ни толщины, ни объема, существовать не может. Ибо, говорит он, если прибавить это к другому сущему, то несколько не увеличить его. Ведь так как у него нет вовсе величины, то будучи присоединено, оно не может быть несколько увели-

чено. И таким образом, очевидно, ничего не было бы прибавлено. Если же другая вещь несколько не уменьшится от отнятия у него этого и, с другой стороны, несколько не увеличится от прибавления этого, то очевидно, что то, что было прибавлено и отнято, есть ничто. И это Зенон говорит не с целью отрицать единое, но исходя из того соображения, что каждая из многих бесконечных по числу вещей имеет величину по той причине, что перед любой вещью всегда должно находиться что-нибудь вследствие бесконечной делимости. Это он доказывает после того, как раньше показал, что ничто не имеет величины, так как каждая из многих вещей тождественна с собой и едина.

Диоген Лаэртский IX, 72

Зенон же отрицает движение, говоря: «Движущийся предмет не движется ни в том месте, где он находится, ни в том, где его нет».

Хрестоматия по философии: учеб. пособие / отв. ред. и сост. А. А. Радугин. М.: Центр, 2001. Режим доступа: <http://www.gumfak.ru>.

КСЕНОФОНТ (Xenophontis, ок. 427 — ок. 355 гг. до н.э.)

Древнегреческий писатель, более всего прославившийся трудом «Анабасис», повествованием о долгом возвращении на родину армии греческих наемников, которые оказались в бедственном положении посреди Персидской империи. Ксенофонт стал одним из величайших писателей классической Греции благодаря как превосходной прозе, так и разнообразию интересов. Ему принадлежат труды исторического («Греческая история» и «Анабасис») и биографического («Агесилай») характера, он писал о политике («Государственное устройство Спарты», «Гигерон»), философии («Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Пир») и воспитании («Киропедия»), о финансах го-

сударства («О доходах») и домоводстве («Домострой»), об искусстве полководца («Об обязанностях начальника кавалерии»), верховой езде и охоте («О верховой езде», «Об охоте»).

Две из трех больших книг Ксенофонта посвящены истории. В одной из них — «Анабасисе» (известном также под названием «Поход десяти тысяч») — излагается история греческой армии, находившейся на службе у Кира. Написанный обманчиво простым языком, «Анабасис» воспринимается читателями как один из наиболее увлекательных приключенческих романов во всей мировой литературе. «Анабасис» — подробное и точное повествование о жизни греческого войска в необычайно трудных обстоятельствах. Несравнимо меньше достоинств у «Греческой истории», охватывающей период с 411 по 362 гг. до н.э.

Ксенофонт на всю жизнь сохранил подлинный и глубокий интерес к философии, особенно его привлекали психология, этика, а также проблемы управления. Он многое почерпнул из своей дружбы с Сократом, что видно по его «Воспоминаниям о Сократе» и некоторым небольшим произведениям. Однако и Платон, и Аристотель пренебрегали Ксенофонтом. Философские труды Ксенофонта вошли в моду гораздо позднее и главным образом среди «народных» мыслителей-проповедников, вроде киников. Больше всего читателей приобрел в то время роман «Киропедия» (или «Воспитание Кира»).

Необычайную популярность Ксенофонта объяснить непросто. Причину этого можно отчасти усматривать в огромном, никогда не угасавшем интересе к личности Сократа. Своими успехами Ксенофонт обязан также рассуждениям о том, как наставить жену в хозяйственных добродетелях, и о том, сколь несчастливы тираны. Возможно, главный секрет его успеха — это стиль, его проза стала непревзойденным образцом простоты и ясности.

Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М. : Мысль, 2001.

Фрагмент из произведения Ксенофонта «Анабасис»

Глава V

(1) Отсюда Кир проходит по пустыне Аравии, имея Евфрат по правую руку, в пять переходов 35 парасангов. В этом месте земля представляет собой равнину, плоскую, как море, и заросшую полынью. Встречавшиеся там те или иные растения — кустарники или тростники — все прекрасно пахли, словно благовония. (2) Там нет ни одного дерева, а животные разнообразны: встречалось много диких ослов и больших страусов. Попадались также драхвы и газели. Всадники нередко гонялись за этими животными. Ослы, когда их преследовали, убегали вперед и останавливались, так как они бегали гораздо быстрее лошадей. Когда лошади приближались, они опять проделывали то же самое, и не было никакой возможности их настигнуть, разве только в том случае, если всадники становились в разных местах и охотились поочередно. Мясо пойманных ослов похоже на мясо оленей, но несколько нежнее его. (3) Но никто не поймал ни одного страуса, а те всадники, которые пускались за ними в погоню, быстро прекращали ее: убегая, страус отрывался далеко вперед, пользуясь во время бега и ногами, и поднятыми, как паруса, крыльями. Но драхву можно было словить, если быстро ее вспугнуть, так как она летает недалеко, как куропатка, и скоро устает. Мясо у нее чрезвычайно приятное на вкус.

(4) Проходя по этой области, они прибыли к реке Маску, шириной в плетр. Здесь был большой, но безлюдный город, по имени Корсота, обтекаемый рекой Маском. Там они пробыли 3 дня и пополнили свои запасы. (5) Оттуда Кир проходит по пустыне, имея Евфрат с правой стороны, в тринадцать переходов 90 парасангов и прибывает в Пилы. На этих переходах от голода погибло много вьючного скота, ибо там не было травы, совершенно отсутствовали деревья, и вся местность

была голая. А местные жители существуют тем, что выкапывают у реки жерновые камни и обдeldывают их. Они везут их в Вавилон, продают и покупают на эти деньги продовольствие. (6) Между тем, у солдат кончился хлеб, а купить его было негде, кроме как на Лидийском базаре в варварском войске Кира по цене 4 сикля за капифу пшеничной муки или ячменя. Сикль же равняется 7 ½ аттическим оболам, а капифа вмещает в себе 2 аттических хойника. Поэтому солдаты жили, питаясь мясом. (7) Некоторые из этих переходов Кир очень растягивал, особенно когда он хотел дойти до воды или до травы.

Ксенофонт. Анабасис/пер., вступ. статья и прим. М. И. Максимо-вой ; под ред. И. И. Толстого. М., 1951. Режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/grecia/ksenofont/anabasis/index.html>

ΛΕΒΚΙΠΠ (Le'ukippos, V в. до н.э.)

Древнегреческий философ-материалист, один из создателей древней атомистики. Автор сочинений «Большой диалог» и «О разуме», из которых сохранились лишь фрагменты. Левкипп ввел в оборот науки три новых понятия: 1) абсолютной пустоты; 2) атомов, движущихся в этой пустоте; 3) механической необходимости. На основании одного сохранившегося текста можно признать, что Левкипп первый установил как закон причинности, так и закон достаточного основания: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости». Одновременно с Эмпедоклом и Анаксагором Левкипп выдвинул идею множественности элементов существующего.

Придерживаясь идеи Парменида о неизменяемости и качественной однородности сущего, Левкипп для объяснения разнообразия предметов утверждает существование относительного небытия, т.е. наличие пустоты, разделяющей все

сущее на множество элементов. Свойства этих элементов зависят от ограничивающего их пустого пространства, различаются они по величине, фигуре, движению, но все элементы мыслятся как однородные, непрерывные и потому неделимые (atomoi). Вслед за философами ионийской школы Левкипп считает движение внутренне присущим атомам.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.

ПИКТОР КВИНТ ФАБИЙ (Quintus Fabius Pictor, 254–201 гг. до н. э.)

Первый из римских старших анналистов, автор написанных на древнегреческом «Анналов». Пиктору приписывается также труд «О праве понтификов». «Анналы» Пиктора построены по хронологическому принципу и охватывают период от мифических времен до последних событий времен Второй Пунической войны (до 201 г. до н. э.). Основное внимание Пиктор уделяет Пуническим войнам, считая необходимым донести до греческой аудитории позицию Рима, а также поднять статус родного города. Источниками Пиктора считаются «календари», которые вела коллегия понтификов — краткие записи о важнейших событиях, произошедших в течение года, личные записи рода Фабиев и других родов, а также различные легенды. В описании событий Второй Пунической войны Пиктор также пользуется своими собственными знаниями.

Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1990.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. *Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.*

ПЛАТОН (Platon, настоящее имя Аристокл, 428/427–348/347 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ. Родился в семье, имевшей аристократическое происхождение. В Афинах Платон основал собственную школу — Платоновскую академию. Почти все сочинения Платона написаны в форме диалогов, язык и композиция которых отличаются высокими художественными достоинствами.

Философия Платона не изложена систематически в его произведениях. Важнейшей ее частью является учение о трех основных онтологических субстанциях (триаде): «едином», «уме» и «душе»; к нему примыкает учение о «космосе». Основой всякого бытия является, по Платону, «единое», которое само по себе лишено каких-либо признаков, не имеет частей, т.е. ни начала, ни конца, не занимает какого-либо пространства, не может двигаться, поскольку для движения необходимо изменение, т.е. множественность; к нему неприменимы признаки тождества, различия, подобия и т.д. О нем вообще ничего нельзя сказать, оно выше всякого бытия, ощущения и мышления. В этом источнике скрываются не только «идеи», или «эйдосы», вещей (т.е. их субстанциальные духовные первообразы и принципы, которым Платон приписывает вневременную реальность), но и сами вещи, их становление. Вторая субстанция — «ум» (нус) является, по Платону, бытийно-световым порождением «единого» — «блага». Ум имеет чистую и несмешанную природу; Платон тщательно отграничивает его от всего материального, вещественного и становящегося: «ум» интуитивен и своим предметом имеет сущность вещей,

но не их становление. Наконец, диалектическая концепция «ума» завершается космологической концепцией. «Ум» есть мысленное родовое обобщение всех живых существ, живое существо, или сама жизнь, данная в предельной обобщенности, упорядоченности, совершенстве и красоте. Этот «ум» воплощен в «космосе», а именно в правильном и вечном движении неба. Третья субстанция — «мировая душа» — объединяет у Платона «ум» и телесный мир. Получая от «ума» законы своего движения, «душа» отличается от него своей вечной подвижностью; это — принцип самодвижения. «Ум» бестелесен и бессмертен; «душа» объединяет его с телесным миром чем-то прекрасным, пропорциональным и гармоничным, будучи сама бессмертной, а также причастной истине и вечным идеям. Индивидуальная душа есть образ и истечение «мировой души». Платон говорил о бессмертии или, вернее, о вечном возникновении также и тела вместе с «душой». Смерть тела есть переход его в другое состояние.

Платон не хотел оставаться чистым теоретиком и стремился на деле осуществить задуманную им форму государственного устройства. Для этого Платон решил обучить сиракузского тирана Диона философии, чтобы тот на практике стал правителем-философом и смог бы осуществить необходимые реформы. Эта и последующие подобные попытки едва не стоили Платону жизни, и тогда он создал свои «Законы», в которых излагаются не только принципы идеального государственного устройства, но и все детали намеченной общественной системы, часто поражающей своей бесчеловечностью и жестокостью. Вообще платоновское государство с четкой кастовой системой, обобществленной собственностью и цензурой можно с полным правом назвать тоталитарным.

Асмус В. Ф. Платон. 2-е изд., М., 1975.

Васильева Т. В. Путь к Платону. М., 1999.

Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 1993.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведений Платона

«Государство»

— После этого-то, — сказал я, — нашу природу, со стороны образования и необразованности, уподобь вот какому состоянию. Вообрази людей как бы в подземном пещерном жилище, которое имеет открытый сверху и длинный во всю пещеру вход для света. Пусть люди живут в ней с детства, скованные по ногам и по шее так, чтобы, пребывая здесь, могли видеть только то, что находится перед ними, а поворачивать голову вокруг от уз не могли. Пусть свет доходит до них от огня, горящего далеко вверху и позади их, а между огнем и узниками на высоте пусть идет дорога, против которой вообрази стену, построенную наподобие ширм, какие ставят фокусники пред зрителями, когда из-за них показывают фокусы.

— Воображаю, — сказал он.

— Смотри же: мимо этой стены люди несут выставляющиеся над стеною разные сосуды, статуи и фигуры, то человеческие, то животные, то каменные, то деревянные, сделанные различным образом, и что будто бы одни из проносящихся издают звуки, а другие молчат.

— Станный начертываешь ты образ и странных узников, — сказал он.

— Похожих на нас, — промолвил я. — Разве ты думаешь, что эти узники на первый раз как в себе, так и один в другом видели что-нибудь иное, а не тени, падавшие от огня на находящуюся пред ними пещеру?

— Как же иначе, — сказал он, — если они принуждены во всю жизнь оставаться с неподвижными-то головами?

— А предметы проносимые — не то же ли самое?

— Что же иное?

— Итак, если они в состоянии будут разговаривать друг с другом, не подумаешь ли, что им будет представляться, будто, называя видимое ими, они называют проносимое?

— Необходимо.

— Но что, если бы в этой темнице прямо против них откликались и эхо, как скоро кто из проходящих издавал бы звуки, к иному ли чему, думаешь, относили бы они эти звуки, а не к проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, не к иному, — сказал он.

— Да и истиною-то, — примолвил я, — эти люди будут считать, без сомнения, не что иное, как тени.

— Весьма необходимо, — сказал он.

— Наблюдай же, — продолжал я, — пусть бы при такой их природе приходилось им быть разрешенными от уз и получить исцеление от бессмысленности, какова бы она ни была; пусть бы кого-нибудь из них развязали, вдруг принудили встать, поворачивать шею, ходить и смотреть вверх на свет: делая все это, не почувствовал ли бы он боли и от блеска не ощутил бы бессилия взирать на то, чего прежде видел тени? И что, думаешь, сказал бы он, если бы кто стал говорить ему, что тогда он видел пустяки, а теперь, повернувшись ближе к сущему и более действительному, созерцает правильное, и, если бы даже, указывая на каждый проходящий предмет, принудили его отвечать на вопрос, что такое он, пришел ли бы он, думаешь, в затруднение и не подумал ли бы, что виденное им тогда истиннее, чем указываемое теперь?

— Конечно, — сказал он.

— Да, хотя бы и принудили его смотреть на свет, не страдал ли бы он глазами, не бежал ли бы, повернувшись к тому, что мог видеть, и не думал ли бы, что это действительно яснее указываемого?

— Так, — сказал он.

— Если же кто, — продолжал я, — стал бы влечь его насильно по утесистому и крутому всходу и не оставил бы, пока не вытаскил на солнечный свет, то не болезновал бы он и не досадовал ли бы на влекущего и, когда вышел бы на свет, ослепляемые блеском глаза могли ли бы даже видеть предметы, называемые теперь истинными?

— Вдруг-то, конечно, не могли бы, — сказал он.

— Понадобилась бы, думаю, привычка, кто захотел бы созерцать горнее: сперва легко смотрел бы на тени, потом на отражающиеся в воде фигуры людей и других предметов, а наконец, и на самые предметы; и из этих находящихся на небе и самое небо легче видел бы ночью, взирая на сияние звезд и луны, чем днем — солнце и свойства солнца.

— Как не легче!

— И только, наконец, уже, думаю, был бы в состоянии усмотреть и созерцать солнце — не изображение его в воде и в чуждом месте, а солнце само в себе, в собственной его области.

— Необходимо, — сказал он.

— И после этого-то лишь заключил бы о нем, что оно означает времена и лета и, в видимом месте всем управляя, есть некоторым образом причина всего, что усматривали его товарищи.

— Ясно, — сказал он, — что от того перешел бы он к этому.

— Что же вспоминая о первом житье, о тамошней мудрости и о тогдашних узниках, не думаешь ли, что свою перемену будет он ублажать, а о других жалеть?

— И очень.

— Вспоминая также и о почестях и похвалах, какие тогда воздаваемы были им друг от друга, и о наградах тому, кто с пронизательностью смотрел на проходящее и внимательно замечал, что обыкновенно бывает прежде, что потом, что идет вместе, и из этого то могущественно угадывал, что имеет быть — пристрастен ли он будет, думаешь, к этим вещам и ста-

нет ли завидовать людям между ними почетным и правительственным или скорее придет к мысли Гомера и сильно захочет лучше идти в деревню работать на другого человека, бедного, и терпеть что бы то ни было, чем водиться такими мнениями и так жить?

— Так и я думаю, — сказал он, — лучше принять всякие мучения, чем жить по-тамошнему.

— Заметь и то, — продолжал я, — что если такой сошел опять в ту же сидельницу и сел, то после солнечного света глаза его не были ли бы вдруг объаты мраком?

— Уж конечно, — сказал он.

— Но, указывая опять, если нужно, на прежние тени и споря с теми всегдашними узниками, пока не отупел бы, установив снова свое зрение — для чего требуется не кратковременная привычка, — не возбудил ли бы он в них смеха и не сказали ли бы они, что, побывав вверх, он возвратился с поврежденными глазами и что поэтому не следует даже пытаться восходить вверх? А кто взялся бы разрешить их и возвесть, того они, лишь бы могли взять в руки и убить, убили бы.

— Непременно, — сказал он.

— Так этот-то образ, любезный Главкон, — продолжал я, — надобно весь прибавить к тому, что сказано прежде, видимую область зрения уподобляя житию в узилище, а свет огня в нем — силе солнца. Если притом положишь, что восхождение вверх и созерцание горнего есть восторжение души в место мыслимое, то не обманешь моей надежды, о которой желаешь слышать. Бог знает, верно ли это; но представляющееся мне представляется так: на пределах ведения идея блага едва созерцается; но, будучи предметом созерцания, дает право умозаключать, что она во всем есть причина всего правого и прекрасного, в видимом родившая свет и его господина, а в мыслимом сама госпожа, дающая истину и ум, и что желающий быть мудрым в делах частных и общественных должен видеть ее.

— Тех же мыслей и я, — сказал он, — только бы мочь как-нибудь.

— Ну так прими и ту мысль, — примолвил я, — и не удивляйся, что здешние пришлецы не хотят жить по-человечески, но душами своими возносятся вверх, чтоб обитать там; ибо это естественно, если только по начертанному образу, справедливо.

«Законы»

Бог, по древнему сказанию, держит начало, конец и средину всего сущего. По прямому пути бог приводит все в исполнение, хотя по природе своей он вечно обращается в круговом движении. За ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться его и следовать за ним смиренно и в строгом порядке. Если же кто вследствие надменности превозносится богатством, почестями, телесным благообразием; если кто юностью, неразумием и наглостью распаляет свою душу, так, что считает, будто ему уже не нужен ни правитель, ни руководитель, но будто он сам годится в руководители другим, — такой человек остается позади, будучи лишен бога. Оставшись позади и подобрав еще других, себе подобных, он мечется, приводя все в смятение.

«Менон»

Сократ. Так если правда обо всем сущем живет у нас в душе, а сама душа бессмертна, то не следует ли нам смело пускаться в поиски и припоминать то, чего мы сейчас не знаем, то есть не помним?

«Федр»

Человек должен постигать общие понятия, складывающиеся из многих чувственных восприятий, но сводимые разумом

воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока смотрела на то, что мы теперь называем бытием, и, поднявшись, заглядывала в подлинное бытие. Поэтому, по справедливости, окрыляется только разум философа, память которого по мере сил всегда обращена к тому, в чем и сам бог проявляет свою божественность. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным.

«Филеб»

Древние, которые были лучше нас и обитали ближе к богам, передали нам сказание, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и включает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность. Если все это так устроено, то мы всегда должны полагать одну идею относительно каждой вещи и соответственно этому вести исследование: в заключение мы эту идею найдем. Когда же схватим ее, нужно смотреть, нет ли, кроме нее одной, еще двух или трех идей или какого иного числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое и беспредельно многое, но как количественно определенное. Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и единым; только тогда каждому единству из всего ряда можно позволить войти в беспредельное и раствориться в нем.

«Тимей»

Когда в полной движения и жизни Вселенной родивший ее отец признал образ бессмертных богов, он возрадовался и в до-

бром своем расположении придумал сделать ее еще более похожей на образец. Так как самый образец есть существо вечное, то и эту Вселенную вознамерился он сделать по возможности такую же. Но природа-то этого существа действительно вечная; а это свойство сообщить вполне существу рожденному было невозможно; так он придумал сотворить некоторый подвижный образ вечности, и вот, устроив заодно небо, создает пребывающий в одной вечности вечный, восходящий в числе образ — то, что называли мы временем. Ведь и дни и ночи, и месяцы и годы, которых до появления неба не было, — тогда вместе с установлением неба подготовил он и их рождение.

В прежнюю чашу, в которой замешана и составлена была душа Вселенной, влив опять остатки от прежнего [бог] смешал их почти таким же образом; но это не была уже чистая, как тогда, смесь, а вторая и третья по достоинству.

Сущее, пространство и рождение являются, как три троякие начала, еще до происхождения неба. Кормилица же рождаемого, разливаясь влагою и пылая огнем, принимая также формы земли и воздуха и испытывая все другие состояния, которые приходят с этими стихиями, представляется, правда, на вид всеобразною; но так как ее наполняют силы неподобные и неравновесные, то она не имеет равновесия ни в какой из своих частей, а при неравном повсюду весе подвергается под действием этих сил сотрясениям и, колеблясь, в свою очередь потрясает их. Через сотрясение же они разъединяются и разбрасываются туда и сюда, все равно как при рассеивании и провеивании посредством сит и служащих для чистки зерна орудий плотные и твердые зерна падают на одно место, а слабые и легкие — на другое.

Для начала должно разграничить две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. Все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть

без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным.

И все же поставим еще один вопрос относительно космоса: взирая на какой первообраз работал тот, кто его устроил, на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если космос прекрасен, а его демиург благ, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запретно, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин.

Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума.

Рассмотрим же, по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи чужд зависти, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому.

Бог поместил между огнем и землей воду и воздух, после чего установил между ними возможно более точные соотношения, дабы воздух относился к воде, как огонь к воздуху, и вода относилась к земле, как воздух к воде. Так он сопряг их, строя из них небо, видимое и осязаемое. На таких основаниях и из таких составных частей числом четыре родилось тело космоса, упорядоченное из-за пропорции, и благодаря этому в нем возникла дружба, так что разрушить его самотождественность не может никто, кроме лишь того, кто сам его сплотил. При этом каждая из четырех частей вошла в состав космоса

целиком: устроитель составил его из всего огня, из всей воды и воздуха, и земли, не оставив за пределами космоса ни единой их части или силы.

Итак, он путем вращения округлил космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра, то есть сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные самим себе.

Под действием движения тождественного кажется, будто звезды, которые идут быстрее, нагоняемы теми, которые идут медленнее, в то время как в действительности дело обстоит наоборот, ведь движение тождественного сообщает всем звездным кругам спиралеобразный изгиб по причине противоположной устремленности двух главных движений, а потому как раз та звезда, которая больше всего отстает от самого быстрого движения, больше всего приближается к его скорости. Для того чтобы была дана некая точная мера соотношений медленности и быстроты, с которыми движутся они по своим восьми кругам, бог на второй от Земли окружности возжег свет, который ныне мы называем Солнцем, дабы он осветил возможно дальше все небо, а все живые существа, которым это подобает, стали бы причастны числу, научаясь ему из вращения тождественного и подобного.

Таким образом и по таким причинам возникли ночь и день, этот круговорот единого и наиразумнейшего обращения; месяц же — это когда Луна совершает свой оборот и нагоняет Солнце, а год — когда Солнце обходит свой круг.

Тело наше сплотилось из четырех родов — земли, огня, воды и воздуха, стоит одному из них оказаться в избытке или в недостатке или перейти со своего места на чужое, стоит какой-либо части (вспомнив, что как огонь, так и прочие роды являют не одну разновидность) воспринять в себя не то, что нужно, тут же, как и в случае других подобных нарушений, возникают смуты и недуги; от этих несообразных с природой со-

бытий и перемещений прохладные части тела разгорячаются, сухие — набухают влагой, легкие — тяжелеют и вообще все тело претерпевает всяческие изменения.

Хрестоматия по философии : учеб. пособие / отв. ред. и сост. А. А. Радугин. М. : Центр, 2001. Режим доступа : <http://www.gumfak.ru>.

«Критий»

Критий рассказывает о существовании Атлантиды

Прежде всего вкратце припомним, что, согласно преданию, девять тысяч лет тому назад была война между теми народами, которые обитали по ту сторону Геракловых столпов, и всеми теми, кто жил по сю сторону: об этой войне нам и предстоит поведать. Сообщается, что во главе последних вело войну, доведя ее до самого конца, наше государство, а во главе первых — цари острова Атлантиды; как мы уже упоминали, это некогда был остров, превышавший величиной Ливию и Азию, ныне же он провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание немислимым. О многочисленных варварских племенах, а равно и о тех греческих народах, которые тогда существовали, будет обстоятельно сказано по ходу изложения, но вот об афинянах и об их противниках в этой войне необходимо рассказать в самом начале, описав силы и государственное устройство каждой стороны. Воздадим эту честь сначала афинянам и поведаем о них.

Но как в этом убедиться и почему нынешнюю страну правильно называть остатком прежней? Вся она тянется от материка далеко в море, как мыс, и со всех сторон погружена в глубокий сосуд пучины. Поскольку же за девять тысяч лет случилось много великих наводнений (а именно столько лет прошло с тех времен до сего дня), земля не накапливалась

в виде сколько-нибудь значительной отмели, как в других местах, но смывалась волнами и потом исчезала в пучине. И вот остался, как бывает с малыми островами, сравнительно с прежним состоянием лишь скелет истощенного недугом тела, когда вся мягкая и тучная земля оказалась смытой и только один остов еще перед нами. Но в те времена еще неповрежденный край имел и высокие многохолмные горы, и равнины, которые ныне зовутся каменистыми, а тогда были покрыты тучной почвой, и обильные леса в горах. Последнему и теперь можно найти очевидные доказательства: среди наших гор есть такие, которые ныне взращивают разве только пчел, а ведь целы еще крыши из кровельных деревьев, срубленных в этих горах для самых больших строений. Много было и высоких деревьев из числа тех, что выращены рукой человека, а для скота были готовы необъятные пажити, ибо воды, каждый год изливаемые от Зевса, не погибали, как теперь, стекая с оголенной земли в море, но в изобилии впитывались в почву, просачивались сверху в пустоты земли и сберегались в глиняных ложах, а потому повсюду не было недостатка в источниках ручьев и рек. Доселе существующие священные остатки прежних родников свидетельствуют о том, что наш теперешний рассказ об этой стране правдив.

Таким был весь наш край от природы, и возделывался он так, как можно ожидать от истинных, знающих свое дело, преданных прекрасному и наделенных способностями землепашцев, когда им дана отличная земля, обильное орошение и умеренный климат. Столица же тогда была построена следующим образом. Прежде всего акрополь выглядел совсем не так, как теперь, ибо ныне его холм оголен и землю с него за одну необыкновенно дождливую ночь смыла вода, что произошло, когда одновременно с землетрясением разразился неимоверный потоп, третий по счету перед Девкалионовым бедствием. Но в минувшие времена акрополь простирался до Эрида-

на и Илиса, охватывая Пикн, а в противоположной к Пикну стороне — гору Ликабет, притом он был весь покрыт землей, а сверху, кроме немногих мест, являл собой ровное пространство. Вне его, по склонам холма, обитали ремесленники и те из землепашцев, участки которых были расположены поблизости; но наверху, в уединении, селилось вокруг святилища Афины и Гефеста обособленное сословие воинов за одной оградой, замыкавшей как бы сад, принадлежащий одной семье. На северной стороне холма воины имели общие жилища, помещения для общих зимних трапез и вообще все то по части домашнего хозяйства и священных предметов, что считается приличным иметь воинам в государствах с общественным управлением, кроме, однако, золота и серебра: ни того, ни другого они не употребляли ни под каким видом, но, блюдя середину между пышностью и убожеством, скромно обставляли свои жилища, в которых доживали до старости они сами и потомки их потомков, вечно передавая дом в неизменном виде подобным себе преемникам. Южную сторону холма они отвели для садов, для гимнасиев и для совместных летних трапез, соответственно ей и пользуясь. Источник был один — на месте нынешнего акрополя; теперь он уничтожен землетрясениями, и от него остались только небольшие родники кругом, но людям тех времен он доставлял в изобилии воду, хорошую для питья как зимой, так и летом. Так они обитали здесь — стражи для своих сограждан и вожди всех прочих эллинов по доброй воле последних; более всего они следили за тем, чтобы на вечные времена сохранить одно и то же число мужчин и женщин, способных когда угодно взяться за оружие, а именно около двадцати тысяч.

Таковыми они были, и таким образом они справедливо управляли своей страной и Элладой; во всей Европе и Азии не было людей более знаменитых и прославленных за красоту тела и за многостороннюю добродетель души.

Сообразно со сказанным раньше, боги по жребию разделили всю землю на владения — одни побольше, другие поменьше — и учреждали для себя святилища и жертвоприношения. Так и Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее.

Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их и поделил весь остров Атлантиду на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными, а этих остальных — архонтами, каждому из которых он дал власть над многолюдным народом и обширной страной. Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю — то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлант.

От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем и передавал царский сан старейшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду, и они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все необходимое, приготовляемое как в городе, так и по всей стране. Много ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орихалк, извлекавшийся из недр земли в различных местах острова и по ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населя-

ющих болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благовония, которые ныне питает земля, будь то в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или в плодах, — все это она рождала там и отлично взращивала. При этом же и всякий нежный плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умащения, например непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод, а также тот, что мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом, — все это тогда под воздействием солнца священный остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным. Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну...

Платон. Критий // Библиотека оккультной и теоретической литературы: [сайт]. Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/krity.htm>.

ПОЛИБИЙ ИЗ АРКАДИИ (Polybios, ок. 200–120 гг. до н. э.)

Древнегреческий историк. Автор «Всемирной истории» в 40 книгах, охватывающей события 264–144 гг. до н. э. Книги сохранились не все. Они охватывают историю Греции, Македонии, Малой Азии, Рима и других стран (из 40 книг сохранились первые 5, остальные — во фрагментах). «История» Полибия — первая попытка в греческой историографии дать «всемирную» историю в синхронной последовательности всех событий. Полибий назвал свою «Историю» прагматической, понимая под этим в первую очередь изложение событий политической и военной истории. Считая историю наставницей жизни, он видел основную свою задачу не в описании, а в объяснении событий, раскрытии причин происходящего и их взаимосвязи. Подобно

другим историкам древности, Полибий придавал особое значение деятельности отдельных личностей.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ПРОТАГОРА (Protagoras, ок. 481–411 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ-софист из фракийского города Абдеры, приверженец рабовладельческой демократии. Сочинения его не сохранились, содержание части из них передал Платон в диалоге «Протагор». Он известен своим изречением «Человек есть мера всех вещей». Профессиональный учитель добродетели, которую он понимал как умение достигать поставленных целей, — эта точка зрения подвергнута критике Сократом в платоновском диалоге «Протагор». Протагор был агностиком и считал, что никакое знание не может выйти за пределы человеческой субъективности.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведений античных ученых о Протагоре Аристотель «Метафизика»

И это неверно, как и то, что геодезия есть наука о величинах чувственно воспринимаемых и, следовательно, подверженных гибели. Ибо в таком случае она исчезла бы вместе с их гибелью. Но, однако, и астрономия должна бы быть наукой не о чувственно воспринимаемых величинах и не об этом видимом небе.

Ведь чувственно воспринимаемые линии не такого рода, какими линии изображает геометр. Ибо ничто из чувственно воспринимаемого не бывает ни столь строго прямым, ни столь строго круглым, как в геометрии. В самом деле в области чувственно воспринимаемого окружность касается прямой не в одной точке, но, как говорил Протагор, опровергая геометров, ни движения светил неба, ни описываемые ими кривые не совпадают с теми, о которых трактует астрономия, а равно астрономические изображения не одной и той же природы с действительными светилами.

Диоген Лаэртский о Протагоре

Протагор первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу. И еще он говорил, что все истинны.

Евсевий «Введение к Евангелию»

Ибо бывший приятелем Демокрита Протагор приобрел славу безбожника. Действительно передают, что он в сочинении «О богах» делает следующее вступление: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду».

Платон «Теэтет» (Сократ и Теэтет)

Но, кажется, ты высказал не маловажное положение о знании, а такое, которое утверждал и Протагор. То же самое он сказал только несколько иным способом. Ибо где-то он говорит, что «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют». Вероятно, ты читал?

— Читал и много раз.

— Итак, не говорит ли он как-то таким образом, что какую каждая вещь кажется мне, такова она есть для меня, и какую

тебе — такова она для тебя, ты же и я человек? Разве не бывает иногда, что при дуновении того же самого ветра, один из нас зябнет, другой нет? И один слегка, а другой сильно?

— Конечно.

— Итак, в этом случае ветер сам по себе, назовем ли мы холодным или нехолодным, или поверим Протагору, что для зябнувшего он холоден, для незябнувшего не холоден?

— Кажется, что так.

— Следовательно, и является это каждому из них таким образом?

— Да.

— «Является» же это значит «ощущается».

— Правильно.

— Итак, явление и ощущение тождественно, и в теплом и во всем тому подобном. И в самом деле, каковы ощущения у каждого, таковы для каждого и существующие вещи.

Плутарх «Об упражнении»

Протагор сказал: «Образование не дает ростков в душе, если оно не проникает до значительной глубины».

Секст Эмпирик «Против математиков»

И абдеритянина Протагора некоторые причислили к хору тех философов, которые отвергают критерий истины, так как он говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившееся кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему. Действительно, в начале «Ниспровергающих речей», он провозгласил следующее: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

Протагор мерой называет критерий, вещами же то, что делается. Таким образом, он утверждает, что человек есть критерий

всех дел : существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют. И вследствие этого он принимает только то, что является каждому отдельному человеку и таким образом вводит принцип относительности.

Протагор говорит, что материя текуча и при течении ее беспрерывно происходят прибавления взамен убавлений ее и ощущения перестраиваются и применяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий. Люди в различное время воспринимают по-разному в зависимости от различий своих состояний.

Сократ о Протагоре

Прочее сказанное им очень нравится мне, как, например, что кажется каждому, то и есть. Но началу его речи я удивился : почему в начале своей «Истины» он не сказал, что мера всех вещей есть свинья или кинокефал или какое-нибудь другое еще более странное из обладающих ощущением существ? Тогда бы начало его речи прозвучало для нас великолепно и весьма презрительно, поскольку оно показывало бы, что между тем как мы чтим его за мудрость, словно бога, он на самом деле оказывается по мудрости несколько не лучше головастика, не говоря уже о ком-либо из людей.

Хрестоматия по философии : учеб. пособие / отв. ред. и сост. А. А. Радугин. М. : Центр, 2001. Режим доступа : <http://www.gumfak.ru>.

Dasein : историко-философский журнал. Режим доступа : <http://dasein.narod.ru>.

СОКРАТ (*Sokrates*, 470–399 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, сын камнереза и повивальной бабки, муж Ксантиппы, чье имя стало нарицательным из-за ее дурного нрава. Сам Сократ ничего не писал, и мы можем

судить о нем главным образом по диалогам Платона и Ксенофонта. На первый взгляд может показаться, что знаменитая «сократическая ирония» (разыгранное неведение) и не менее знаменитый «сократический метод» (так задавать вопросы, чтобы получить требуемый ответ) приводят только к отрицательному результату: тот, кого расспрашивает Сократ, убеждается, что его первоначальные суждения на самом деле ложны и что, по сути, он ничего как следует не знает, ни на чем не стоит твердо, как это могло показаться до начала разговора. Однако это является необходимым предварительным условием для серьезной дискуссии в строгих терминах. Сократ считал, что философия не должна быть оторвана от человеческой жизни и что хороший человек должен обязательно разобраться, что на самом деле хорошо, а что дурно, иначе его нельзя будет считать хорошим («Добродетель тождественна Знанию»). Сократ не принимал готовые пути достижения жизненного успеха, которые предлагали софисты.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Афоризмы и высказывания Сократа

Высшая мудрость — различать добро и зло.

Есть только одно благо — знание и только одно зло — невежество.

Нельзя врачевать тело, не врачуя души.

Поскольку мы не знаем, что такое смерть, бояться ее нелогично.

Точное логическое определение понятий — условие истинного знания.

Я знаю только то, что я ничего не знаю, но некоторые не знают и этого.

Сократ — афоризмы, цитаты, высказывания и изречения. Режим доступа: <http://www.apophorisme.ru/by-authors/sokrat/?q=505>.

Апология Сократа

Я учу не почитать богов, которых почитает город, а почитать другие, новые божественные знамения. Я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди. Солнце — камень, а Луна — земля.

Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. Режим доступа: <http://psylib.org.ua>.

ФЕОФРАСТ, ТЕОФРАСТ (Theophrastus, 372–287 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, ученик Аристотеля; после смерти учителя в течение 35 лет стоял во главе созданной Аристотелем философской школы. Теофраст работал во многих отраслях знаний, ему приписывают 227 сочинений. Его считают отцом ботаники. Разрабатывая начатую Аристотелем классификацию характеров, Теофраст создал блестящий по меткости характеристик цикл «Характеры». В этом сочинении он обрисовал тридцать типов людей: скрягу, сплетника, болтуна и т.д. Этот труд являлся основой для разработки комических ситуаций авторами комедий, в частности Менандром.

В музыке он различал три начала: скорбь, наслаждение и вдохновение. Теофраст считал, что ум — божественная способность человека, а теоретическая жизнь — его главное назначение. Он различал два вида речи: относящаяся к предмету (философия) и относящаяся к слушателю (риторика и поэтика). Труды Теофраста в области ораторского искусства не со-

хранились, но известно, что его сочинение «О стиле» оказало большое влияние на античные теории ораторского искусства, в том числе и Цицерона.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ФУКИДИД (*Thukydides*, 460–396 гг. до н.э.)

Древнегреческий историк. Его «История Пелопоннесской войны» состоит из восьми книг, охватывает события 431–411 гг. до н.э. Фукидид считается родоначальником реалистического метода в греческой историографии. Его подход к источникам характеризуется критическим отношением к тому материалу, на котором он строит свои суждения. Кроме мифологической и историографической традиции Фукидид широко использовал археологические данные, в частности надписи, и свои собственные наблюдения. Фукидид первый из историков начал рассматривать исторические события в органической взаимосвязи с главными движущими силами и путями развития, оценивать вредное влияние войн на народный характер. Сущность и содержание истории для Фукидида — это борьба за власть, которая ведется народами, государствами и группами людей и которая трактуется им как закон природы; для него главным было восстановление истинного хода событий и выявление их причин. Фукидид свои повествования пишет сжато, выразительно. Наиболее известен его диалог, в котором обсуждается моральное право сильной центральной власти использовать силу против не желающих подчиниться союзников, если военная ситуация и выгода требуют того.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. *Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.*

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ЭМΠΕΔΟΚΛА ИЗ АГРИГЕНТА (*Empedokles*, ок. 490–430 гг. до н. э.)

Древнегреческий философ, оратор, врач и политический деятель; сторонник рабовладельческой демократии. Эмпедоклу приписывают две поэмы: «О Природе» и «Очищение». Эмпедокл учил, что все сущее состоит из четырех элементов: огня, воздуха, земли и воды, смешивающихся и разделяющихся между собой под влиянием любви и вражды, из соединений этих элементов образована Вселенная. Интересовался медициной, был активным демократом в политике и, подобно Пифагору, проповедовал переселение душ и вегетарианство.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. *Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.*

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагмент из поэмы Эмпедокла «Очищение»

Некогда был я юнцом, был и прелестной девицей,
Был и растением, птицей, рыбой безгласною в море.

Рождение рядом со смертью, с бодростью вместе сонливость,

Движение вместе с покоем. Венками увитая знатность —
Ей же сопутствует низость, безмолвие рядом с глаголом...
У людей золотого века

Не было бога войны, не было бога смятений,
не было Зевса-царя, ни Кроноса, ни Посейдона :
Царила одна лишь Любовь...

Кроткими все были твари, благонастроены к людям,
Звери, а также и птицы; повсюду пылала взаимность.
Блажен, кто надежно владеет кладом божественных знаний,
Жалок, кто смутное мнение в душе о бессмертных имеет.

Фрагменты из поэмы Эмпедокла «О Природе»

Глупые! как близорука их мысль, коль они полагают,
Будто, действительно, раньше не бывшее может возникнуть,
Иль умереть и разрушиться может совсем то, что было.
Ибо из вовсе не бывшего сущее стать неспособно,
Также и сущее чтобы пришло, — ни на деле, ни в мысли
Вещь невозможная : ибо оно устоит против силы.
Нет во вселенной нигде ни излишка, ни места пустого.
Нет во вселенной нигде пустоты : и откуда ей взяться?
Мудрый муж никогда в своем сердце того не помыслит.
Будто жизни предел в том, что жизнью зовем мы, положен
Смертным добрым и злым; и что, прежде чем плоть сотво-
рилась,

Были все люди — ничто, и в ничто они вновь разрешатся.

Речь моя будет двоякая : ибо — то в множества недрах
Крепнет единство, то множество вновь прорастает в единстве.
Тленного также двояко рождение, двояка и гибель :
Эту рождает и губит всеобщий порыв к единенью,
То же, разладом питаюсь, в нем вскоре конец свой находит.
Сей непрерывный обмен никак прекратиться не в силах :
То, Любовью влекомое, сходится все воедино,
То ненавистным Раздором вновь гонится врозь друг от друга.
(Так, поскольку единство рождается без перерыва)

В множества недрах, а множество вновь прорастает в единстве, —
Вечно они возникают, и нет у них стойкого века.
Но, поскольку обмен сей никак прекратиться не в силах, —
Вечно постольку они существуют в недвижимом круге.
Выслушай слово мое: возвращает учение разум.

Как я и раньше сказал, поясняя предел рассуждения,
Речь моя будет двоякая: ибо — то в множества недрах
Крепнет единство, то множество вновь прорастает в единстве,
Огонь, и вода, и земля, и воздуха высь без предела,
Вне их Вражда смертоносная, всем равновесная порознь,
В них же Любовь, в ширину и в длину одинакая всюду.
К ней ты умом возносишь, покидая очей ослепление.
Смертные членам своим врожденной ее почитают,
В ней дружелюбия, подвигов дружных находят источник.
Радостью и Афродитой богиней ее величая.
Но ни один смертный муж не познал, что она обегает
Недра стихий; ты же выслушай речи нелживой теченье.
Все они равны и все одинаково древнего рода,
Всякой, однако ж, иное дано назначенье и всякой
Свойство иное; господствуют вечно они по порядку.
К ним ничто не прибавится, в них ничто не иссякнет:
Если бы гибли они непрерывно, их ныне б не стало.

Но на свидетельства прежних речей обрати свои взоры,
Не было ль там уклонений от мысли, положенной нами.
Вот пред тобою горячее и лучезарное солнце,
Вот и бессмертная высь, сиянием дня залитая,
Вот и дождем нисходящая, темная, холодная влага,
Вот и в земле сокровенное твердое мира начало.
Все во Гневе они разнovidны и врозь существуют,
Но в Любви сочетаются, страстью пылая взаимной.
Ибо из них все, что было, что есть и все то, что будет:

В них прозябают деревья, из них стали мужи и жены,
Дикие звери и птицы, и в море живущие рыбы,
Также и боги из них, многочтимые долгие днями.
Ибо все те же они, проникая, однако, друг друга,
В видах различных являются: столько их смесь изменяет.

Все они — солнце, земля, необъятное небо и море, —
Все стремятся равно к единению всеми частями,
Сколько бы их ни отпрянуло в тленных вещей зарожденьи
Так равно и все те, что более склонны к смешенью,
Страстью взаимной пылают по воле самой Афродиты.
Те же, что сильно враждебны, взаимно с собой разногласят
Свойствами, способом смеси и формы своей отпечатком:
Купно сойтись неспособны они, и властвует ими
Беспрекословно Раздор, такую им давший природу.

...Нагромождая одно заглавие на другое, не доводить
до конца одной стези повествования ...
Властвуют поочередно они во вращении круга,
Слабнут и вновь возрастают, черед роковой соблюдая.
Ибо все те же они, проникая, однако, друг друга,
Образ людей и животных различных пород принимают.
То, Любовью влекомые, сходятся в стройный порядок,
То ненавистным Раздором вновь гонятся врозь друг от друга,
Чтобы в единое целое снова затем погрузиться.
Так, поскольку единство рождается без перерыва
В множества недрах, а множество вновь прорастает в единстве, —
Вечно они возникают, и нет у них стойкого века.
Но, поскольку обмен сей никак прекратиться не в силах, —
Вечно постольку они существуют в недвижимом круге.

Скажем о первых и равных по древности мира основах,
В коих возникло все то, что ныне мы зрим во вселенной:

Бурное море, земля, бременеющий влагою воздух,
Также эфирный Титан, облакающий вокруг мирозданье.

Если земли глубина и эфир беспредельно велики,
Как то гласят празднословные многих людей утверждения,
Малый узревших удел из всего, что открыто познанию...
Солнечный свет, отражаясь в широкой луне круговидной...
Солнце бестрепетным ликом к Олимпу свой свет отражает.
Чуждый свет круговидный вокруг обтекает всю землю.
Втулка так в колеснице вращается, столб огибая...
В лик священный владыки глядит подлежащий пред нею...
Ночь же земля производит, лучи преграждая собою.
...Пустынной и слепоокой ночи...

С моря приносит Ирида дождь проливной или ветер.
...Быстро вверх...

...Под землю горит много огней...

Двигался именно так он в то время, но часто иначе
Длинными в землю корнями, внедрившись, эфир проникает.

Волосы, листья и перья густые у птиц и на рыбах,
Плотный покров чешуи — из одной происходят основы.
Спину ежей покрывает колючая грива щетиной.

После того как земля в совершенную гавань Киприды
Якорь забросила, — равными там сочеталась частями
С светлым эфиром, Гефестом и влагой, дождем нисходящей,
Разве лишь малой частицей то больше, то меньше бывая.

Смесь же их кровь породила и прочие виды все плоти.

Вот как дыхание тварей живых происходит: из плоти
Трубки, лишённые крови, к поверхности тела проходят,
В устьях, которых наружные кожи покровы сквозными

Мелкими щелями густо усеяны, так что для крови
Доступа нет, но эфир проникает легко чрез отверстия.
В бурных волнах обтекающей крови питается сердце;
В нем же находится то, что зовем мы так часто мышлением:
Мысль человека есть кровь та, что сердце вокруг омывает.
Разум растет у людей в соответствии с мира познанием.
Ибо из них все, что есть, сочеталось в стройный порядок.

Фрагменты из произведений Эмпедокла

Огонь, вода, земля и воздух — все это существует от природы и случая; искусство здесь ни при чем; в свою очередь и последующие тела — это касается Земли, Солнца, Луны и звезд — произошли через посредство этих первооснов, совершенно неодушевленных. Эти первоосновы носились каждая по присущей ей случайной силе, и там, где они сталкивались, они как-то друг к другу прилаживались: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому...

Из случайного, но согласного с природной необходимостью смешения противоположных основ произошло, согласно платоновской характеристике Эмпедокла, «все небо и все, что на небе, так же как и все животные и растения»; отсюда будто бы произошла и смена времен года, а вовсе не через разум — так учат эти люди — и не через какое-либо божество или искусство, но будто бы, повторяем, происхождение всего этого обусловлено исключительно природой и случаем.

Из первичного смешения элементов прежде всего выделился воздух, который и распространился вокруг. Затем выделился огонь. Не найдя себе места наверху, так как это пространство было уже занято воздухом, огонь стал растекаться под куполообразным сгущением, которое образовал воздух. Поднимаясь кверху, огонь растекался в разные стороны под этим куполом.

Вокруг Земли существуют два полушария; они движутся круговым движением. Одно из них состоит целиком из огня,

другое, смешанное, состоит из воздуха и из примеси небольшого количества огня. Это второе полушарие производит своим вращением явление ночи. Начало движения произошло от нарушения равновесия вследствие присоединения огня.

Солнце по своей природе не огненное. Дневное светило, видимое нами каждый день на небесном своде, есть только отражение огня, подобное тем, которые бывают на воде. Луна образовалась из воздуха, увлеченного огнем. Этот воздух сгустился наверху наподобие града. Светит Луна не собственным светом, а исходящим от Солнца. Форма мироздания — не шаровидна в точном смысле. Мир приближается по своей форме к яйцу, лежащему в горизонтальном положении.

Свету требуется известное время для распространения в пространстве.

Первоначально животные и растения были сочетаниями отдельных, самостоятельно существовавших частей. Это были механические и случайные соединения отдельных органов, свободно носившихся в пространстве. Второе поколение животных похоже на фантастические образы мифов: эти существа состояли из уже сросшихся частей, но были еще лишены цельности; третье поколение составили животные, образовавшие цельные тела из частей, соединившихся в одно целое; наконец, существа четвертого поколения возникли уже не прямо, не непосредственно, например из земли или воды, а путем рождения от родителей того же вида. Виды животных разделились сообразно преобладанию того или другого темперамента: одни по влечению темперамента естественно стремились жить в воде, другие — дышать воздухом, чтобы обладать большим количеством огненного элемента, третьи остались вследствие тяжести на Земле.

Вокруг огня, помещающегося в глазе, располагаются, наподобие оболочек, земля и воздух, но и вода. Огонь легко может пройти внутри глаза через землю и воздух, подобно свету в фо-

наре и поры огня и воды расположены внутри глаза попеременно.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова М.: Мысль, 1986.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От этических космогоний до возникновения атомистики/подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. М.: Ладомир, 1999.

ЭПИКУР (*Ἐπίκουρος*, 341–271 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ, основатель эпикурейской системы философии. Основой учения Эпикура являлась атомистическая теория Демокрита, в этике развивалась теория, согласно которой боги существуют, но не вмешиваются в дела людей, так что их не надо ни умиловать, ни бояться. Преимущественное значение Эпикур уделял этике и воспитанию человека. Эпикур стремился дать практическое руководство для жизни (этику); этому служила физика (натурфилософия), а последней — логика.

Учение Эпикура о природе, по сути дела, демокритическое учение: бесконечно число и разнообразие спонтанно развивающихся миров, представляющих собой результат столкновения и разъединения атомов, помимо которых не существует ничего, кроме пустого пространства. В пространстве между этими мирами (в «междумириях»), бессмертные и счастливые, живут боги, не заботясь о мире и людях. Таким же образом возникают и исчезают живые существа, а также душа, которая состоит из тончайших, легчайших, наиболее круглых и подвижных атомов.

Познание природы не есть самоцель, оно освобождает человека от страха суеверий и вообще религии, а также от боязни

смерти. Это освобождение необходимо для счастья и блаженства человека, сущность которых составляет наслаждение, но это не простое чувственное наслаждение, а духовное, хотя вообще всякого рода наслаждения сами по себе не являются дурными. Однако духовное наслаждение более устойчиво, ибо оно не зависит от внешних помех. Благодаря разуму, дару богов, за который они не требуют никакой благодарности, стремления должны приводиться в согласие (симметрию), предполагающее наслаждение, причем одновременно достигается не нарушаемое неприятными переживаниями спокойствие, невозмутимость (атараксия), в которых и заключается истинное благочестие. Эпикур призывал человека соизмерять наслаждение, которое он получает, с возможными последствиями. К общественности (особенно государству и культу) мудрец должен относиться дружелюбно, но сдержанно. Девиз Эпикура: «Живи уединенно!».

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Умнов. М.: Олимп : АСТ, 2000.

Гончарова Т. В. Эпикур. 2-е изд. М.: КомКнига, 2010.

ЭРАТОСФЕН КИРЕНСКИЙ (Eratosthenes, ок. 275–195 гг. до н.э.)

Древнегреческий ученый и поэт. Основатель физической географии; получил образование в Александрии и Афинах, занимался астрономией, филологией и хронологией. Эратосфен первым измерил окружность земного шара (с ошибкой всего в 310 км). Положил начало научной хронологии. В поэме «Превращения в звезды» изложил свое учение о движении сфер. Сферы, по его мнению, были созвучны тонам лиры, созданной богом Гермесом. Из сочинений Эратосфена по математике до нашего времени дошло только написанное к царю

Птолемию письмо об удвоении куба. В письме содержатся некоторые исторические сведения о делийской задаче, а также описание прибора, изобретенного самим автором и известного под именем мезолябия. Папп в двух местах своего «Собрания» называет сочинение Эратосфена «О средних величинах», замечая при этом, что оно во всех своих предположениях стоит в связи с линейными местами. Сочинение Эратосфена «Платоник» посвящено пропорциям.

Из сочинений Эратосфена по астрономии до нашего времени дошло только одно, «Катастеризмы» — перечисление созвездий и заключающихся в них звезд, числом до 700. Определения положений этих звезд сочинение не дает. Для своих астрономических наблюдений Эратосфен установил под портиком здания Мусейона большие армиллярные сферы. Эратосфен определил угловое расстояние от экватора до тропика: он нашел его равным $11/83$ от 180° .

В сравнительно больших отрывках дошло до настоящего времени сочинение Эратосфена о географии. В полном своем составе оно делилось, по свидетельству Страбона, на три книги. В первой автор дал критический обзор истории географии, от первого появления географических понятий у Гомера до своих непосредственных предшественников, то есть до историков и географов, воспользовавшихся походами Александра Македонского и их описаниями. Вторая книга излагает основы географии по взглядам самого автора. Предмет третьей книги составляет суша. Эратосфен является основателем научной хронологии. В своих «Хронографиях» он пытался установить даты, связанные с историей Эллады, составил список победителей Олимпийских игр.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагмент из произведения Эратосфена «География»

Эксперимент Эратосфена по измерению окружности Земли: на основании известного расстояния между Александрией и Сиеной (современный город Асуан), а также разницы угла падения солнечных лучей в обеих местностях. Эратосфен высчитал длину Экватора (итог: 252 тысячи стадий, то есть примерно 39690 км, подсчет с минимальной ошибкой, поскольку истинная длина экватора составляет чуть более 40 тыс. км).

Сиена и Александрия лежат на одном меридиане. И поскольку меридианы в космосе являются большими кругами, такими же большими кругами обязательно будут и меридианы на Земле. И поскольку таков солнечный круг между Сиеной и Александрией, то и путь между ними на Земле с необходимостью идет по большому кругу. Сиена лежит на круге летнего тропика. И если бы летнее солнцестояние в созвездии Рака происходило ровно в полдень, то солнечные часы в этот момент времени с необходимостью не отбрасывали бы тени, поскольку Солнце находилось бы точно в зените; дела обстоят таким образом в полосе шириной в 300 стадий. А в Александрии в этот же час солнечные часы отбрасывают тень, поскольку этот город лежит к северу от Сиены. Эти города лежат на одном меридиане и на большом круге.

На солнечных часах в Александрии проведем дугу, проходящую через конец тени гномона и основание гномона, и этот отрезок дуги произведет большой круг на чаше, поскольку чаша солнечных часов расположена на большом круге. Далее вообразим две прямые, опускающиеся под Землю от каждого гномона и встречающиеся в центре Земли. Солнечные часы в Сиене находятся отвесно под Солнцем, и воображаемая прямая проходит

от Солнца через вершину гномона солнечных часов, производя одну прямую от Солнца до центра Земли. Вообразим еще одну прямую, проведенную от конца тени гномона через вершину гномона к Солнцу на чаше в Александрии; и она будет параллельна уже названной прямой, поскольку уже сказано, что прямые от разных частей Солнца к разным частям Земли параллельны.

Прямая, проведенная от центра Земли к гномону в Александрии, образует с этими параллельными равные накрестлежащие углы. Один из них — с вершиной в центре Земли при встрече прямых, проведенных от солнечных часов к центру Земли, а другой — с вершиной на конце гномона в Александрии, при встрече с прямой, идущей от этого конца к концу его же тени от Солнца, там, где эти прямые встречаются наверху. Первый угол опирается на дугу от конца тени гномона до его основания, а второй — на дугу с центром в центре Земли, проведенную от Сиены до Александрии. Эти дуги подобны между собой, поскольку на них опираются равные углы. И какое отношение имеет дуга на чаше к своему кругу, такое же отношение имеет и дуга от Сиены до Александрии к своему кругу. Но найдено, что на чаше она составляет пятидесятую часть своего круга. Поэтому и расстояние от Сиены до Александрии с необходимостью будет составлять пятидесятую часть большого круга Земли. Но оно равно 5000 стадий. Поэтому весь круг будет равен 250000 стадий.

Примечания:

1. Эратосфен знал, что в городе Сиене в полдень 21-го или 22-го июня, в момент летнего солнцестояния, солнечные лучи освещают дно самых глубоких колодцев, то есть в это время солнце располагается строго по вертикали над Сиеной, а не под углом (ныне город Сиена называется Асуан).
2. Эратосфен знал, что Александрия находится севернее Асуана примерно на той же долготе.

3. В день летнего солнцестояния он, находясь в Александрии, по длине теней установил, что угол падения солнечных лучей равен $7,2^\circ$, то есть Солнце отстоит от зенита на эту величину. В круге 360° Эратосфен разделил 360 на 7,2 и получил 50. Таким образом, он установил, что расстояние между Сиеной и Александрией равно одной пятидесятой окружности Земли.
4. Затем Эратосфен определил фактическое расстояние между Сиеной и Александрией. В те времена это было непросто сделать. Тогда люди передвигались на верблюдах. Длину пройденного пути измеряли в стадиях. Караван верблюдов обычно проходил около 100 стадий в день. Путешествие из Сиены в Александрию занимало 50 дней. Значит, определить расстояние между двумя городами можно следующим образом: $100 \text{ стадий} \times 50 \text{ дней} = 5000 \text{ стадий}$.
5. Поскольку расстояние в 5000 стадий равняется, как заключил Эратосфен, одной пятидесятой окружности Земли, следовательно, длину всей окружности можно вычислить следующим образом: $5000 \text{ стадий} \times 50 = 250\,000 \text{ стадий}$.
6. Длину стадии сейчас определяют по-разному; согласно одному из вариантов, стадия равна 157 м. Таким образом, длина окружности Земли равняется $250\,000 \text{ стадий} \times 157 \text{ м} = 39\,250\,000 \text{ м}$.
7. Чтобы перевести метры в километры, нужно разделить полученное значение на 1000. Окончательный ответ — 39 250 км. Согласно современным вычислениям, длина окружности земного шара равна 40 008 км.

Эратосфен — отец географии // Интернет-проект «География». Режим доступа: <http://www.geografia.ru/eratosfen.htm>.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД ПОСТЕПЕННОГО УПАДКА АНТИЧНОЙ НАУКИ (I–V вв. н. э.)

Наблюдалось усиление регрессивных тенденций, связанных с ростом иррационализма и распространением оккультных дисциплин. Развивалось мистически-интуитивное познание высшего. Утверждалось религиозное христианское мировоззрение. Происходила подмена науки натурфилософией. Однако именно к этому времени относятся работы древнегреческого ученого Клавдия Птолемея, древнегреческого математика Диофанта Александрийского, древнеримского врача Галена и др., которые были проявлением высшего достижения античной науки. Основные научно-философские школы: неоплатонизм, скептики, эклектики.

АВИЕН РУФИЙ ФЕСТ (Avienus Ruf(i)us Festus, 2-я пол. IV в. н. э.)

Латинский поэт, написавший труды «О небесных явлениях» и «Описание морского побережья» (от Бретани до Понта Эвксинского). Сохранилось 700 строк, относящихся к атлантическому побережью Галлии и Испании. Британия была известна Авиену под названием Альбион.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН (*Aurelius Augustinus*, 354–430 гг. н.э.)

Епископ Гиппонский, философ, влиятельнейший проповедник, христианский богослов и политик. Святой католической и православной церквей. Один из Отцов Церкви, основатель августинизма. Родоначальник христианской философии истории. Некоторая часть сведений об Августине восходит к его автобиографической «Исповеди» («*Confessiones*»). Его самый известный теологический и философский труд — «О граде Божием». Через манихейство, скептицизм и неоплатонизм пришел к христианству, учение которого о грехопадении и помиловании произвело на него сильное впечатление. В частности, он защищает (против Пелагия) учение о предопределении: человеку заранее предопределено Богом блаженство или проклятие. Человеческая история, которую Августин излагает в своей книге «О граде Божием», «первой мировой истории», в его понимании есть борьба двух враждебных царств — царства приверженцев всего земного, врагов божьих, то есть светского мира (*civitas terrena* или *diaboli*), и царства Божия (*civitas dei*). При этом он отождествляет Царство Божие в соответствии с его земной формой существования с римской церковью. Августин учит о самодостоверности человеческого сознания (основа достоверности есть Бог) и познавательной силе любви. При сотворении мира Бог заложил в материальный мир в зародыше формы всех вещей, из которых они затем самостоятельно развиваются.

Первый этап творчества (386–395 гг.) характеризуется влиянием античной (преимущественно неоплатонической) догматики; отвлеченностью и высоким статусом рационального. Написаны философские «диалоги»: «Против академиков», «О порядке», «Монологи», «О жизни блаженной», «О количестве души», «Об учителе», «О музыке», «О бессмертии души»,

«Об истинной религии», «О свободной воле» или «О свободном решении»; цикл антиманихейских трактатов. Второй этап творчества (395–410 гг.) характеризуется преобладанием экзегетической и религиозно-церковной проблематики: «О книге Бытия», цикл толкований к посланиям апостола Павла, моральные трактаты и «Исповедь», антидонатистские трактаты. Третий этап творчества (410–430 гг.) посвящен вопросам о сотворении мира и проблемам эсхатологии: цикл антипелагианских трактатов и «О граде Божьем»; критический обзор собственных сочинений в «Пересмотрах».

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

АВРЕЛИЙ ВИКТОР СЕКТ (Sextus Aurelius Victor, IV в. н.э.)

Римский историк. Под именем Аврелия сохранилось историческое сочинение, состоящее из трех частей: «Происхождение римского народа», «О знаменитых людях города Рима» и «Цезари». Его труд «О знаменитых людях...», несмотря на краткость, имеет большую историческую ценность.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ (Alexandros ho Afrodiseius, конец II — начало III вв. н.э.)

Древнегреческий философ перипатетической школы. Комментатор Аристотеля. Тексты Александра можно разделить на две основные группы: комментарии и трактаты. Изданы

сохранившиеся комментарии к «Метафизике», «Первой Аналитике», «Топике», «О чувственном восприятии», «Метеорологике»; комментарии к «Опровержениям софистов». Из утерянных наиболее значительны были комментарии к «Физике», «О небе», «О возникновении и уничтожении» и «О душе» (известны по цитатам у Симпликия и Иоанна Филопона). Комментаторская стратегия Александра в целом такова: он разбирает текст Аристотеля построчно и в случае необходимости прибегает к разъясняющему парафразу, обсуждает рукописные разночтения, приводит мнения более ранних комментаторов, толкует смысл отдельных терминов с помощью других текстов Стагирита, исходя из представления об аристотелевском учении как едином целом.

Подлинными считаются трактаты: «О душе», «О судьбе», «О смешении и росте», а также сборники отдельных рассуждений «Апории и решения» и «Этические проблемы». В трактатах Александр много внимания уделяет полемике. В трактате «О судьбе» выступает в защиту свободы воли против стоического фатализма. В трактате «О смешении» критикует учение стоиков о всецелом смешении. Другой особенностью авторских сочинений является то, что в них Александр часто представляет перипатетическую точку зрения на вопросы, самим Аристотелем не обсуждавшиеся. Трактат «О душе» издан вместе с дополнительной книгой (так называемой *mantissa*), традиционно приписываемой Александру. Из тематически неоднородных рассуждений, собранных в ней, наиболее важна и впоследствии наиболее влиятельна интерпретация аристотелевского учения об уме. Ум понимается Александром трояко: 1) материальный, или потенциальный; 2) способный мыслить; 3) творческий, или деятельный, или «приходящий извне» — этот третий ум отождествлен Александром с божественным Умом из «Метафизики» и резко отграничивается от первых двух умов, связанных с человеческим мышлением.

Солопова М. А. Александр Афродисийский // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М., 2008.

АЛЕКСАНДР ТРАЛЛЬСКИЙ (*Alexander Trallianus*, 525–605 гг. н.э.)

Древнегреческий врач, практиковавший в Риме. Его перу принадлежат несколько трактатов преимущественно о внутренних и глазных болезнях. В лечении применял магические средства. Семья Александра, по-видимому, знала навигатора и исследователя Козьму Индикоплова — об этом факте может свидетельствовать то, что Александр включил дальневосточные лекарства в свою 12-томную медицинскую энциклопедию.

В своих писаниях Александр показывает гуманный и исполненный энтузиазма подход к медицине, а также непрерывно приспособляющуюся к новым знаниям восприимчивость к деятельной практике и терапии. Эти качества позволяют историкам медицины называть Александра «самым современным» из византийских врачей, несмотря на то, что он с готовностью прописывает амулеты и другие магические средства для исцеления болезней.

В сравнении с Аэцием из Амиды Александр более озабочен не медицинской теорией, а вопросами практического применения лекарственных препаратов. Александр также по праву знаменит своим «Посланием о кишечных червях», в котором отражается точность и проницательность в его наблюдениях симптомов и описаниях историй болезни. В его медицинских сочинениях содержится хороший очерк офтальмологии, простудного заболевания, которое мы называем ангиной, легочных заболеваний и плеврита, болезней почек и мочевого пузыря и подагры. Александр знал сочинения Галена и других античных авторитетов в области медицины, однако предпочтение отдавал своей собственной медицинской практике. Он

адаптировал данные, полученные из письменных источников, и иллюстрировал их собственными наблюдениями и фармацевтическими рецептами, которые по его представлению помогали от тех или иных болезней.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН (*Ammianus Marcellinus*, ок. 330–400 22. н. э.)

Римский историк, грек знатного происхождения из Антиохии, автор «Деяний» (сохранились книги XIV—XXXI, всего их 31). Основной сюжет сохранившейся части «Деяний»: описание жестокости Галла, племянника императора Константина I; война Юлиана с аламаннами; его действия в Галлии и Германии, борьба Юлиана с персами и его смерть, правление Иовиана; правление императоров Валентиниана, Валента и Грациана. В труд Марцеллина вплетены фрагменты географического, социального, философско-религиозного и физико-математического содержания, о жизни в Риме и об испорченности нравов знати и простого народа, о способах узнавать будущее и о землетрясении. Метод Марцеллина — аналитический. Свое писательское кредо он высказал следующими словами: «Историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не бывшее»; склонялся к монархизму, по убеждениям был римским патриотом. К Риму относился с благоговением, к его врагам — с презрением, оправдывая их уничтожение. Особенностью является его глубокое уважение к образованию.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ВИТРУВИЙ ПОЛЛИОН (*Marcus Pollio Vitruvius*, ок. 70–20 гг. до н.э.)

Древнеримский архитектор, инженер и теоретик архитектуры. Известен как автор «Десяти книг об архитектуре» — единственного полностью дошедшего до нас античного архитектурного трактата. В своем трактате рассматривал градостроительные, инженерно-технические и художественные вопросы, обобщал теоретический и практический опыт, накопленный зодчеством эллинистических Греции и Рима. Большую ценность имеют изложенные Витрувием представления о единстве технических, функциональных и эстетических аспектов архитектуры, требование «прочности, пользы и красоты» сооружений. Витрувий придает огромное значение месту расположения постройки и ее ориентации по сторонам света, акустике и соразмерности как планов зданий, так и фасадов, что свидетельствует о его познаниях в естественно-научных дисциплинах, математике, музыке, а также в философии. Он указывает, что архитектор должен разбираться в географии, климате, людях, ему необходимы сведения из области медицины, оптики, перспективы, акустики, механики, геометрии и других разделов математики, знание гармонии и астрономии.

Первая книга посвящена обучению архитекторов свободным искусствам, теории архитектуры и техническим навыкам, определению основных архитектурных принципов и понятий и выбору места для строительства городов и крепостей. Во второй книге содержатся практические указания по строительству и описания свойств различных материалов и способов их употребления. В третьей книге идет речь о планах храмов и о компонентах ионического ордера. Четвертая книга — о происхождении ордеров, о деталях коринфской капители, о дорическом и тосканском ордерах, о внутреннем пространстве здания.

В пятой книге описываются различные типы общественных построек: форум, базилика, сокровищница, тюрьма, здание сената, театр (имеется раздел по гармонии и акустике), термы, гимнасий, порт, верфи. В шестой книге речь идет о частных домах, городских и загородных с садами, для провинций с разным климатом и для представителей различных социальных групп. Седьмая книга посвящена оформлению интерьеров; главное внимание здесь уделяется техническим аспектам монументальной живописи и законам перспективы. В восьмой книге идет речь о водных ресурсах, способах проведения воды и проверки ее качества. Девятая книга посвящена геометрии, астрономии, устройству гномона, солнечных и водяных часов, других приборов. Десятая книга включает трактат рассуждениями об общих принципах механики, об устройстве различных механизмов, используемых в строительстве, гидротехнике и на войне.

Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. 1./пер. Ф.А. Петровского. М., 1936.

Лебедева Г.С. Новейший комментарий к трактату Витрувия «Десять книг об архитектуре». М.: Едиториал УРСС. 2003.

Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. М., 1967.

Фрагменты из произведения Витрувия «Десять книг об архитектуре»

Книга Первая. Глава III. Отделы архитектуры

1. Отделов самой архитектуры три: зодчество, гномоника и механика. Зодчество, в свою очередь, разделяется на два отдела, из которых один — это возведение городских стен и общественных зданий в публичных местах, другой — устройство частных домов. Общественные здания бывают трех родов: одни служат для защиты, другие для религии, а третьи для бла-

гоустройства. К защите относится устройство стен, башен и ворот, имеющее целью постоянно отражать нападения неприятелей; к религии — возведение святилищ и храмов бессмертным богам; к благоустройству — постройка для нужд населения общественных мест: гаваней, рынков, портиков, бань, театров, мест для гулянья и всего того, что устраивают для подобных же целей в общественных местах.

2. Все это должно делать, принимая во внимание прочность, пользу и красоту. Прочность достигается заглублением фундамента до материка, тщательным отбором всего материала и несккупым его расхождением, польза же — безошибочным и беспрепятственным для использования расположением помещений и подходящим и удобным распределением их по сторонам света в зависимости от назначения каждого; а красота — приятным и нарядным видом сооружения и тем, что соотношения его членов соответствуют должным правилам соразмерности.

Книга Шестая. Глава IV. Правильное расположение помещений

1. Теперь мы объясним, как следует располагать разного рода помещения и в смысле их назначения, и по отношению к сторонам света. Зимние столовые должны выходить на зимний закат, потому что в них приходится пользоваться вечерним светом, а кроме того, заходящее солнце, направляя прямо в них свой блеск при ослабевшем зное вечернею порою, мягко нагревает эту сторону. Спальни и библиотеки должны выходить на восток, потому что назначение их требует утреннего света, а также для того, чтобы в них не портились книги. Ибо в библиотеках, выходящих на юг и на запад, в книгах заводятся черви и сырость, так как их порождают и питают доносящиеся сюда сырые ветры и, наполняя свитки сырым дуновением, покрывают их плесенью.

2. Весенние и осенние столовые — на восток, потому что, когда они обращены окнами на эту сторону, проходя по своему

пути к западу, солнце нагревает их умеренно к тому времени, когда ими принято пользоваться. Летние столовые — на север, так как эта сторона, когда во время солнцестояния остальные во время зноя делаются жаркими, благодаря тому, что она не обращена к солнечному пути, всегда бывает прохладна и при пользовании ею способствует и здоровью, и удовольствию. Это же относится к картинным галереям и вышивальням, а равно и к мастерским живописцев для того, чтобы при работе, благодаря постоянству освещения, краски их не меняли своих оттенков.

Глава V. Расположение домов сообразно потребностям хозяев

1. После расположения помещений по сторонам света надо перейти к рассмотрению тех правил, на основании которых в частных домах следует строить личные комнаты для домохозяев, а также общие для них и для посторонних. Ибо в личные комнаты нельзя входить всем, а только приглашенным; таковы спальни, столовые, бани и другие подобного же назначения покои. Общие же — это те, куда имеют право входить любые люди, даже и незванные, то есть вестибулы, кавэдиумы, перистили и другие, могущие служить для подобных же целей. Поэтому людям среднего состояния нет нужды ни в великолепных вестибулах, ни в таблинумах и атриумах, так как они сами ходят к другим для оказания услуг, а не к ним ходят другие.

2. У тех, кто ведет торговлю сельскохозяйственными припасами, в вестибулах должно делать стойла и лавки, а в домах — подвалы, амбары, кладовые и прочие помещения, служащие больше для хранения припасов, чем для изящества и красоты. У ростовщиков и откупщиков дома должны быть удобными, видными и защищенными от грабежа; у судебных деятелей и ораторов они должны быть изящными и просторными для собраний и приемов; а людям знатным, которые, занимая почетные и государственные должности, должны оказывать услу-

ги гражданам, следует делать царственные вестибулы, высокие атриумы и обширнейшие перистили, сады и аллеи, разбитые с подобающим великолепием; кроме того, их библиотеки, картинные галереи и базилики должны сооружаться с пышностью, не уступающей общественным постройкам, потому что в их домах часто происходят и государственные совещания, и частные суды, и разбирательства.

3. Итак, если дома будут расположены по эти правилам соответственно положению отдельных лиц, как указано в первой книге по поводу благообразия, то не к чему будет придаться: устройство их будет удобным и безукоризненным для всякого рода целей. Такие правила применимы не только к городским, но и к сельским постройкам, кроме того, что в городе атриумы находятся прямо у входных дверей, а в деревне, в домах, построенных по городскому образцу, сначала идут перистили, а потом уже атриумы с окружающими их вымощенными портиками, выходящими на палестры и аллеи.

Книга Седьмая. Глава III. Сводчатые потолки и штукатурные работы

1. Когда потребуется сделать сводчатые потолки, надо поступать так. На промежутках не свыше двух футов горизонтально ставят кружала, по преимуществу кипарисовые, так как еловые скоро подгнивают и недолговечны. Эти кружала располагают по линии окружности и посредством дощатых связей прибивают к настилам или же к крыше часто забитыми железными гвоздями. Связи эти делаются из такого леса, какому не может повредить ни гниль, ни ветхость, ни сырость, то есть из букса, можжевельника, оливы, обыкновенного дуба, кипариса и тому подобного леса, кроме летнего дуба, так как он коробится и дает трещины в тех изделиях, куда он входит.

2. По расположении кружал к ним, соответственно требуемым очертаниям, привязывают лыком из испанской лозы

расплющенный греческий тростник. По мере хода работ свод сверху тут же обмазывают раствором из смеси извести и песка для задержки всяких капель, падающих с настилов или крыши. При недостатке же греческого тростника берется тонкий болотный, волокна которого одинаковой толщины связывают вместе и выравнивают до надлежащей длины так, чтобы между двумя узлами было не более двух футов. Эти связки привязывают лыком к кружалам, как описано выше, и прибивают деревянными колышками. Все остальное делается так, как описано выше.

3. После выкладки и распалубки сводов поверхность их снизу грубо оштукатуривают, затем выравнивают песчаным раствором, а потом отделывают мелом или мраморным порошком. По окончании отделки сводов их обводят карнизами, которые, очевидно, должны делаться как можно тоньше и легче: потому что, если они будут громоздкими, они обвиснут от тяжести и не смогут держаться. В них никоим образом не следует примешивать гипса, но выделять их в один прием из толченого мрамора из-за того, что гипс, быстро застывая, мешает равномерному высыханию всей работы. Точно так же надо остерегаться располагать карнизы сводов по способу древних, потому что свесы их карнизов из-за своей большой тяжести очень опасны.

4. Профили карнизов бывают либо гладкими, либо резными. В комнатах, где горит огонь или расставляют много светильников, их должно делать гладкими, чтобы их легче было обтирать; в летних же помещениях и в экседрах, где совсем нет дыма и где они не могут закоптиться, их надо делать резными. Ведь штук из-за своей ослепительной белизны впитывает дым не только из собственных, но и из чужих домов.

5. По окончании карнизов надо покрыть стены самым грубым наметом, а затем, когда он подсохнет, покрыть их слоями песочного раствора, совершенно точно затирая их в длину —

по линейке и шнуру, в вышину — по отвесу, а в углах — по угольнику; ибо таким образом штукатурка будет иметь безукоризненную поверхность для живописи. Когда первый слой подсохнет, накладывают второй и третий. Таким образом, чем основательнее будет затирка из песочного раствора, тем прочнее и долговечнее будет штукатурка.

6. Когда, не считая намета, будет наложено по меньшей мере три слоя раствора с песком, то для дальнейших слоев готовят раствор для затирки из крупнотолченого мрамора, причем он должен быть доведен до такого состояния, чтобы при размешивании не приставал к лопаточке, но чтобы железо вынималось из него чистым. Когда этот крупнозернистый слой наложен и подсохнет, накладывают следующий, помельче; после же того, как этот хорошенько пристал и затерт, накладывают еще более тонкий. Тогда, раз стены будут плотно покрыты тремя слоями песчаной и столькими же мраморной штукатурки, они не смогут подвергнуться ни растрескиванию, ни какой-либо другой порче.

Глава VIII. Способы кладки

1. Способы каменной кладки следующие: кладка сетчатая, которая теперь во всеобщем употреблении, и древняя, называемая кладкой неправильной. Из них красивее сетчатая, но она легче дает трещины из-за того, что неперевязанные постели и швы камней расходятся во все стороны. А при кладке неправильной камни, перекрывая друг друга и заходя один за другой, придают ей хотя и не очень приятный вид, но зато большую прочность, чем при сетчатой.

2. Обе эти кладки надо выводить из очень мелких камней, чтобы стены, пропитавшись как можно больше раствором из известки и песка, держались дольше. Ибо когда камни состоят из вещества мягкого и пористого, то они высушивают раствор, высасывая из него сок; при преобладании же и обилии

известки и песка, стена, имея больше влаги, скоро ослабнет, но будет ими держаться. А как только влажность будет вытянута из раствора пористостью камня и известка начнет отделяться от песка и распадаться, то и камень перестает прилипать к ним, а стена от этого приходит в ветхость и рушится.

3. В этом можно убедиться также и по некоторым памятникам под Римом, сделанным из мрамора или тесаных камней, а во внутреннем пространстве заполненных бутовой кладкой. Приходя в ветхость от того, что раствор в них ослабел, будучи вытянут пористостью камня, они обрушиваются и рассыпаются из-за разрушения швов и разошедшихся перевязей.

Глава X. Искусственные краски. Черная

1. Перейду теперь к тем веществам, которые обращаются в краски и получают их свойства посредством разного рода составов и обработки. И прежде всего я скажу о черной краске, чрезвычайно необходимой при работах, дабы было известно, каким образом она составляется путем определенных искусственных способов обработки.

2. А именно, строят помещение, вроде лаконской бани, и тщательно отделывают гладкой мраморной штукатуркой. Перед ним делают печь с выходами в эту лаконскую баню и с очень плотно закрывающейся топкой, чтобы из нее не выбивалось пламя. В печь кладут смолу, которую сила огня заставляет выделять через выходы в лаконскую баню сажу, оседающую по стенам и по своду потолка. Собираемая там, она частью идет на изготовление чернил, для чего ее соединяют с растертой камедью, остальное же маляры смешивают с клеем и употребляют при стенных работах.

3. Если же под рукой нет этих запасов, то по необходимости надо распорядиться так, чтобы не вышло задержки в работе, пока их дождутся, а именно: жечь виноградные лозы или смолистые щепки; когда они обратятся в уголья, затушить их,

а затем растереть в ступке вместе с клеем. Так получится очень недурная черная краска для росписи по штукатурке.

Глава XI. Лазурь. Жженая охра

1. Приготовление лазури было впервые изобретено в Александрии, а впоследствии ее начал изготавливать Весторий в Путолах. Способ ее получения довольно замечателен. Растирают песок с селитряным цветом настолько тонко, что он превращается как бы в муку; ее посыпают опилками кипрской меди, содранными грубыми напильниками, для получения теста, которое затем скатывают руками в катышки и лепят их для сушки; после того как они высохнут, их складывают в глиняный горшок, а горшки ставят в печь; когда же медь и песок, нагревшись от сильного огня, сплотятся, то, взаимно друг в друга испаряясь, они утрачивают природные свойства и, потеряв свои качества под действием силы огня, достигают лазоревого цвета.

2. Жженую же охру, очень полезную в штукатурных работах, составляют так: ком хорошей охры разогревают на огне до накала и затем гасят в уксусе, после чего она становится пурпурного цвета.

3. Теперь уместно будет сказать о том, как приготавливаются белила и ярь-медянка, называемая у нас эрука. На Родосе складывают в глиняные бочки виноградные лозы и, залив их уксусом, покрывают кусками свинца, а затем плотно закупоривают бочки крышками, чтобы уксус не выдыхался. Открывая их по прошествии известного времени, обнаруживают белила вместо кусков свинца. Кладя таким же образом медные листы, делают ярь-медянку, называемую эрука.

Глава XIII. Багрец

1. Теперь я буду говорить о багреце, превосходящем все упомянутые выше краски драгоценнейшим и превосходнейшим, и приятным цветом. Его добывают из морской улитки, из кото-

рой делается пурпур, вызывающий не меньше изумления, чем остальные явления природы, так как цвет у него неоднороден во всех местах, где он находится, но принимает естественным путем различные оттенки в зависимости от солнечного пути.

2. Когда наберут таких улиток, их обрезают кругом железным инструментом, и как бы слезающую из этих срезов пурпурную жидкость стряхивают в ступки, где ее и обрабатывают растираниями. И так как она добывается из скорлупы морских раковин-багрянок, то и называется багрецом. Но из-за своей солености она быстро ссыхается, если ее не держать в меду.

Книга Десятая. Глава VII. Насос Ктесибия

1. Теперь следует сказать о водоподъемной машине Ктесибия. Ее делают из меди. В ее основании на небольшом расстоянии друг от друга ставят парные цилиндры с трубками, соединяющимися наподобие вилки и сходящимися в сосуд, помещенный посередине. В этом сосуде в верхних соплах трубок делают точно пригнанные клапаны; они, закрывая отверстия сопел, не дают вернуться тому, что было выжато в сосуд вдуванием.

2. Сверху сосуда пригнан колпачок в виде опрокинутой воронки, соединенный с сосудом штырем с пропущенным в нее шплинтом, чтобы сила вдуваемой воды не заставила колпачок подняться. Над этим колпачком приложена торчащая кверху трубка, называемая тубой. У цилиндров же, ниже нижних сопел трубок, имеются клапаны, вложенные сверху отверстий, находящихся в их дне.

3. Таким образом, когда гладко выточенные на токарном станке поршни, смазанные маслом и вставленные в цилиндры, приводятся сверху в движение стержнями и рычагами, то они при закрывании клапанами отверстий сдвигают находящийся в цилиндрах воздух с водой и толкают воду, вдувая ее давлением через сопла трубок в сосуд, откуда приемный колпачок

выдувает ее вверх по трубке, и таким образом вода подается из водоема, стоящего на более низком уровне, в водометы.

4. Однако это — единственный прибор, изобретение которого приписывают Ктесибии, но показывают еще многие и разнородные приборы, действие которых взято им у природы и которые работают посредством давления на воду и сжимания воздуха; сюда относятся: поющие дрозды, акробаты, пьющие и движущиеся фигурки и прочие забавы, услаждающие чувства зрения и слуха.

Витрувий. Десять книг об архитектуре/пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936.

ГАЛЕН КЛАВДИЙ (Claudius Galenus, 129–210 гг. н.э.)

Древнеримский врач и философ. Гален проводил опыты над животными, благодаря чему приобрел знания по анатомии, физиологии и патологии; высоко ценил философию, требовал знания ее от врача. Его адаптация гиппократовского учения о четырех жидкостях, использование учений Платона, Аристотеля и стоиков и создание на их основе всеобъемлющей медицинской теории обусловили его значение в качестве базового источника для всех византийских медиков, начиная с Орибазия и до Иоанна Актуария. Сохранившиеся части корпуса его сочинений представляют собой пример сопоставления основных элементов медицины Галена с современной автору медицинской практикой. К XIII–XIV вв. Гален стал бесспорным авторитетом в области медицины для греческих, латинских и арабских авторов. Квазимонотеизм его философской системы (в особенности ясный в таких трудах, как «Об использовании частей тела») позволил с легкостью адаптировать его позицию к христианским и исламским канонам.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Цитаты из произведений Галена

Вставайте из-за стола слегка голодными, и вы будете всегда здоровы.

Кто хочет созерцать создания природы, не должен доверять сочинениям по анатомии, но должен полагаться на свои глаза, занимаясь анатомированием из любви к науке.

Хороший врач должен быть философом.

Мне часто приходилось водить рукой хирургов, мало изощренных в анатомии, и тем спасти их от публичного позора.

Без нерва нет ни одной части тела, ни одного движения, называемого произвольным, ни единого чувства.

Тысячи и тысячи раз я возвращал здоровье своим больным посредством физических упражнений.

Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела / пер. С. П. Кондратьева; под ред. и с прим. В. Н. Терновского. М., 1971.

Гален // Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гален>.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ (Dioge'nes Laertii, 1-я пол. III в. н.э.)

Древнегреческий историк философии, автор сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в 10 книгах. Структура сочинения Диогена определяется разделением всех философских школ на две цепочки «преемствований»: «ионийскую» (от Анаксимандра до стоицизма, книги II–VII) и «италийскую» (от Пифагора до Эпикура, кни-

ги VIII–X), из этой схемы выпадают Гераклит и Ксенофан (книга IX, главы 1–2), которые оказываются «спорадическими» философами. Сведения, собранные Диогеном в его истории, часто и обильно перемежаются историческими анекдотами. Достаточно адекватно представлены у Диогена биографии Пифагора, Эмпедокла, Платона, Аристотеля и стоиков, в десятой книге приведены аутентичные письма и фрагменты Эпикура, что делает ее ценнейшим источником по истории эпикуреизма. Противоположный и далекий от историко-философской доброкачественности полюс сочинения Диогена составляет биография Гераклита, подложные письма досократиков, изложение философских учений Платона и Аристотеля. В своем труде Диоген компилятивно использовал предшествующую историко-философскую литературу. К тексту его истории следует подходить не как к учебнику по античной философии, а как к античному историко-философскому источнику, своеобразно отражающему опыт и методы античной доксографической литературы.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова М.: Мысль, 1986.

ДИОФАНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (*Diophantos*, 325–409 гг.)

Древнегреческий математик из Александрии. Сохранилась часть его математического трактата «Арифметика» (6 книг из 13), где дается решение задач, в большинстве приводящихся к неопределенным уравнениям до 4-й степени (диофантовы уравнения). Решение ищется в рациональных положительных числах (отрицательных чисел у Диофанта нет). Для обозначения неизвестного и его степеней, знака равенства он употреблял сокращенную запись слов. Диофант искусно решал алгебраические и теоретико-чи-

словые задачи, не давая общих методов решения. Сочинения Диофанта явились отправной точкой для исследований П. Ферма, Л. Эйлера, К. Гаусса и др. Он составил арифметику целых и дробных чисел и трактат о многоугольных числах. Им введен в математику неопределенный анализ. Трактат Диофанта «О многоугольных числах» сохранился не полностью; в сохранившейся части методами геометрической алгебры выводится ряд вспомогательных теорем. Из сочинений Диофанта «Об измерении поверхностей» и «Об умножении» также сохранились лишь отрывки. Книга Диофанта «Поризмы» известна только по нескольким теоремам, используемым в Арифметике.

Кольман Э. История математики в древности. М., 1961.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ТИТ ФЛАВИЙ (*Clement Alexandrinus*, 150 — ок. 215 г. н.э.)

Христианский теолог и писатель. Обратившись из философа-стоика в христианина, основал в Александрии около 180 г. Катехизисную школу. Религиозный идеал Климента Александрийского сохраняет черты античного философского гуманизма; трактаты «Увещание к эллинам» и «Педагог», продолжающие жанровую традицию популярно-философской литературы, интерпретируют христианство как просветительское учение, ниспровергающее языческие суеверия, освобождающее от страха и дарующее внутреннюю независимость. Гимн Христу, которым завершается «Педагог», — одно из первых произведений христианской поэзии. Огромная начитанность Климента Александрийского проявилась в собрании набросков, объединенных под заглавием «Строматы» («Ковер

из лоскутков»). Климент Александрийский высоко ставил роль разума в осмыслении веры и полемизировал с теми, кто, прикрываясь благочестием, проповедует невежество.

В сочинении «Какой богатый спасется?» автор развивает мысль, что не само богатство является причиной гибели души, а привязанность к нему; употребляемое во благо, оно может служить ко спасению. В целом представленный Климентом Александрийским тип христианства не нашел себе места в средневековой мысли и ожил лишь в философии так называемого христианского гуманизма в эпоху Возрождения (Эразм Роттердамский, Томас Мор).

Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1–3. М., 1993–1995.

Афонасин Е. В. Философия Климента Александрийского. Новосибирск, 1997.

Фрагменты из книги Климента Александрийского «Строматы»

(5, 1) Необходимо, таким образом, чтобы каждый из них испытал себя: один — в том, достоин ли он того, чтобы его слова и сочинения сохранились в памяти потомства; другой же — надлежит ли ему слушать и читать все это. Дела здесь обстоят так же, как и во время евхаристии. Ведь обычно каждому предоставляется решать, надлежит ли ему принимать в ней участие или нет.

(5, 2) В любом случае положительный или отрицательный ответ каждому дает его совесть. А для чистой совести лучшей опорой является правая жизнь, подкрепленная подходящим учением. Лучший же путь к уразумению истинности учения достигается через следование другим, уже испытавшим его на деле.

(5, 3) «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против тела и крови Господней. Пусть человек сначала испытывает себя, и только затем пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей».

(12, 1) Уверен, что для моих читателей большую ценность составит не само мое сочинение, но именно те воспоминания, которые оно призвано сохранить. Мне кажется, что о такой душе, сохраняющей в неприкосновенности предание, сказано: «Любящий мудрость, радуется Отца».

(12, 2) Колодцы, из которых постоянно пьют, дают воду прозрачную, а вода тех, из которых никто не черпает, портится. Блеск сохраняет только используемое железо, оставленное же без употребления покрывается ржавчиной. Аналогично упражнения приносят здоровье телу и душе.

(12, 3) «Никто не зажигает светильник, чтобы поставить его под сосудом», но ставит его на подсвечнике для того, чтобы он светил всем, приглашенным на пир. Что пользы в мудрости, если она не умудряет того, кто способен внимать ей? Спаситель непрерывно трудится, спасая, поскольку видит, что и Отец его постоянно трудится. Уча других, мы учимся сами, беседуя с аудиторией, часто слушаем и сами. Но наставник един и для учителя, и для ученика, и он является подлинным источником ума и логоса.

(13, 1) Господь не запрещает нам творить добро даже в день субботний вопреки закону; и каждый, способный вместить, поэтому достоин принимать участие в божественных мистериях, равно как и в мистериях святого света.

(13, 2) Однако откровение это не было предназначено для толпы, но лишь для немногих, способных принять мистерии и запечатлеть смысл их в своем сердце. А невыразимое, как и сам Бог, доверяют логосу, а не письменному слову.

(13, 3) Если кто возразит, ссылаясь на слова Писания: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано», пусть он прислушается и к нашим словам, ведь в действительности здесь предсказывается, что хранящееся втайне таинственно откроется слушающим, а сокровенное, как истина, будет показано только тем, кто способен постичь сокры-

тое, поскольку утаенное от большинства достается в удел немногим. Если истина всем доступна, почему не все ее постигли?

(13, 4) Если праведность одна для всех, то почему ее не любят? Секреты распространяются втайне и изустно, а скорее даже не изустно, но запечатанными в разуме.

(13, 5) «Бог даровал» Церкви «одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых на дело служения для созидания тела Христова».

Климент Александрийский. Строматы. Книги 1–3. СПб., 2003.

ЛИБАНИЙ (*Libanius*, 314 — ок. 393 гг. н.э.)

Греческий философ и ритор. Сохранилось свыше 100 речей и более 1000 писем Либания, а также его «Автобиография». Исследователи разделяют речи Либания на две группы: 1) речи, являющиеся отголоском современных Либанию событий или касающиеся его профессиональных интересов; 2) так называемые декламации, т. е. речи о вымышленных ситуациях. Речи Либания чрезвычайно разнообразны, в основном они затрагивают государственные и общественные темы, например о мятеже солдат в антиохийской гавани (речь 19), о курии и налогах (речи 48–50), о пирах (речь 53) и др. Либаний был убежденным язычником и преклонялся перед античной культурой и религией.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ЛИВИЙ ТИТ (*Titus Livius*, 59 г. до н.э. — 17 г. н.э.)

Древнеримский историк. Автор «Римской истории от основания города», в которой погодно изложена вся история Рима

от легендарного основания города до 9 г. до н.э. Из 142 книг сохранилось 35 (описание событий до 293 г. до н.э. и 218–168 гг. до н.э.); содержание остальных книг известно по кратким изложениям и так называемым извлечениям позднейшего времени. Ливий не исследовал римскую историю, а излагал ее, некритически заимствуя материал у римских анналистов и эллинистических авторов, перенося в древность черты современного ему римского государственного строя. Ливий не скрывал намерения возвеличить Рим. По своим философским воззрениям он был близок к стоицизму. Ход исторических событий Ливий объяснял изменением морально-нравственных устоев общества. Быт и нравы древних римлян способствовали, по его мнению, созданию римского величия. «Римская история» написана риторично, пространным живописным стилем, со многими патетическими речами действующих лиц.

Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ЛУКРЕЦИЙ КАР ТИТ (*Titus Lucretius Catus*, ок. 96–55 гг. до н.э.)

Римский философ, поэт, современник последнего века Римской республики; перевел на язык латинской поэзии учение великого материалиста Греции Эпикура, который искал пути освобождения человечества от страха перед смертью и богами. Поэма Лукреция «О природе вещей» является единственным систематическим изложением эпикурейской

философии. Поэма Лукреция состоит из 6 книг; в книгах 1-й и 2-й излагается атомистическая теория мироздания и отвергается вмешательство богов в мирские дела; тема книги 3-й — учение о душе, ее материальности и смертности, связи ее с телом; в книге 4-й — учение о человеке и о чувственных восприятиях как основе знаний; в книге 5-й — космогония и история развития человеческого рода, а также происхождение языка.

Применение огня и образование семьи явились, по Лукрецию, первыми шагами на пути от первобытного, «дикого» состояния к формированию общества и культуры; этому особенно способствовало возникновение языка. Происхождение религии в книге 6-й объясняется тремя естественными причинами: являвшиеся в сновидениях фантастические образы прекрасных и могущественных существ становились предметом поклонения; явления природы, превосходящие человеческие силы, приписывались сверхъестественным существам; наконец, люди подвержены чувству страха. Особый интерес вызывает концепция возникновения и развития человечества, в которой нет места богам, а движущей силой прогресса объявлена «нужда», т. е. реальные потребности людей, развитие человеческого опыта и материальной культуры.

Лукреций систематически излагает учение о Вселенной, состоящей из бесконечного количества крошечных неделимых частиц (атомов) и бесконечного пустого пространства, через которое вечно падают эти частицы. Лукреций утверждает также, что атомы не обладают никакими качествами, кроме определенного размера и формы, а все прочие воспринимаемые нами свойства объектов (цвет, запах, тепло и т. д.) возникают в результате воздействия на человеческие органы чувств различных сочетаний атомов. Все, что образовано из атомов, в том числе земля и небо, человеческие ум и душа, подвержено разрушению, бессмертие души — измышление.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск : Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М. : Олимп : АСТ, 2000.

Фрагменты из произведения Тита Лукреция Кара «О природе вещей»

Всю, саму по себе, составляют природу две вещи,
Это, во-первых, тела, во-вторых же — пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно,
Что существуют тела — непосредственно в том убеждает
Здравый смысл, а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.
Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно.
Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,
Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастно
И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы.
Ибо наличное все непременно быть чем-нибудь должно,
Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;
Если же будет совсем недоступно оно осязанью
И не поставит преград прохождению любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.
Кроме того все то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,

Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.

Так что самой по себе средь вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разуменью была бы доступна.
Ибо все то, что мы можем назвать, то окажется свойством
Этих обоих начал иль явлением, как ты увидишь.
Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно.

Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятия деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явлениями можешь
Тела, а также и места, в котором все происходит.
Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Иль они состоят из стечения частиц изначальных.
Эти начала вещей ничему не под силу разрушить:
Плотностью тела своей они все, наконец, побеждают.
Правда, представить себе затруднительно то, что возможно
Что-нибудь в мире найти с безусловною плотностью тела:
Даже сквозь стены домов проникают небесные молнии,
Как голоса или крик; огонь раскаляет железо,
Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара,
Золото крепость свою теряет, в пылу расплавляясь,
Жидким становится лед побежденной пламенем меди,
Сквозь серебро и тепло, и пронзительный холод проходят.

Видимо, нет ничего, таким образом, плотного в мире.
Но коль и разум, а с ним и природа вещей принуждают
Думать иначе, то здесь мы в немногих стихах истолкуем,
Что существуют такие тела, что и плотны, и вечны:
Это — вещей семена и начала в учении нашем,

То, из чего получился весь мир, существующий ныне.
Прежде всего, раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, —
Именно, телом и местом, в котором все происходит, —
То существуют они непременно вполне самобытно.
Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.

Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.
Так как в производных вещах пустоту мы находим,
Плотное должно ее вещество окружать непременно;
Да и нельзя допустить на основе разумной, чтоб вещи
В теле своем пустоту, сокровенно тая, содержали,
Ежели плотность того отрицать, что ее заключает.
Далее: только одно вещества сочетание может
Быть в состоянии в себе заключать пустое пространство;
И потому вещество, состоя из плотного тела,
Может быть вечным, хотя разлагается все остальное.
Далее, если б нигде никакой пустоты не встречалось,
Плотным являлось бы все; и напротив, коль тел бы известных
Не было, чтобы заполнить места, что они занимают,
Все б оказалось тогда и пустым, и порожним пространством.
Значит, везде пустота, очевидно, сменяется телом,
Ибо ни полностью нет совершенной нигде во вселенной,
Ни пустоты, а тела существуют известные только,
Что полнотой разграничить способны пустое пространство.
Эти тела ни от внешних толчков разлагаться не могут,
Ни изнутри чем-нибудь пораженные, врозь распадаться,
Ни от воздействия силы иной уничтожиться вовсе.

Без пустоты ведь ничто, очевидно, разбиться не может
Или же сломленным быть, или надвое быть рассеченным,

Или же влагу вбирать, а равно и пронзительный холод,
Или палящий огонь, от чего разрушаются вещи.
Так что, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем и скорей это все до конца уничтожить их может.
Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,
Из ничего бы тогда возрождалось и все, что мы видим.

Но, раз уж я доказал, что ничто созидаться не может
Из ничего и все то, что родилось, в ничто обращаться.
Каждому роду вещей для их разрастания и жизни,
Раз установлено, что, сообразно законам природы,
Могут они породить и чего совершенно не могут,
Раз перемен никаких не бывает, а все неизменно,
Так что и птицы всегда в своем оперении пестром
Пятна на теле хранят, присущие каждой породе,
То и материя вся должна пребывать неизменной
В теле отдельных пород. Ведь, если б могли изменяться
Первоначала вещей, подчиняясь каким-то причинам,
Было б неясно для нас и то совершенно, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
И не могли б столько раз повторяться в отдельных породах
Свойства природные, нрав и быт и движения предков.
Далее, так как есть предельная некая точка
Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой, еще подобные ей, по порядку

Сомкнутым строем сплетясь, образуют телесную сущность;
Так как самим по себе им быть невозможно, то, значит,
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
Но, не являясь притом скоплением отдельных частичек,
А отличаясь скорей вековечной своей простотою.
И ничего ни отторгнуть у них, ни уменьшить природа
Не допускает уже, семена для вещей сберегая.
Если не будет, затем, ничего наименьшего, будет
Из бесконечных частей состоять и мельчайшее тело:
У половины всегда найдется своя половина,
И для деленья нигде не окажется вовсе предела.

Но продолжаю я нить своего рассуждения снова.
Всю, самое по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же — пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.
Что существуют тела — непосредственно в том убеждает
Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.
Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,
Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастие
И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы.
Ибо наличное все непременно быть чем-нибудь должно,
Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанию оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;

Если же будет совсем недоступно оно осязанию
И не поставит преград прохождению любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.
Кроме того все то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство,
Так что самой по себе среди вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разумению была бы доступна.
Ибо все то, что мы можем назвать, то окажется *свойством*
Этих обоих начал иль *явлением*, как ты увидишь.
Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно
Без разрушения того, чему оно будет присуще:
Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность,
Тел ощущаемость всех и неоощутимость пустого.
Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,
Как и свобода, война и согласие, и все, что природу
При появлении своем иль уходе отнюдь не меняет,
Все это мы, как и должно, явлением здесь называем.
Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущению того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что впоследствии позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.
Также, когда говорят об увозе Тиндаровой дщери
Иль поражении Трои сынов на войне, то не должно
Думать, что сами собой существуют события эти,
Так как людей, при которых явления эти свершились,
Невозвратно уже унесло миновавшее время.
Ибо все то, что свершится, явленьем быть названо может

Иль поколений людских, или мест, где все это случится.
Если б, к тому ж, у вещей ни материи не было вовсе,
Ни пространства и места, в котором все происходит,
То никогда красотой Тиндариды раздутое пламя
Страсти любовной, в груди Александра Фригийца пылая,
Славных боев не зажгло бы на попрание брани свирепой
И никогда бы и конь деревянный тайком от троянцев
Ночью Пергама не сжег, извергнув грекорожденных.
Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явлениями можешь
Тела, а также и места, в котором все происходит.

*Кар Тит. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. Ре-
жим доступа: http://royallib.com/book/kar_tit/o_prirode_veshchey.html*

МАКРОБИЙ АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ (*Ambrosius Theodosius*
Macrobius, V в. н. э.)

Римский грамматик, платоник. Самая известная книга Макробия, «Сатурналии», написанная в жанре «пира мудрецов», представляет собой пеструю смесь литературных и философских разговоров, затрагивающих широкий спектр проблем. Среди прочего здесь говорится о римском календаре, мифах о Солнце, об умножении роскоши в Риме, о творчестве Вергилия (центральная тема всего сочинения), перед которым Макробий преклонялся, обсуждаются различные вопросы физики и медицины. Комментарий на Сон Сципиона (из VI книги «Государства» Цицерона) излагает учение неоплатоников о судьбе души в этом мире и после смерти. Трактат «О сходстве и различиях греческих и латинских глаголов» сохранился лишь в сокращенном пересказе Иоанна Скота Эриугены. Макробий

часто цитирует других авторов, благодаря нему до нас дошли многие бесценные отрывки из утраченных сочинений.

Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Макробий и Марциан Капелла — философствующие писатели поздней античности // Вопросы классической филологии. М., 1990. Вып. X.

МАНИЛИЙ МАРК (*Marcus Manilius*, начало I в.)

Римский поэт, астролог. Прославился незаконченной дидактической поэмой «Астрономика» в 5 песнях (4258 строк гекзаметра), посвященной астрономии и астрологии. В поэме описывается форма Земли и ее происхождение, четыре элемента, положение Земли во Вселенной, зодиак, созвездия Северного и Южного полушария и природа звезд. Что касается следствий из астрологии для нравственности, то Манилий говорит о власти богов, о том, что судьба и характер человека определены небесами, а сам человек лишен свободы воли. Манилий рассматривает человека как микрокосм и показывает связь знаков зодиака с созвездиями. Весь труд Манилия проникнут глубоким убеждением в существовании раз и навсегда установленного порядка Вселенной и в повсеместном присутствии божественного духа, определяющего судьбы людей. Небо является родителем человечества, а Земля — отражением небесного мира. Лишенный свободной воли человек вправе лишь вопрошать звезды о своей судьбе.

Свои познания в астрономии Манилий черпал из Посидония и Арата, автора «Явлений»; в области астрологии он, по видимому, следует Асклепиаду из Вифинии, который преподавал грамматику в Риме во времена Помпея. Манилий — стоик по своим убеждениям, хотя «Астрономика» обнаруживает заметное влияние поэмы Лукреция «О природе», в которой тот проникновенно проповедует эпикуреизм. В поэме Манилий

обнаруживает склонность к риторике, он неплохой версификатор и подчас ему удаются выразительные описания, но прозаическая тема не дает возможности блистать поэтическому мастерству. Поэтому «Астрономику», хотя она и входит в число классических произведений, читают очень редко.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

**Фрагменты из произведения Марка Манилия «Астрономика»
Книга Первая**

И, так как моя песнь спускается с неба и переходит к установлению законов судьбы на земле, я первым делом расскажу о природе и опишу облик мироздания. Считают, что мир не из чего не произошел, что у него нет исхода; он всегда был и будет без начала и конца. Может быть, первозданный хаос в муках дал рождение Вселенной; распавшись на элементы и разродившись, тьма исчезла в мрачном аду. Или мир образовался, когда, после многих веков пребывания в состоянии инертной безликости, распался на мельчайшие частицы, образовался почти из ничего и в ничто вернется когда-нибудь; или слепая, неживая материя дала жизнь Земле и небу; или мир создал огонь, сверкающее пламя, сотворившее очи Вселенной, живущее во всем сущем, рождающее в небе изгибы молний; или он создан влагой, без которой материя суха и жестка, влагой, уничтожающей даже разрушающий ее огонь; а может быть, не земля породила мир, не воздух, не влага: бог есть соединение свойств четырех элементов, они сформировали сферу мироздания и нет смысла в дальнейших изысканиях, ибо эти четыре элемента создали все из себя; ни холодное, ни горячее, ни твердое, ни летучее, ни влажное, ни сухое, образовав гармонию противоположностей, творческий союз, высвобождающий полностью созидательную силу и животворящие свойства

каждого элемента. Всегда останется непонятным уму, всегда будет вызывать споры то, что скрыто от нас и настолько превосходит разумение, божеское и человеческое. Однако все сходится в том, что события, следующие за актом творения, более понятны; каждому элементу отводится своя роль. Легкий огонь поднялся к верхним границам эфира и создал пламенные стены и звездную крышу природы. Ниже его опустились воздушные бризы, сам воздух заполнил пустую середину мира. На третьем месте оказались воды; они растеклись и образовали океан, так что вода своим дыханием рождала пар, питающий воздух, а тот, находясь ближе к звездам, своим дыханием поддерживал огонь. На самом дне оказалась земля, принявшая из-за своей тяжести форму шара; постепенно песок и глина осаждались вниз, а влага поднималась на поверхность; шаг за шагом твердь отделялась от влаги, формируя землю, текучие пески превратились в долины, горы медленно поднялись из глубин, и так родился круглый мир, омываемый со всех сторон океаном. Потому он стабилен, что все во Вселенной равно отделено от него, и, падая на него одинаково со всех сторон, не дает упасть ему, находящемуся внизу и в центре (так удары, наносимые изнутри, оказывая равное воздействие на стенки предмета, не сдвигают его с места).

Если бы Земля не висела свободно в центре мира, заходящие звезды не могли бы огибать ее снизу; Феб, сев, никогда не достиг бы восхода; Луна не продолжала бы свой путь под горизонтом; Люцифер не осветил бы небо в предутренний час после того, как Геспер на заходе дарил свет Олимпу. Но, так как земля не лежит на дне мира, а висит в его центре, небо свободно движется вокруг нее, опускаясь и поднимаясь. И я не могу поверить, что звезды являют взору свой восход лишь по воле случая, что мир так часто создается заново и заново каждый день рождается Феб; созвездия выглядят одинаково на протяжении веков; то же Солнце встает в той же части неба, Луна по тем же

законам изменяет яркость и форму, и природа следует путями, проложенными ей самой, и не ошибается; день кружит вокруг Земли, являя себя то тем странам, то этим, то там, то тут возвещая тот же час, и всегда рассвет отступает перед идущим к востоку, а закат — перед идущим к западу; и, как и Солнце, небо восходит и опускается.

Но то, что Земля свободно висит в пространстве, не должно удивлять тебя: само пространство свободно парит, не опираясь ни на какой фундамент, что ясно из его кругового движения: легкокрылый Феб летит свободно — это доказывает его путь; Луна и звезды плывут сквозь пустоту Вселенной, и Земля с легким воздухом, следуя тем же законам, висит в пространстве. Итак, Земля находится в центре, окруженная воздухом и равноудаленная от всех частей мира, не плоского, а имеющего форму сферы, везде одинаково восходящего и заходящего. Такова форма природы: мир в круговом движении сообщает и звездам такую же округлую форму; Солнце кругло и круглая Луна, как мы видим; она напрасно ищет света, когда косые лучи не падают на все ее шаровидное тело. Такова форма, сохраняющаяся всегда, у нее нет ни конца, ни начала, она везде подобна и равна себе самой. Так и Земля, подобно Вселенной, имеет форму шара и, будучи самым тяжелым из небесных тел, занимает абсолютно центральное место.

Не отовсюду с Земли видны все созвездия. Ты не увидишь блеск Канопуса, пока не прибудешь в Гелиакас, переплыв море; те же, кто живет под лучами этой звезды, зря будут искать в небе Медведиц: они обитают на нижней части земли, и ее округлость скрывает картину неба. Об этом свидетельствуешь ты, Луна, своим круглым ликом, когда вдруг среди ночи исчезаешь в тени, оставляя мир в потемках, не одновременно сеешь смущение по всей Земле, но сначала оплакивают твой свет жители восточных стран, затем те, что живут под серединой неба, затем жители заката сотрясают воздух шумом и гро-

мом. Но если бы Земля была плоской, ты вставала бы однажды сразу для всех и все сразу оплакивали бы исчезновение твоего света. Поскольку же поверхность Земли слегка округла, Делия является разным странам поочередно, одновременно вставая и садясь, потому что она движется по дугообразному пути, вздымающемуся и опадающему, и восхождение ее соединено с нисхождением, когда она поднимается над одним горизонтом, опускаясь за другой.

Повсюду на Земле обитают бесчисленные племена людей, животных и птиц. Одни живут на севере, другие — в южных странах, и у нас под ногами то, что они видят у себя над головой; округлость земли скрыта ее размерами, и любой путь есть одновременно путь наверх и вниз. И когда Солнце достигает нашего заката, там день пробуждает города от сна и свет призывает те земли к труду; мы же погружаемся в ночь и призываем сон. Море одновременно соединяет и разделяет эти миры.

Так великое здание Вселенной, основные ее элементы — воздух и огонь, земля и разливающиеся воды, части природы подвластны силе божественного духа. Священным жестом Бог приводит мир в согласие и правит согласно тайному принципу; он связывает все и вся в мире друг с другом, так что силы и свойства всех элементов складываются, преобразуются и проявляются в различных формах.

Манилий М. Астрономика / пер., вступ. статья и коммент. Е. М. Штарман. М.: Изд-во МГУ, 1993. Режим доступа: <http://astrovic.ru>.

ОРОЗИЙ ПАВЕЛ (*Orosius Paulus*, 1-я половина V в. н.э.)

Римский историк, писатель и священник, ученик Августина Блаженного. Основное сочинение Орозия — «История против язычников» — охватывает события с древнейших времен до 417 г. н.э.; цель труда — обличение язычников и еретиков.

Орозий доказывает, что христианство явилось спасением для человечества, а распад и падение Римской империи — расплата за содеянное в прошлом. Периодизацию всемирной истории он проводит по четырем царствам: Вавилонскому, Македонскому, Карфагенскому и Римскому. Труд Орозия представляет собой компиляцию из хроник Евсевия Кесарийского, Сульпиция Севера и римских языческих авторов. Большой интерес представляют те книги Орозия, где использованы не дошедшие до нас отрывки из сочинений Тита Ливия и Тацита, а также не известные по другим источникам сведения о Причерноморье II—I вв. до н. э.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ΠΑΠΠ ΑΛΕΞΑΝΔΡΗΣ (Папп Александрийский (Р'α'ρρoς, III в. н. э.)

Древнегреческий математик. Автор труда «Математическое собрание» в 8-ми книгах, из которых дошли до нас последние 6. Первые 2 книги были посвящены арифметике; 3–5-я — в основном геометрии; 6-я — астрономии; 7-я содержит комментарии к сочинениям Аполлония Пергского, в том числе «Коническим сечениям», и представляет собрание вспомогательных предложений, необходимых для решения задач на построение; 8-я посвящена механике, учению о центре тяжести и о наклонной плоскости и задаче приведения в движение данной тяжести данной силой с помощью зубчатых колес, находящихся в известных взаимных отношениях к диаметрам. Работая в Александрии, Папп имел доступ к книгам Александрийской библиотеки, где были собраны произведения выдающихся ученых и писателей. Папп известен также как автор комментария к знаменитому античному астрономическому

трактату «Великое построение» («Альмагест»), написанному Клавдием Птолемеем.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД (*Gaius Plinius Secundus*, 23–79 гг. н.э.)

Римский администратор и писатель-энциклопедист, погибший во время извержения Везувия, разрушившего Геркуланум и Помпеи. Из обширного наследия Плиния Старшего до нас дошла только его «Естественная история» в 37 томах. Это настоящая энциклопедия древности, включающая астрономию, физику, географию, ботанику, зоологию, антропологию, медицину, минералогию, металлургию, историю искусства. Написанию этого колоссального труда предшествовала не менее колоссальная подготовительная работа. По словам самого автора, он прочитал не менее 2 тыс. книг и сделал около 20 тыс. выписок. К этому Плиний добавил множество сведений, не известных его предшественникам. Несмотря на громадный охват знаний, «Естественная история» получилась у Плиния коллекцией бесчисленных данных, кое-как разделенных по отраслям знания, но очень слабо связанных между собой, критически не обработанных и не приведенных в какую-нибудь логическую систему. Труд Плиния отличает абсолютно некритическое отношение к источникам и отчетливо выраженный антропоцентризм.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведения Плиния Старшего «Естественная история»

Книга вторая

Шарообразная форма земли и ее положение в мировом пространстве. Шарообразная поверхность воды. Взаимосвязь суши и воды (гл. 64–66, 160–166). Земля — центр мира, доказательства этого — равноденствия и солнцестояния (гл. 69). Климатические пояса (гл. 70). Доказательства шарообразности земли из наблюдений над звездами (гл. 71).

Глава 64. 160. Относительно земли все придерживаются одинакового мнения. Мы называем ее кругом земным и отдаем себе отчет в том, что она представляет собой шар, имеющий два полюса. При большой высоте гор и плоскости равнин у нее форма несовершенного шара, но если противоположные точки соединить посредством окружности, то земля будет иметь вид правильного шара: это подсказывает нам и закон природы, но не по тем причинам, которые мы привели, рассказывая о небе. Ведь небо образует полуу вогнутость и со всех сторон покоится на земле, как на своей опоре: земля же, будучи твердой и плотной, возвышается подобно опухоли и выдается вовне. Мир стремится к своему центру, а земля выдается из центра; огромная ее масса принимает форму шара в результате постоянного вращения мира вокруг нее.

Глава 65. 161. Между научным и вульгарным мнениями большой спор: населяют ли люди землю со всех сторон, противоположны ли они друг другу, одинаковая ли для всех них высота неба, стоят ли они одинаково во всех точках на середине земли; вульгарное мнение вопрошает, почему люди, находящиеся на противоположных сторонах, не падают, словно нельзя тут же возразить, как это не удивляются тому, что не падаем мы. Возникает мысль, которую должна одобрить невежественная толпа: хотя земля неправильный шар и напоминает

по форме сосновую шишку, тем не менее она населена со всех сторон. Но что это значит по сравнению с другим чудом: ведь земля висит сама собой и не падает вместе с нами. Как будто может вызвать сомнение значение воздуха, окружающего мир, или будто земля может упасть, если природа сопротивляется и отказывает ей в необходимом для этого пространстве!

162. Ведь как место распространения огня только огонь, воды — только вода, воздуха — только воздух, так и место земли, сдерживаемой всем, только в ней самой. Удивительно, однако, как образуется форма шара при такой плоскости моря и равнин. Этой точки зрения придерживается один из самых ученых мужей, Дикеарх, который по приказу царей измерял высоты горы; он сообщал, что самая высокая из гор Пелион имеет 1250 шагов высоты, и сделал вывод, что высота ее относительно всей окружности земли ничтожна. Мне это предположение кажется неверным, потому что я хорошо знаю, что некоторые альпийские вершины поднимаются на большом протяжении не меньше чем на 50 000 шагов.

163. Но больше всего возражает вульгарное мнение против мысли о том, что поверхность водной массы тоже шарообразна. Однако в природе нет ничего более очевидного. Ведь свешивающиеся капли повсюду образуют небольшие шары; и в пыли, и на пушистых листьях они кажутся совершенно округлыми, а в наполненных чашах больше всего приподымается середина, что улавливается скорей разумом, чем зрением из-за нежности и мягкости, свойственной жидкости. И еще удивительнее, что при добавлении в полные чаши небольшого количества жидкости лишнее вытекает и, напротив, это не случается, когда добавляют твердые вещества весом даже до 20 денарий. Это явление объясняется тем, что жидкость подымается вверх и разливается, когда верхняя точка сильно выдается.

164. По той же самой причине с палуб кораблей не различается земля, видимая с верхушек корабельных мачт, и когда суд-

но уходит вдаль, то что-нибудь блестящее, привязанное на верхушку мачты, кажется постепенно удаляющимся и, наконец, совсем исчезает. И какую иную форму имеет океан, который мы считаем крайним, если он удерживается и не падает, хотя вне его нет никакой границы? Чудом само по себе является то, что край моря не падает, хотя океан закругляется. Греческие исследователи, к большой для себя радости и славе, доказывают, что так не могло бы быть, если бы моря были плоскими, то есть такими, какими они нам кажутся.

165. Ведь когда воды устремляются сверху вниз, а такова, несомненно, их природа, никто не сомневается, что они подымаются у берега настолько, насколько позволяет его высота; никаких сомнений не вызывает следующее положение: чем ниже находится какой-нибудь предмет, тем он ближе к центру земли, и все линии, которые проводятся от центра к ближайшим точкам воды, получаются короче, чем линии от начала водных пространств до конца моря; итак, все массы воды отовсюду направлены к центру и не падают потому, что опираются на все то, что находится под ними.

Глава 66. 166. Так как суша не может держаться без жидкости сама по себе и, наоборот, вода не может обойтись без поддержки суши, то следует предположить, что искусная природа устроила так, что они связаны взаимно: земля объемлет воду, а вода обтекает всю ее изнутри, снаружи, сверху; проникает, как в темницу, в ее недра и достигает даже горных вершин, где, гонимая воздухом и сжатая тяжестью земли, она бьет ключом, как будто из трубы, и настолько далека от опасности иссякнуть, что взлетает высоко вверх. Отсюда понятно, почему моря не увеличиваются за счет ежедневного притока стольких рек. Море, опоясав посередине землю, омывает весь земной шар, и можно не искать доказательств, но познать это на опыте.

Глава 69. 176. Земля находится в центре вселенной, что подтверждается весьма основательными доказательствами,

но главным образом — равенством дня и ночи в дни равноденствия; ведь если бы земля не была в центре, то дни не могли бы быть равными ночам. Это доказывается также при помощи диоптров и лучше всего тогда, когда во время равноденствия на одной и той же линии наблюдаются восход и заход; восход солнца в день летнего солнцестояния находится на той же линии, что и заход в день зимнего солнцестояния. Этого никоим образом не могло бы быть, если бы земля не находилась в центре мира.

Глава 70. 177. Три окружности, ограничивающие вышеупомянутые пояса, различаются по неравенству времени: южный тропик направлен на север и лежит в верхней для нас части зодиака, напротив, к другому полюсу обращен северный тропик, а посередине зодиака проходит экватор.

Глава 71. 178. Причина остальных удивительных для нас явлений заключена в форме самой земли, похожей на шар, и это доказывается так же, как шарообразная поверхность воды.

179. Эти явления лучше всего наблюдать во время морских путешествий, когда с одной стороны море подымается, с другой опускается и когда видно, как появляются, словно из моря, звезды, которые были скрыты выпуклостью земного шара. И ведь, как говорят некоторые, земля не приподымается на северном полюсе настолько, чтобы эти звезды были видимы со всех сторон; они кажутся высокими тем людям, которые находятся близко к полюсу, и низкими тем, которые далеко от него. Точно так же этот полюс кажется очень высоким жителям крайних точек земли. Для людей, перешедших на другую половину земли, подымаются другие звезды, и в то же время опускаются те, которые раньше были высоко. Этого не могло бы быть, если бы земля не имела формы шара.

Античная география. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. Режим доступа: <http://hbar.phys.msu.ru>.

ПЛОТИН (Plotinos, 204/205–270 гг. н. э.)

Греческий философ-платоник, основатель неоплатонизма. Труды Плотина собрал и разделил на шесть эннеад его ученик Порфирий. Плотин дополнил учение Платона идеями восточной мистики и сформировал теорию о всепроникающем духе, с которым философ может добиться экстатического единения, ведя аскетическую и созерцательную жизнь.

Идеи Плотина оказали влияние на Августина, а через него — на всю западную христианскую мысль. Через приписываемые Дионисию Ареопагиту «Ареопагитики» теория Плотина о непостижимости и невыразимости первоединого начала оказала влияние и на христианскую мысль Востока, дав исток мощного мистического течения так называемой негативной теологии. Эстетика Плотина оказала сильное влияние на философско-эстетические принципы Возрождения, позднее — на творчество Гете, Шеллинга.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведения Плотина «Эннеады»

О числах

Является ли множество отпадением от единого и безграничность — окончательным отпадением ввиду того, что оно — бесчисленное множество, а потому безграничность — дурное и мы — дурны, поскольку являемся множеством?

Действительно, всякое явление становится множественным, когда, бессильное оставаться в себе, разливается и растягивается в своем рассеянии; совершенно лишаясь при этом растекании единства, оно становится множеством, ибо одна часть уже не единится с другой частью.

Если же что-нибудь в своем растекании всегда остается пребывающим самым собой, то оно становится величиной.

Но что ужасного в величине? Было бы ужасно, если бы вещь ощущала себя как ушедшую от самой себя и распространяющуюся вовне. Ведь всякая вещь ищет не чего-нибудь иного, но саму себя; поход же вовне или тщетен, или необходим. Скорее же всякая вещь существует не потому, что стала множественной и большой, но потому, что остается сама собой, то есть согласна сама с собой. Стремление к тому, чтобы в том или ином смысле стать большим, есть принадлежность уже того, что не знает истинной природы большого и что направляется не туда, куда следует, но вне; стремиться же к себе значит быть внутри себя. Доказательством этого является все, что возникло при помощи величины: если вещь отделяется от самой себя так, что начинает существовать каждая из ее частей, то получаются именно эти отдельные части, а не она сама; если же она будет самой собой, то необходимо, чтобы все ее части имели отношение к ее единству. Таким образом, самой собой она существует не потому, что она большая, а потому, что она так или иначе — нечто единое.

Тем не менее, вещь становится вещью благодаря величине, и притом постольку, поскольку в этой величине теряет из самой себя; поскольку же содержит в себе единство, она продолжает содержать саму себя.

Но ведь вселенная — велика и прекрасна. И это только потому, что она не могла устремиться в бесконечное рассеяние, но охвачена единством; и прекрасна она не потому, что велика, но благодаря прекрасному, и нуждаться-то стала в прекрасном потому, что стала великой, ибо без него оказалась бы настолько безобразнее, насколько больше объемом. Таким образом, «большое» — материя для «прекрасного», ибо большое, будучи множественным, нуждается в красоте, так что само по себе оно и более нестройно, и более безобразно.

Плотин. Эннеады. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995–1996. Режим доступа: <http://psylib.org.ua>.

ПЛУТАРХ (*Plutarchos*, ок. 46–127 гг. н. э.)

Греческий писатель и философ из Херонеи в Беотии. Литературное наследие Плутарха составляет более 200 произведений, из которых сохранилось около половины, — послания, трактаты, философские диалоги, объединенные общим названием «Моралии» («Этика»). Сочинение «Сравнительные жизнеописания» — это 46 парных и несколько одиночных биографий знаменитых греческих и римских государственных деятелей и полководцев. Плутарх положил в основу биографий идею индивидуализма и веры в выдающуюся личность, которая может творить и изменять исторические события. Большую группу составляют также популярно-философские трактаты; из них, возможно, самым характерным для Плутарха является небольшое сочинение «О состоянии духа». В воспитательных целях задуманы другие сочинения, содержащие советы, как надо поступать, чтобы быть счастливым и преодолеть недостатки (например, «О чрезмерном любопытстве», «О болтливости», «Об излишней робости»). По этим же причинам Плутарх занимался вопросами любви и брака. Во всех этих сочинениях находят отражение педагогические интересы Плутарха. Он поднимал подобные вопросы в работах «Как нужно молодому человеку слушать поэтов», «Как пользоваться лекциями» и т.д. Тематически приближаются к ним политические сочинения Плутарха, которые содержат рекомендации для правителей и государственных деятелей.

К сочинениям на темы семейной жизни относится и консоляция (то есть утешительное сочинение после тяжелой утраты), обращенная к жене Плутарха Тимоксене, потерявшей единственную дочь. Наряду с наиболее популярными работа-

ми в диалогической форме, в «Этику» входили и другие — приближенные по своему характеру к научному докладу, в которых Плутарх, не вдаваясь глубоко в теоретические рассуждения, приводит множество ценных сведений по истории философии. К ним следует причислить сочинения об учении Платона, например «Платоновские вопросы», или «О сотворении души» в «Тимее», а также полемические произведения, направленные против эпикурейцев и стоиков. Вопросам религии Плутарх посвятил многочисленные произведения, среди них так называемые «пифийские» диалоги. Наиболее интересным в этой группе представляется произведение «Об Исиде и Осирисе». В трудах «Греческие вопросы» и «Римские вопросы» раскрывается значение и происхождение различных обычаев и культа греко-римского мира. Сочинение Плутарха «О лике на лунном диске» представляет различные теории относительно этого небесного тела, в конце Плутарх обращается к теории, принятой в Академии Платона (Ксенократ), усматривая в Луне родину демонов.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ПОРФИРИЙ (*Porphy'rius*, 232 — ок. 305 22. н.э.)

Древнегреческий философ (представитель неоплатонизма), теоретик музыки, астролог, математик. Из философских работ Порфирия наиболее известно «Введение в Категории Аристотеля» (другое название «О пяти звучаниях»). Трактат излагает логическое учение о признаках понятия (род, вид, видовое различие, признак собственный и несобственный/случайный). Трактат был главным источником знакомства с логикой Аристотеля в Средние века. Порфирий составил комментарии к лекциям Платона и к ряду важнейших диалогов Платона.

Он комментировал не только Платона, но также Аристотеля, в частности логические труды.

В логике с именем Порфирия связано так называемое «дерево Порфирия», иллюстрирующее многоступенчатую субординацию родовых и видовых понятий при дихотомическом делении. Рядом с теоретическими трактатами известны работы Порфирия по практической философии. В них он излагает учения о политических добродетелях; об очищении от аффектов; о добродетелях, обращающихся к уму; о добродетелях, в которых сам ум становится образцом для духовной жизни.

Порфирием был написан трактат «Восхождение души», где развивалось учение о двойном пути; пути чистого умозрения для философов и пути теургии — «для толпы». Порфирий писал космологические и астрологические сочинения, полемические работы против христианства и др. Большое сочинение «Против христиан», давшее ранние образцы библейской критики, было уничтожено в 448 г.

Порфирий проявлял интерес к математическим наукам. Он составил жизнеописание Пифагора. В обширный комментарий к «Гармонике» Птолемея Порфирий, в частности, включил уникальные цитаты из несохранившихся трудов Архита, Теофраста, Дидима, Элиана (175–235 гг.) и других древних текстов. В этот комментарий полностью включен трактат Аристотеля «О слышимых вещах». Порфирий составил также комментарий к «Началам» Евклида.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ (Πρόκοπος, ок. 500 — после 562 гг. н.э.)

Византийский историк и писатель. Восемь книг «Истории войн» Прокопия содержат изложения событий не в хроноло-

гическом порядке, а по странам, как у Аппиана: в первых 2-х книгах рассказывается о войнах с персами, в 3 и 4-й — войнах с вандалами, в 5, 6 и 7-й — с готами, 8-я книга является как бы приложением к первым 7 книгам и посвящена общему обзору событий до 554 г.

Сочинение «О постройках Юстиниана» содержит описания зданий и произведений искусства, находящихся в Константинополе, и является ценным источником исторических фактов, относящихся ко времени царствования Юстиниана. Значительный интерес представляет также «Тайная история» Прокопия, написанная им втайне от всех и содержащая критику политики Юстиниана и морального облика императрицы Феодоры.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагмент из произведения Прокопия Кесарийского «Тайная история»

Обо всем том, что вплоть до сегодняшнего дня выпало на долю римского народа в ходе войн, я рассказал, как смог, расположив изложение событий в соответствии со временем и местом происходившего. Отныне, однако, мое повествование пойдет иным путем, ибо теперь я буду описывать все, что произошло в самых разных частях Римской державы. Причина же заключается в том, что, пока были живы вершители этих дел, я не мог описывать их должным образом. Ибо невозможно было мне укрыться от множества соглядатаев, а если бы я был изобличен, не избежать мне было бы самой жалкой смерти. Ибо даже на самых близких родственников я не мог положиться. Более того, я был вынужден скрывать причины и многих из тех событий, которые были изображены мной в прежнем повествовании. Поэтому я считаю своим долгом рассказать

в этой книге о том, о чем доселе не было сказано, и раскрыть причины уже описанного мной.

Но, обращаясь к этому новому предприятию, весьма тяжкому и трудновыполнимому, касающемуся жизни Юстиниана и Феодоры, я дрожу от страха и испытываю желание отступить от него, стоит мне лишь помыслить, что то, о чем я ныне собираюсь написать, покажется будущим поколениям невероятным и неправдоподобным, особенно когда неумолимый ход времени сделает молву совсем древней. Я боюсь, как бы я не заслужил славу мифотворца и не был бы причислен к поэтам-трагикам. И все же, решившись на это, я не убоюсь тяжести этого предприятия, поскольку рассказ мой отнюдь не испытывает недостатка в свидетелях. Ибо ныне здравствующие, являясь осведомленнейшими свидетелями, передадут будущему свою веру в правдивость моего рассказа.

Но было и нечто другое, что, в то время как я горел желанием взяться за свое повествование, то и дело надолго удерживало меня от этого. Мне мнилось, что будущим поколениям оно принесет один лишь вред, так как было бы гораздо лучше, если бы бесчестнейшие из дел оставались безвестными для будущих времен, нежели, дойдя до слуха тиранов, они стали бы предметом подражания. Ибо большинству властителей по их невежеству присуще стремление подражать дурным поступкам их предшественников, и они легко и без труда склоняются к порокам древних времен. Однако в дальнейшем написать историю этих деяний меня побудила мысль, что для тех, кто в будущие времена окажется тираном, станет вполне очевидным, что им самим никак не избежать кары за собственные прегрешения подобно тому, как пришлось претерпеть ее и этим людям, а кроме того, их дела и нравы тоже окажутся навеки запечатленными, вследствие чего они, возможно, с большим опасением станут совершать свои беззакония. Кто бы из поздних поколений знал о распутной жизни Семирамиды

или о безумии Сарданапала и Нерона, если бы память об этом не оставили сочинители тех времен? Кроме того, и для тех, кому выпадет судьба претерпеть подобное от тиранов, мой рассказ не окажется вовсе бесполезным. Ибо попавшие в несчастье обычно находят утешение в том, что не на них одних обрушиваются беды.

Прокопий Кесарийский. Тайная история. М.: Наука, 1993. (Серия «Памятники исторической мысли»). Режим доступа: http://royallib.com/book/prokopiyy_kesariyskiy/taynaya_istoriya.html

ПТОЛЕМЕЙ КЛАВДИЙ (*Claudius Ptolemaeus*, ок. 81–161 гг. н.э.)

Астроном, астролог, математик, географ; жил и работал в Александрии. Изучив работы древнегреческих астрономов, Птолемей создал труд «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» (в древности этот трактат называли «Мэгистэ» («Величайший»), что у арабов превратилось в «Алмагест»), в котором обосновал геоцентрическую систему мира, согласно которой все видимые движения небесных светил объяснялись их движением (часто очень сложным) вокруг неподвижной Земли.

В «Алмагесте» изложена созданная Птолемеем система, согласно которой Земля покоится в центре мироздания, а все небесные тела обращаются вокруг нее. Видимые движения небесных тел представлены здесь с помощью комбинаций круговых движений — эпициклов (теории эпициклов). В «Алмагесте» содержится также описание открытого Птолемеем явления эвекции — периодического отклонения движения Луны от равномерного кругового. В этом труде впервые дано решение некоторых математических задач, в частности построена таблица хорд для углов, заданных через каждые полградуса (т.е. таблица синусов), доказана теорема о свойствах четыреху-

гольника, известная в настоящее время как теорема Птолемея, и др. В «Алмагесте» описан построенный Птолемеем подобный армиллярной сфере инструмент для измерений долгот и широт на небе (астролабон), а также инструмент для измерения угловых расстояний, позднее ставший известным в Европе как трикветрум. Геоцентризм Птолемея вполне отражал уровень представлений античной эпохи, когда видимое воспринималось как действительное, и в этом смысле не противоречил библейскому представлению о Земле как центре мироздания. Исключительно велико было практическое значение этой работы для мореплавания и определения географических координат. В «Альмагесте» впервые законы видимых движений небесных тел были установлены настолько, что стало возможным предвычисление их положений.

Птолемей создал также труды «Оптика», «Руководство по географии», «Четверокнижие»; его сочинение «Гармония» оказало влияние на музыкальную теорию средневековья. В работе «Руководство по географии» Птолемей дал полную, хорошо систематизированную сводку географических знаний древних, разработал методы научного картографирования, особенно много сделал для развития и использования теории картографических проекций; составил 27 карт, которые охватывали территорию от Канарских островов до Китая. Он дал координаты 8000 пунктов (по широте — от Скандинавии до верховьев Нила, а по долготе — от Атлантического океана до Индокитая), основанные, впрочем, почти исключительно на сведениях о маршрутах купцов и путешественников, а не на астрономических определениях.

Астрономические наблюдения датировались в древности годами правления царей. В связи с этим Птолемей составил «Хронологический канон царей», являющийся важным источником для хронологии. Написанный им пятитомный трактат по оптике считался окончательно утраченным. Но в 1801 г.

был найден почти полный латинский перевод его, сделанный с арабского. Наибольший интерес в нем представляют развитая Птолемеем теория зеркал, таблицы углов преломления при переходе светового луча из воздуха в воду и в стекло, а также теория и таблица астрономической рефракции.

Бронштэн В. А. Клавдий Птолемей: II век н. э. М., 1988.

Галилей Галилео. Диалог о двух главнейших системах мира, птолемеевой и коперниковой/пер. с итал. М.; Л., 1948.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1980.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Умнов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из математического трактата Клавдия Птолемея (в 4-х книгах), известного также под названиями «Тетрабиблос», «Четверокнижие», «Апотелесматика» и «Искусство предсказаний для Сируса»

О том, как и насколько достижимо знание астрономическими методами

Всего лишь несколько соображений понадобится для доказательства каждому того факта, что некая сила, исходящая из вечного эфирного вещества, распределена повсюду и пронизывает всю область вокруг Земли, которая тем самым подвергается изменениям, поскольку такие первичные подлунные элементы, как воздух и огонь, подвержены влиянию движения эфира и, в свою очередь, вызывают изменения во всем остальном: в земле, воде и обитающих там растениях и животных.

Солнце вместе с окружением всегда оказывает тем или иным способом влияния на все, что ни есть на Земле; это

происходит не только посредством изменений, которыми сопровождаются времена года, вызывая рождение нового поколения животных, плодоношение растений, течения вод и изменения тел, но и посредством своего ежедневного обращения, порождающего регулярное чередование тепла, влажности, сухости и холода в зависимости от своего положения относительно зенита.

Также и Луна, как ближайшее к Земле небесное тело, оказывает сильнейшее влияние на все земное, ибо большинство земных предметов, одушевленных и неодушевленных, исполнено симпатии к Луне и изменяется вместе с ней: реки ускоряют или замедляют свой бег под воздействием ее лучей; моря чередуют приливы и отливы в зависимости от ее восходов и заходов; а растения и животные полностью или какой-то своей частью прибывают и идут на убыль вместе с ней. Более того, перемещения неподвижных звезд и планет по небу часто указывают на жаркое, ветренное или снежное состояние воздуха, что оказывает соответствующее воздействие на земные предметы. Аспекты светил относительно друг друга посредством сочетания и смешения их воздействий также приносят немало сложных изменений. Ибо хотя сила Солнца преобладает в общем управлении качеством, другие небесные тела оказывают помощь или противостоят ей в частных деталях; Луна делает это наиболее очевидно и непрестанно — например, когда она новая, полная или в четверти, — а звезды через более продолжительные промежутки и менее явно, то есть при их восходах, заходах и сближениях. Если ко всем этим материям подходить с такой точки зрения, то все согласится с вытекающим отсюда следствием, по которому не только предметы, уже явленные, должны так и иначе испытывать влияние небесных тел, но и подобным же образом ростки семян и завязь должны облекаться в форму, соответствующую тому, что происходит с течением времени в небесах.

Наиболее наблюдательные земледельцы и скотоводы предсказывают по ветрам, господствующим в момент оплодотворения животных и сева семян, что из этого получится; и в общем случае мы видим, что наиболее значимые последствия, соответствующие наиболее очевидным конфигурациям Солнца, Луны и звезд, обычно известны заранее даже тем, кто пытается предсказать будущее ненаучными средствами, а только исходя из своего опыта.

То, что является следствием действия более мощных сил и более простых природных законов, например ежегодной смены времен года или направлений ветров, воспринимается очень невежественными людьми и, более того, даже бессловесными тварями, ибо в основе таких явлений лежит действие Солнца. Менее общие явления известны тем, кто в силу необходимости вынужден проводить наблюдения. Например, мореплаватели знают особые признаки надвигающихся штормов и ветров, периодически возникающих под влиянием аспектов Луны и неподвижных звезд относительно Солнца. Но из-за недостатка образованности они не могут точно определить время и место этих явлений, равно как и периодичность движения планет, оказывающих сильное влияние на наблюдаемые явления, и потому нередко ошибаются.

Если же человек настолько хорошо знает движения всех звезд, Солнца и Луны, что от его внимания не ускользнет ни место, ни время каждой из их конфигураций, если он научился различать их природу в процессе длительного изучения (хотя, возможно, усматриваемое им различие затрагивает не существенные, а лишь наблюдаемые качества, такие как жар, исходящий от Солнца, или влажность от Луны и так далее), и если он в силах определить на основании всех этих данных как научным путем, так и с помощью логических умозаключений, отличительный признак качества, являющегося результатом сочетания всех этих факторов, то что может помешать этому

человеку, исходя из взаимосвязей явлений, охарактеризовать в каждом конкретном случае состояние воздуха и предсказать, например, что он будет теплее или более влажным? Почему бы ему также не постичь основное качество темперамента какого-то человека на основании того, что окружало того в момент рождения, то есть что он, например, имеет такое-то и такое-то тело и такие-то, такие-то душевные свойства, а также не предсказать некоторые события, используя тот факт, что такое-то и такое-то окружение соответствует такому-то и такому-то темпераменту и способствует процветанию, тогда как другое не является столь же подходящим и предрасполагает к потерям? Но довольно об этом, ибо возможность такого знания должна быть вполне понятна из приведенных и подобных им аргументов.

Последующие соображения позволяют прийти к выводу, что бросаемые науке упреки в неспособности к предсказанию, хотя и звучат вполне правдоподобно, лишены оснований. И здесь прежде всего ошибки тех, кто в своей практике не слишком строго следует наставлениям, а также многое другое, противоречащее тому, что следовало бы ожидать от столь важного и многостороннего искусства, — привели ко всеобщему убеждению, что даже сбывшиеся предсказания зависят от случая, а это неверно. Ибо такого рода случаи свидетельствуют о бессилии, но не самой науки, а тех, кто ее практикует. Кроме того, многие ради корысти исповедуют под тем же названием иное искусство и вводят в заблуждение простаков, утверждая, что могут предсказать даже те явления, о которых просто невозможно знать заранее, тогда как более думающим людям они предоставляют случай высказывать неблагоприятное суждение и о тех предметах, которые в действительности являются предсказуемыми. Безусловно, это незаслуженно. Ведь то же самое происходит и с философией — не следует упразднять ее лишь на том основании, что на звание философа претендуют

несколько явных мошенников. Тем не менее, ясно, что даже тот, кто подходит к астрологии, глубоко проникнувшись духом исследования и следуя правилам, может ошибаться, не в силу уже указанных причин, а из-за глубинной сущности явления и своей личной слабости по сравнению с величию того, чем он занимается. Ибо помимо того, что любая наука, имеющая дело с качеством рассматриваемого ею предмета, носит предположительный характер и ничто утверждаемое ею неабсолютно (особенно если наука состоит из множества разнородных элементов), совершенно верным является и то, что конфигурации планет в древности, на основании которых мы приписываем аналогичным аспектам те же действия, что наблюдались астрологами прошлого, могут в большей или меньшей степени быть подобны современной картине по прошествии длительного периода времени; однако они не будут идентичными, поскольку возврат всех небесных тел и Земли в точно то же самое положение, если человек не одержим тщеславным представлением о своей способности постигать и знать непознаваемое, либо не происходит вообще никогда, либо случается в период времени, выпадающий за рамки человеческого опыта.

Именно поэтому предсказания иногда оказываются неверными, то есть причина заключена в несоответствии примеров, на которых они основываются. Применительно же к атмосферным явлениям единственная трудность состоит в том, что ничто другое, кроме движения небесных тел, в расчет здесь не принимается. Однако при исследовании, касающемся гороскопа и темперамента отдельной личности, можно легко проследить, что существуют обстоятельства не меньшей важности и отнюдь не пустякового характера; они-то в совокупности и определяют качества рожденных. Ибо различия в семени оказывают огромное влияние на отличительные черты рода, поскольку даже при одинаковом окружении и небосклоне каждое семя стремится выразить присущую ему форму, напри-

мер человека, лошади и так далее; места рождения вызывают немалые изменения в том, что появляется. Так при семени, принадлежащем одному роду, например человеческому, и одинаковых условиях окружения те, кто приходит в мир, сильно отличаются друг от друга как в смысле тела, так и души, в зависимости от страны, где они родились. Более того, даже если все упомянутые выше условия одинаковы, то воспитание и обычаи оказывают особое влияние на образ жизни. Если каждую из указанных выше вещей не изучать вкуче с причинами, обусловленными окружающим, хотя и считается, что последнее имеет самое большое влияние (окружение — одна из причин, заставляющих эти явления быть тем, что они есть, не оказывая, в свою очередь, на него никакого воздействия), они могут стать значительной помехой для тех, кто верит, что в подобных случаях все может быть постигнуто лишь на основании движения небесных тел, включая даже то, что совсем не входит в сферу его влияния.

Но коль скоро это так, нам не следует отвергать все подобные предсказания по той лишь причине, что они иногда бывают неверными; мы ведь не подвергаем сомнению искусство составления логманской карты из-за содержащихся в ней ошибок; но когда претендуют на многое и тем более на пророчества, мы должны радоваться всему, что возможно, и считать, что этого достаточно. Не следует также слепо и по свойственному людям обыкновению требовать от этого искусства всего сразу, а надо постараться оценить его красоту даже в тех случаях, когда не удалось получить исчерпывающий ответ. И точно так же, как мы не обвиняем врачей в том, что они принимают во внимание как саму болезнь, так и особенности осматриваемого пациента, мы не должны протестовать против использования астрологами в качестве основы для выводов таких особенностей, как национальность, страна, воспитание и прочих имеющихся второстепенных черт.

Клавдий Птолемей. Математический трактат в четырех книгах//Astrologic.Ru: энциклопедический проект. Режим доступа: <http://www.astrologic.ru/library/ptolemy/index.htm>.

САЛЛЮСТИЙ ТАЙ КРИСП (Gaius Sallustius Crispus, 86 — ок. 35 гг. до н.э.)

Римский историк и государственный деятель. Из его творческого наследия сохранились две книги: «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также фрагмент «Истории». Саллюстий стремится главным образом не к передаче фактов и событий в возможно полном и точном виде, а к изложению нравственного смысла событий и к поучению современников и потомства на основании уроков истории: он хочет, чтобы его рассказ произвел известное впечатление на читателя, и соответственно с этой задачей обращает особенное внимание на изображение характеров действующих лиц, побуждений, по которым они действуют, и нравственного состояния общества.

Политические взгляды Саллюстия противоречивы. Он крайне отрицательно относился к современному обществу и Римскому государству, резко критиковал сенат и аристократию, обвинял нобилей не только в лени, надменности, распущенности и зависти к чужой славе, но и в продажности и измене родине. Неприязненно относился Саллюстий и к народу, колебания и ненадежность которого он не раз подчеркивал; однако, как и многие другие римские писатели, он выражал симпатии республиканскому строю. Подражая Фукидиду, Саллюстий писал сжатым стилем, который, в свою очередь, повлиял на стиль Тацита, назвавшего Саллюстия самым блестящим историком Рима. Саллюстий известен также как политический оппонент Цицерона.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир/сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведения Саллюстия Гая Криспа «Заговор Катилины»

Наша человеческая сущность складывается из духа и тела, дух у нас повелевает, тело скорее подчиняется; духовной стороной мы входим в общение с богами, телесной — с животными вообще.

Долго спорили люди, чем больше преуспевает военное дело, физической ли силой или доблестью духа. Бесспорно, всякому начинанию предшествует размышление, а по зрелом размышлении необходимо благовременное исполнение: одно без другого не имеет силы, и оба нуждаются во взаимной поддержке. Вот почему в древние времена цари поступали различно: одни развивали интеллект, другие — телесную природу; притом тогда еще люди жили, не зная пагубных вожделений: каждый вполне довольствовался только своим.

Но вот в Азии Кир, а в Греции лакедемоняне и афиняне начали покорять своей власти отдельные города и целые народы, стали свое властолюбие полагать руководящим началом в своих военных действиях и тогда ценой пережитых опасностей и понесенных трудов люди убедились, что и в военном деле первенство принадлежит интеллекту. И все же: если бы духовная доблесть царей и полководцев имела одинаковое значение и приложение как в области мира, так и в военных действиях, дела человеческие шли бы ровней и постояннее: мы не были бы свидетелями того разброда, тех перемен, того беспорядка, как это бывает во всем обыкновенно. Ведь и самую власть нетрудно сохранить теми же средствами, какими она была вначале приобретена.

Сами труды людей — земледелие, мореходство, строительство — все это подчинено той же нравственной мощи. Правда, немалое количество смертных проели и проспали свой век; они прошли свой жизненный путь в одичалом невежестве, подобно случайным прохожим: да, у них совершенно вопреки разумной природе плоть была желанной утехой, а дух — невыносимым бременем.

Весьма почтенно служить своему государству делом, но и словом служить ему же не совсем бессмысленно: прославиться одинаково возможно и мирной работой, и военным подвигом: увенчано славой немало людей и подвиги совершивших, и людей, описавших чужие деяния.

Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. Хрестоматия по античной литературе: в 2 т. Т. 2. Римская литература. М.: Просвещение, 1965.

СВЕТОНИЙ ГАЙ ТРАНКВИЛ (Gaius Suetonius Tranquillus, ок. 70–150 гг. н.э.)

Римский историк, писатель и юрист, выходец из всадников. Сохранились лишь два его произведения: «Жизнь двенадцати цезарей» в 8 книгах и «О грамматиках и риториках» в неполном виде. В первом произведении даны биографии Юлия Цезаря, Октавиана, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона, Гальбы, Оттона, Вителлия, Веспасиана, Тита и Домициана. Все его работы по естественной науке и классической древности не сохранились, за исключением некоторых фрагментов, в частности трактата «О знаменитых мужах».

Светоний заложил основы составления биографических трудов: сначала излагается история рода и ранние годы жизни героя, затем его общественная или государственная карьера, физический феномен и, наконец, его частная жизнь. Биографии Светония, колоритные изображения пороков его героев снискали Светонию репутацию сплетника, но на самом

деле факты (или слухи), собранные писателем, изначально призваны развлекать читателя, они зачастую откровенно анекдотичны, но при всем при этом органично уживаются с историческими фактами, весьма выпукло рисуют конкретную эпоху и стиль жизни. В какой-то мере он положил начало жанру светской хроники.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагмент из произведения Светония Гая Транквилла «О знаменитых людях. О грамматиках и риторках»

Грамматика в Риме в прежние времена не пользовалась не только почетом, но даже известностью, потому что народ, как мы знаем, был грубым и воинственным и для благородных наук не хватало времени. Начало ее было скромным: древнейшие ученые, которые в то же время были поэтами и наполовину греками (я говорю о Ливии и Эннии, которые, как известно, учили в Риме и на родине на обоих языках), только переводили греков или же читали публично собственные латинские сочинения. Правда, некоторые сообщают, что названный Энний издал две книги — «О буквах и слогах» и «О размерах», которому приписываются также книги «О науке авгуров».

Первым, как кажется, ввел в Риме изучение грамматики Кратес из Малла, современник Аристарха; он был прислан в сенат царем Атталом между второй и третьей Пуническими войнами.

Гай Октавий Лампадион разделил на семь книг «Пуническую войну» Невия, написанную в одном свитке без перерыва. Квинт Варгунтей обработал «Анналы» Энния и читал

их публично при большом стечении народа. Лелий Архелай и Веттий Филоком обработали сатиры своего друга Луцилия, которые, по их собственному признанию, у Архелая слушал Помпей Леней, а у Веттия Филокома — Валерий Катон.

Упорядочили и всесторонне развили грамматику Луций Элий из Ланувия и его зять Сервий Клодий, оба — римские всадники.

Интерес к науке и забота о ней усиливались все больше, так что даже известные люди не отказывались о ней писать, а в городе, по сведениям, одно время было больше двадцати известных школ. Цены на грамматиков и плата им были так велики, что Лутаций Дафнис был куплен Квинтом Катулом за семьсот тысяч сестерциев и вскоре отпущен на волю, а Луцию Апулею богатейший римский всадник Эфиций Кальвин платил по четыреста тысяч в год за преподавание в Оске. Грамматика проникла и в провинции, и там преподавали некоторые знаменитые ученые, особенно в цизальпинской Галлии: среди них были Октавий Тевкр, Сесценний Якх и Оппий Харет.

Обычай закрепил за грамматиками греческое название; первоначально же они назывались «литератами». Об этом говорит Корнелий Непот, он устанавливает различие между «литератом» и «ученым»: он утверждает, что обычно «литератами» зовут тех, кто умеет изящно, тонко и толково говорить и писать, но собственно так следует именовать тех толкователей поэтов, которых греки называют грамматиками. В старину грамматики обучали также и риторике: сохранились руководства по обеим наукам. Оттого-то позже, когда науки уже разделились, грамматики сохранили старые упражнения для выработки красноречия и сами ввели некоторые новые — проблемы, парафразы, обращения, этиологии и тому подобные; конечно, это делалось затем, чтобы дети переходили в обучение к риторам не совсем невежественными и необразованными.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. *Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима* / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Светоний Гай Транквил. *О знаменитых людях (фрагменты)* // *Древний Рим: Республика: [сайт]*. Режим доступа: <http://romanum.opk.ru/viewtopic.php?id=117>.

СЕКСТ ЭМПИРИК (*Sextus Empiricus*, конец II — начало III вв.)

Древнегреческий философ и врач, представитель скептицизма. Отрицал существование богов и души, сомневался в возможности познания истины. Для того чтобы быть счастливым, по его мнению, нужно придерживаться традиций и законов. Познание относительной истины возможно, если основываться на личных ощущениях, но не больше. Автор сочинений «Против математиков» (т. е. ученых вообще) и «Пирроновы положения». Собрал высказывания и аргументы древнегреческих скептиков от Пиррона до Энесидема. Согласно Сексту Эмпирику, скептик ничего не утверждает и ничего не отрицает категорически, равно допуская возможность противоположных мнений, он — «ищущий». Цель философии — достижение душевного спокойствия (атараксия), чему способствует скептическая позиция. Секст Эмпирик — один из первых историков логики, физики, этики и других наук.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагмент из произведения Секста Эмпирика «Две книги против логиков»

О частях философии

Поскольку философия есть некая пестрая вещь, то в целях стройного и методического исследования необходимо рассмо-

треть хотя бы некоторое относительно частей философии. Ее разделяют на три части соответственно: физическую, логическую и этическую.

Только одну физическую часть приняли Фалес, Анаксимен и Анаксимандр, Эмпедокл, Парменид и Гераклит. Из них Фалес, Анаксимен и Анаксимандр согласно мнению. Парменид же не смог бы считаться несведущим в диалектике, поскольку тот же Аристотель считал начинателем диалектики его приятеля Зенона. Были исследования и относительно Гераклита, является ли он только физическим или также и этическим философом.

Об одной только этической части заботился Сократ, по крайней мере, по отзывам близких к нему людей, потому что и Ксенофонт ясно говорит в своих «Воспоминаниях», что «он отрицал физическую часть, как стоящую выше нас, и имел дело только с частью этической, как существующей для нас».

Иногда уподобляют философию обильному плодами саду, когда физическая часть сравнивается с ростом растений, этическая — со зрелостью плодов, а логическая — с крепостью стен. Другие говорят, что она похожа на яйцо, что этическая часть сходна с желтком, который есть зародыш, физическая — с белком, который, как известно, есть пища для желтка, т.е. для зародыша, и логическая — с внешней скорлупой.

Рассмотрим по порядку: существует ли какой-нибудь критерий для того, что непосредственно воспринимается чувством или разумом, и после этого — существует ли способ обозначения или доказательства для неявного. Я думаю, что ... пусть будет начато рассуждение о критерии, раз оно охватывает и все способы восприятия вообще.

О критерии

О критерии говорится в двух смыслах. В одном отношении это то, пользуясь чем, мы одно делаем, другое же никоим обра-

зом не делаем; а в другом отношении это то, пользуясь чем, мы одно считаем существующим, другое — несуществующим, и вот это считаем установленным истинно, а вот это — ложно.

Если о критерии говорится во многих смыслах, то предстоит рассмотреть, с одной стороны, разумный критерий, с другой же — критерий, относящийся к практической жизни. Однако этот разумный критерий можно подразделить, если один критерий существует в виде «кем», другой — в виде «чем», третий — в виде направленности на что-нибудь и внутреннего или внешнего состояния. «Кем» — это, например, человек, «чем» — ощущение, третье — направленность представления.

Именно человек, благодаря «кому» возникает суждение, похож на весовщика и плотника; чувственное восприятие и разум, в силу «чего» возникает суждение, похожи на весы и отвесы. Наконец, направленность представления, благодаря которой человек предпринимает суждение, похожа на упомянутые инструменты.

Об истине

Что касается истины, то иные, а в особенности стоики, полагают, что она отличается от истинного тремя способами: субстанцией, составом и значением. Субстанцией она отличается, поскольку истина есть тело, истинное же существует в качестве бестелесного. И это естественно, как они говорят, потому что истинное есть утверждение, утверждение же есть словесное выражение, а словесное выражение бестелесно. В свою очередь истина — тело, поскольку она оказывается знанием обо всем истинном. Всякое же знание есть так или иначе пребывающее ведущее начало, как, скажем, рука есть кулак. Ведущее же начало есть тело. Следовательно, и истина должна быть по своему роду телесной. Что же касается состава, то поскольку истинное дано в мысли как нечто едино-видное и по природе простое, например «сейчас день» и «я разгова-

риваю» для настоящего момента, истина же, напротив того, составлена в качестве устойчивого, систематического знания, являющегося собранием множества истин.

Секст Эмпирик. Две книги против логики/пер. А. Ф. Лосева//Персональный сайт Николая Бирюкова. Режим доступа: <http://nibiryukov.narod.ru>.

СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ (*Stephanus Byzantius*, 527–565 н.э.)

Древнегреческий грамматик, философ-неоплатоник. Составил этногеографический словарь «*Ethnica*» («Описание народов»), сделав извлечения из многочисленных греческих и латинских авторов, тем самым сохранив богатейшую информацию. В словаре в алфавитном порядке описаны все известные в то время народы ойкумены. Лексикон словаря содержит множество цитат из античных авторов, многочисленные грамматические заметки, которые опираются на труды Геродиана и других грамматиков и объясняют формы названий местностей, народов, орфографию, склонения, этимологию. Присутствуют также сведения исторического и мифологического характера, прорицания, описания чудес, пословицы. Изначально «*Этника*» состояла из 55 книг.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ТАЦИТ ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ (*Publius Cornelius Tacitus*, ок. 55 — после 120 гг. н.э.)

Римский историк, выходец из Южной Галлии. Сохранились следующие сочинения Тацита: «*Анналы*», «*История*», «*Жизнеописание Юлия Агриколы*», «*О происхождении германцев*

и местоположении Германии», «Диалог об ораторах». Свои основные труды «Историю» и «Анналы» Тацит посвятил истории Римской империи, начиная со смерти Августа и кончая смертью Домициана в 96 г. н. э.

Одной из характерных особенностей исторической точки зрения Тацита является оценка роли личности в истории. Он разделял убеждения древних, что индивидуализм правит миром, что сильная личность определяет ход истории, поэтому императоры и составляли основной фон его историографических трудов, хотя он был далек от восхищения ими. Его концепция строилась на убеждении, что безвозвратно обесцениваются старые, демократические ценности, попираются свободы, поэтому показ упадка Рима и рассуждения о причинах этого занимали в его работах значительное место. Говоря об исторической роли Римской империи, он считал ее неизбежным этапом во всей римской истории. Одной из причин создания Тацитом этнографического произведения о Германии стал интерес к германским землям, проявленный в римском обществе.

В общей части Тацит дал подробные сведения о географическом положении Германии и происхождении германцев, об их оружии и способах ведения войны, о представителях их власти и религиозного культа, о женщинах и уважении к ним, об одежде, о быте, нравственности, воспитании детей, о занятиях населения и земледелии. Вторая часть сочинения повествует о каждом племени в отдельности. В «Диалоге об ораторах» Тацит воспроизводит беседу лучших ораторов времени Веспасиана о причинах, повлекших упадок ораторского искусства.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Современный словарь-справочник: античный мир / сост. М. И. Уманов. М.: Олимп: АСТ, 2000.

Фрагменты из произведений Публия Корнелия Тацита

Чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы.

Чем больше в государстве коррупции, тем больше законов.

«Анналы». Книга I

Городом Римом от его начала правили цари: народовластие и консулат установил Луций Брут. Лишь на короткое время вводилась единоличная диктатура; власть децемвиров длилась не дольше двух лет, недолго существовали и консульские полномочия военных трибунов.

Ни владычество Цинны, ни владычество Суллы не было продолжительным, и могущество Помпея и Красса вскоре перешло к Цезарю, а оружие Лепида и Антония — к Августу, который под именем принцепса принял под свою руку истомленное гражданскими раздорами государство. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастных, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возрастающее пресмыкательство пред ним.

Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всемогущи, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принципате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия.

«История». Книга I

Началом моего повествования станет год, когда консулами были Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний. События предыдущих восьмисот двадцати лет, прошедших с основания

нашего города, описывали многие, и, пока они вели речь о деяниях римского народа, рассказы их были красноречивы и искренни. Но после битвы при Акции, когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека, эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лезть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лезть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде.

Публий Корнелий Тацит//Афоризмы, цитаты, пословицы [сайт]. Режим доступа: <http://aphorism-list.com>.

Античные тексты//Кельтская библиотека. Режим доступа: <http://www.celtica.ru>.

ФИЛОН БИБЛСКИЙ (*Filon*, ок. 50 — после 138 гг. н.э.)

Финикийский историк, родом из Библа. Филон Библский написал историю Финикии и описал ее культуру, религию в своей несохранившейся «Истории Финикии» в 9 книгах. Он также написал «О городах и о том, что замечательного в них было» в 30 книгах, «О приобретении и отборе книг» в 12 книгах, «Словарь синонимов», «Об иудеях», биографию Адриана.

По своим философским взглядам Филон Библский был егемерист, то есть считал, что в основе мифов лежат реальные исторические цари и герои, затем обожествленные. Филон делит богов на смертных и бессмертных: первые — небесные све-

тила и стихии, вторые — обожествленные люди; что делает его своеобразным «теологом-атеистом».

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

ЦЕЛЬС АВЛА КОРНЕЛИЙ (Celsus Aulus Cornelius, I в. н.э.)

Литератор эпохи императора Тиберия, автор энциклопедического сочинения «Искусства» («Artes»), в котором рассматривались вопросы сельского хозяйства, риторики, военного искусства и медицины. Из этого произведения сохранились лишь 8 книг по медицинской науке.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима/науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

Фрагмент из произведения Авла Корнелия Цельса «О медицине»

«О медицине». I кн. (т. VI энциклопедии «Искусства»)

Одни медики лечат образом жизни, другие — лекарствами, третьи — хирургическим путем. Первую часть медицины называли диетической, вторую — фармацевтической, третью — хирургической.

Медицина возникла из наблюдений за выздоровлением одних и гибелью других. Наука, различающая вредное и полезное для здоровья.

Медицина возникла не после теоретического обоснования, но теория была найдена после возникновения практической медицины...

Часто появляются новые виды болезней, относительно которых опыт еще ничего не показал, так что необходимо произ-

вести наблюдение, откуда они явились, без чего никто не может знать, почему надо применять то или иное средство...

Следует вести разнообразный образ жизни: жить то в деревне, то в городе и чаще бывать на лоне природы... как можно чаще заниматься физическими упражнениями...

Так как праздность расслабляет тело, а труд укрепляет его; первое приносит преждевременную старость, второе — продолжительную молодость.

«О хирургии, ее истории и о качествах наилучшего хирурга».
Введение к II кн. (т. VII энциклопедии «Искусства»)

Хирург должен быть человеком молодым или близко стоять к молодому возрасту, он должен иметь сильную, твердую, не знающую дрожи руку; и левая его рука должна быть так же готова к действию, как и правая; он должен обладать зрением острым и проницательным, душой бестрепетной и сострадательной настолько, чтобы он желал вылечить того, кого он взялся лечить...

Для ликвидации кровотечения из раны хирургу правильно применить тампонаду, а если кровотечение не прекратилось, сделать перевязку сосудов или прижигание.

При подозрении на перелом костей черепа (для постановки правильного диагноза) нужно немедленно выяснить, была ли у пострадавшего рвота, лишился ли он зрения, утратил ли способность речи, имели ли место кровотечения из носа или ушей, потеря сознания. Подобные явления бывают следствием перелома черепных костей и требуют очень длительного лечения и ухода.

«О фармакотерапии». V кн. (т. XI энциклопедии «Искусства»)

Та часть медицины, которая преимущественно борется лекарствами, также должна предписывать гигиенический образ жизни, чрезвычайно полезный при всех телесных недугах.

Головная боль проходит, если перед сном влить через нос или уши две ложки сока лука-порея, смешанные с одной ложкой меда.

Чем сильнее воспаление глаз, тем лекарство надо сделать более мягким, прибавляя или яичный белок, или женское молоко.

Изготовление мази для лечения язв проводится так: перемешиваются между собой в равном количестве коровье масло, телячий мозг, телячье сало, гусиный жир, воск, мед, смола терпентинного дерева, розовое масло египетской клещевины. Все они по отдельности должны быть приведены в жидкое состояние, потом в жидком виде смешиваются и затем одновременно растираются.

Пластырь, применяемый при синяках и отеках, готовят так: в глиняный горшок кладется просеянная толченая серебряная пена и старое масло. Все это варят и время от времени перемешивают при помощи маслodelьного пресса до тех пор, пока смесь не приобретает густоту ремесленного клея. Затем прибавляют сухой смолы, тщательно растертого бычьего сала и по истечении получаса, когда пресс опустится, эту смесь помещают в холодную воду... Когда будет необходимость, намазывают на плотный полотняный платок...

Цельс Авл Корнелий. О медицине / пер. Ю. Ф. Шульца; вступ. ст. и ред. В. Н. Терновского. М., 1959. Режим доступа : <http://www.historymed.ru>.

ОТЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД — ПЕРИОД РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ (IX–VI ВВ. ДО Н. Э.)	11
Акусилаи из Аргоса	11
Алкмеон Кротонский	12
Анаксагор из Клазомен	13
Анаксимандр	14
Анаксимен	15
Гекатей Милетский	15
Гераклит из Эфеса	15
Ксенофан Колофонский	18
Парменид	20
Пифагор Самосский	22
Фалес	24
Ферекид Сиросский	27
ВТОРОЙ ПЕРИОД — ПЕРИОД ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ (V–I ВВ. ДО Н. Э.)	28
Антисфен из Афин	28
Аристарх Самосский	29
Аристипп	30
Аристотель Стагирит	30
Архимед	36
Архит Тарентский	38
Варрон Марк Теренций	39

Геродот.....	40
Герон Александрийский	42
Герофил из Халкидона	43
Гиппарх из Никеи.....	44
Гиппократ	45
Горгий Леонтийский.....	48
Демокрит Абдерский.....	50
Диоген Аполлонийский	52
Диоген Синопский.....	53
Евдокс Книдский	54
Евклид из Мегары	55
Зенон Элейский.....	56
Ксенофонт	58
Левкипп	61
Пиктор Квинт Фабий	62
Платон	63
Полибий из Аркадии.....	78
Протагор	79
Сократ	82
Феофраст, Теофраст.....	84
Фукидид.....	85
Эмпедокл из Агригента	86
Эпикур	93
Эратосфен Киренский	94
 ТРЕТИЙ ПЕРИОД — ПЕРИОД ПОСТЕПЕННОГО	
УПАДКА АНТИЧНОЙ НАУКИ (I–V вв. н. э.)	99
Авиен Руфий Фест.....	99
Аврелий Августин.....	100
Аврелий Виктор Секст	101
Александр Афродисийский	101
Александр Тралльский	103
Аммиан Марцеллин	104

Витрувий Поллион	105
Гален Клавдий	115
Диоген Лаэртский	116
Диофант Александрийский	117
Климент Александрийский Тит Флавий	118
Либаний	121
Ливий Тит	121
Лукреций Кар Тит	122
Макробий Амвросий Феодосий	130
Манилий Марк	131
Орозий Павел	135
Папп Александрийский	136
Плиний Старший, Гай Плиний Секунд	137
Плотин	142
Плутарх	144
Порфирий	145
Прокопий Кесарийский	146
Птолемей Клавдий	149
Саллюстий Гай Крисп	157
Светоний Гай Транквилл	159
Секст Эмпирик	162
Стефан Византийский	165
Тацит Публий Корнелий	165
Филон Библиский	168
Цельс Авл Корнелий	169

Учебное издание

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ЭПОХА АНТИЧНОСТИ

Составители : **Бармин** Александр Вячеславович
Запарий Владимир Васильевич
Камынин Владимир Дмитриевич
Кириллова Марина Геннадьевна
Лазарева Елена Владимировна
Лахтионова Елизавета Сергеевна
Москаленко Максим Русланович
Фарманов Борис Исакович

Редактор *Т. Е. Мери*
Компьютерный набор *А. В. Бармина*
Верстка *Е. В. Ровнушкиной*

Подписано в печать 21.03.2016. Формат 60×84 1/16
Бумага писчая. Плоская печать Усл. печ. л. 10,23.
Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 150 экз. Заказ 69.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: 8 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: 8 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс 8 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

